

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.12.2021 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,6. Тираж 500 экз.

Заказ № 379/427.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ**Ершов Юрий Геннадьевич**

Циклы истории: трагический
опыт России 7

Сандлер Даниил Геннадьевич

Анализ состояния региональных
систем высшего образования 20

Борисов Сергей Валентинович

Субъектность и адаптивность
современной молодежи:
возможности измерения (экспертизы)
нефизических величин 38

Камалиева Ирина Ринатовна

Феномен пациента в условиях
медиализации жизни:
философско-антропологические
аспекты проблемы 47

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* — доктор философии, профессор (г. Севилья, Испания)
С. В. Борисов — доктор философских наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Е. В. Грунт — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов — доктор философских наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Филип Иванович — Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
Виктория Лезьер — доктор философских наук, профессор (г. Форкалькейре, Франция)
В. Г. Ледяев — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. Н. Медушевский — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
В. А. Нехамкин — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Павлов — доктор философских наук, профессор (г. Тюмень, Россия)
В. Д. Попов — доктор философских наук, профессор (г. Москва, Россия)
Г. Л. Тульчинский — доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. С. Чупров — доктор философских наук, профессор (г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* — доктор политических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. В. Павраз — доктор политических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
А. В. Понделков — доктор политических наук, профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)
О. Ф. Русакова — доктор политических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс — доктор философии, профессор (г. Упсала, Швеция)
А. Ю. Сунгуров — доктор политических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* — доктор социологических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица — доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* — доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Ковбан — кандидат юридических наук, доцент (г. Одесса, Украина)
С. В. Кодан — доктор юридических наук, профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. Б. Сергеев — доктор юридических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Байтенова — доктор экономических наук (г. Алматы, Казахстан)
В. И. Бархатов — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Л. М. Муталиева — кандидат экономических наук (г. Астана, Казахстан)
И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Т. Ю. Савченко — кандидат экономических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
А. Н. Лукин — кандидат культурологии, доцент (г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* — кандидат исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)
С. С. Смирнов — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск, Россия)
Д. В. Тимофеев — доктор исторических наук, доцент (г. Челябинск, Россия)

ВЛАСТЬ

Зорин Василий Анатольевич

Политическое лидерство в контексте реформы местного самоуправления в Челябинске: политико-психологический анализ55

Выдрин Олег Владимирович

Электоральная конкуренция на выборах представительных органов местного самоуправления в г. Челябинске: до и после реформы 2014 г.69

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Гордеев Сергей Сергеевич, Кочеров Андрей Валерьевич, Меркер Вера Викторовна

Анализ трансформации «зеленых зон» неоднородного социального пространства: на примере агломерации Челябинска и городского бора83

Гордеев Сергей Сергеевич, Зырянов Сергей Григорьевич, Аверьянова Дарья Валерьевна

Визуализация миграционных процессов в городах Южного Урала: от трансформации социального пространства к его деформации94

ИНФОРМАЦИЯ для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 09.00.01 — Онтология и теория познания.
- 09.00.03 — История философии.
- 09.00.04 — Эстетика.
- 09.00.05 — Этика.
- 09.00.07 — Логика.
- 09.00.08 — Философия науки и техники.
- 09.00.11 — Социальная философия.
- 09.00.13 — Философская антропология, философия культуры.
- 09.00.14 — Философия религии и религиоведение.
- 23.00.01 — Теория и философия политики, история и методология политической науки.
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.
- 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством.
- 08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит.
- 08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 144.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

КУЛЬТУРА

Погорельская Елена Юрьевна, Чернов Леонид Сергеевич

Философия мастерства
(на примере наследия П. П. Бажова) 107

Богданова Вероника Олеговна

Методологические основы применения герменевтического подхода в преподавании гуманитарных дисциплин.
Часть 1. Основные принципы герменевтики 120

Новикова Оксана Николаевна

Игроизация пространственно-временного бытия человека в контексте виртуальной реальности 128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Маркварт Эмиль, Нечаева Светлана Владимировна

Управление устойчивым развитием регионов России в условиях новой реальности: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2021 года, Челябинск, Российская Федерация)..... 138

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration
 Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 30.12.2021.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,6. Issues — 500.
 Order № 379/427.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

Yurii G. Ershov

Cycles of history:
 Russia's tragic experience..... 7

Daniil G. Sandler

Analyzing the state of regional
 higher education systems 20

Sergey V. Borisov

Subjectivity and adaptability
 of modern youth: possibilities
 of measuring (examining)
 non-physical quantities..... 38

Irina R. Kamaliev

The phenomenon of the patient
 in the context of life medicalization:
 philosophical and anthropological
 aspects of the problem..... 47

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
S.V. Borisov — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. Grunt — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. Ershov — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Filip Ivanović — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
Victorya Lezyer — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. Ledyaeв — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. Medushevsky — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
V.A. Nekhamkin — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Pavlov — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. Popov — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
G.L. Tulchinskii — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)
A.S. Chuprov — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. Pavroz — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. Ponedelkov — Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Ruskova — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov — Ph.D., Professor
(St. Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. Kostina* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza — Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. Graftskiy* — LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. Kovban — Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan — LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev — LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova — Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
V.I. Barkhatov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. Mutalievа — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. Lavrentyeva — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev — Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

POWER

Vasily A. Zorin

Political leadership in the context of local self-government reform in Chelyabinsk: political and psychological analysis55

Oleg V. Vydrin

Electoral competition in the elections of the representative local self-government bodies in Chelyabinsk: before and after the 2014 reform69

ECONOMICS AND MANAGEMENT

**Sergey S. Gordeev,
Andrey V. Kocherov,
Vera V. Merker**

Analyzing the transformation of “green zones” in a heterogeneous social space: as exemplified by the agglomeration of Chelyabinsk and the city pine forest83

**Sergey S. Gordeev,
Sergey G. Zyryanov,
Daria V. Averyanova**

Visualizing migration processes in the Southern Urals’ cities: from the social space transforming to its deforming94

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 144.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia**
38909

CULTURE

**Elena Yu. Pogorelskaya,
Leonid S. Chernov**

Philosophy of mastery
(as exemplified by P.P. Bazhov's legacy 107

Veronika O. Bogdanova

Methodological foundations
for applying the hermeneutic
approach in teaching the humanities.
Part 1. Basic principles
of hermeneutics 120

Oksana N. Novikova

Gamification of a person's spatial
and temporal existence
in the context of virtual reality..... 128

SCIENTIFIC LIFE

**Emil Markvart,
Svetlana V. Nechaeva**

Managing sustainable development
of Russian regions in the new reality:
results of the all-Russian scientific
and practical conference
(October 26, 2021,
Chelyabinsk, Russian Federation) 138

Для цитирования: Ершов Ю. Г.
Циклы истории: трагический опыт России // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 7—19.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19.

УДК 321.01

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19

ЦИКЛЫ ИСТОРИИ: ТРАГИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

Ершов Юрий Геннадьевич,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема цикличности социально-исторического развития. Цикличность позиционируется как универсальная черта общественного развития, позволяющая использовать «уроки истории» в прогнозировании будущего. Особое внимание уделено анализу причин хронических срывов модернизации в России. Специфика цикличности российской истории усматривается в действии институциональной матрицы, соединяющей в монолитное целое авторитаризм и подавление частной собственности.

Ключевые слова:
цикл,
история,
авторитаризм,
модернизация,
феномен «псевдо»

Введение

Анналы любой цивилизации хранят «мудрые» изречения о неминуемой каре за невыученные уроки истории — в виде неизбежных и печальных последствий. Но и сегодня, как прежде, звучат сожаления о том, что историю опять никто не «слушает».

Кому же адресуются упреки в глухоте? Скорей всего, теоретикам, творящим фундаменталистские схемы прогресса и упоенным собственным провидческим талантом. Политикам, чуждым всякой теории и озабоченным сиюминутной «злойбой дня» — во имя сохранения собственной власти. «Широкие народные массы», как правило, знают собственную историю на уровне официальных мифов, застывших стереотипов и чудовищных предрассудков. Последние обычно имеют мало общего с реальной историей, как впрочем, и официальная историография, угождающая правящему классу¹. Все вместе они не слышат «предупреждений» истории, привычно списывая их в разряд заумных, а то и враждебных бредней от историков и философов.

Надо ли после этого удивляться, — как выражался известный виртуоз русской словесности относительно российской действительности, — тому, «что никогда такого не было — и вот опять». Жизнь общества и государства превращается в дежавю — повторение прежних проблем, ситуаций и персонажей.

Подобная ситуация типична для стран, «застрявших» в кризисах собственных преобразований. Т. Ворожейкина свою статью, посвященную анализу превращения бывшего сандиниста Ортеги в аналог свергнутого сорок два года назад (при его активном участии) диктатора Сомосы, начинает эпиграфом от никарагуанского философа. По словам Алехандро Серрано Кальдера: «Наше будущее похоже на прошлое, которое постоянно возвращается, как будто наша история — это стационарный велосипед» [9, с. 18].

Но повторы повторам рознь. Вспомним известную гегелевскую мысль об «уроках истории». «Правителям, государственным людям и народам, — писал философ, — с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно

¹ Мы отвлекаемся от проблемы исторической истины и исходим из возможности правдоподобных утверждений, следующих из инвариантного фактологического материала.

было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего. В этом отношении нет ничего более нелепого, как столь часто повторяемые ссылки на греческие и римские примеры в эпоху Французской революции» [10, с. 61—62].

Следует ли из гегелевской оценки вывод о невозможности каких-либо уроков истории вообще? Сделаем необходимые уточнения.

Во-первых, рассуждение Гегеля часто редуцируют к парадоксальной формулировке: «История учит, что ничему не учит», вызывающей «убийственный» вопрос: как же история ничему не учит, коль скоро само высказывание выглядит уроком истории. Снятие формального парадокса достигнуто уточнением содержания используемых понятий и устранением их метафорического смысла. Отмечается, что, во-первых, история не «учитель» (неодушевленный субъект) и уже по этой причине не может никого учить. Во-вторых, «ничему» и невозможно учить. Наконец, выражение «история учит» можно интерпретировать как то, что неповторимость и уникальность исторических событий вовсе не исключает определенную меру повторяемости — повторяемости ошибочных исторических решений и их последствий (войн, деградации экономики и культуры) или повторяемости непринятия правильных решений, опять же, ведущих к неблагоприятным последствиям. Инварианты, присущие психофизиологии человека, социальной организации и функциям культуры, обнаруживают себя на протяжении всей человеческой истории; они создают сходные ситуации, сходные варианты развития событий. В разные времена и у разных народов мы встречаем одинаковые сценарии дворцовых интриг и природных восстаний, однотипны поводы и причины развязывания войн. Всемирная история демонстрирует удивительно схожие фигуры диктаторов, повторы, пусть и в разных лексических формах, одних и тех же идеологических аргументов и т. п. Даже учитывая абстрактность этой инвариантно-

сти («бледного воспоминания прошлого», по Гегелю), нельзя не видеть её познавательного значения.

Цикличность имманентна Миру в целом и всей человеческой истории. Элементарные повторения в жизни человека и общества, сопряженные с универсальными природными циклами, — смена дня и ночи, времен года и т. п. составляют основу планирования и прогнозирования социальных и политических практик. Возрастание сложности общественных отношений, ускорение темпа социальных изменений, тем более радикальное реформирование социума — все это превращает знание об исторических циклах в идейный инструмент, открывающий возможности предотвращения социальных катастроф. Невежество, равносильное отрицанию национального и мирового опыта, лишает властителей оснований для поиска и принятия рациональных управленческих решений, углубляет социальный раскол и моральный кризис — главные препятствия созданию лучшего общества. Возникает заколдованный круг — невыученные уроки истории наказываются их пересдачей, но новые «ученики» снова не готовы ввиду непонимания непреходящей ценности знания о прошлом и его роли в определении смысла и контуров будущего. Пренебрежение историей чревато ошибочными решениями, несущими в себе семена катастроф и катаклизмов в развитии общества.

Обсуждение

Под цикличностью в истории «понимается совокупность процессов и явлений, составляющих кругооборот в течение определенного промежутка времени и приводящих социальную систему в исходное или подобное исходному состояние» [14, с. 335]. Цикличность истории определяется как периодическое повторение тех или иных черт (характеристик, параметров) социокультурных систем различного уровня и различного масштаба, «...или подобие событий и явлений, наблюдаемых в развитии разных обществ или в развитии одного общества на разных этапах, а также периодическое изменение направления, вектора социальных процессов» [14, с. 336]. Природа цикличности разнообразна — от сопряженности культуры, хозяйственно-экономической жизни, смены поколений и т. д. с природными ритмами, — до внутренних колебательных изменений в развитии общества или его подсистем. Опираясь на исследования

исторических циклов экономистами (Китчин, Жюглар, Лабрус, Кузнец, Кондратьев), Ф. Бродель пишет о синхронности этих циклов, их смещении, влиянии на движение целого и о возможности изучения каждого из них в относительной самостоятельности [5, с. 67]. Источником цикличности может выступать преобладание в развитии, ведущая к повторению черт предыдущих стадий, или реакция на радикальные изменения, нарушающие гомеостазис системы, и вызывающая возврат к прежнему структурному состоянию. Подчеркивается открытый характер социально-исторических циклов, что означает частичное возвращение социальной системы в исходное состояние, равно как и периодическое изменение вектора социальных изменений. По мнению А. Шлезингера-старшего, политический цикл нельзя рассматривать через образ маятника, поскольку это подразумевает колебания между двумя неподвижными точками, цикл не возвращает нацию в прежнее положение. Поэтому наиболее подходящим образом выступает спираль, в которой витки повторяются на все более высоких уровнях и аккумулируют изменения, что делает несбыточными пророчества [18, с. 43, 52]. Ф. Бродель, стремясь подчеркнуть значение истории как исключительного средства исследования, делает это через риторические вопросы: «Разве настоящее не находится больше чем наполовину во власти прошлого, упорно стремящегося выжить? И разве не предоставляет прошлое посредством своих закономерностей, своих различий и своих сходств ключ, необходимый для всякого серьезного понимания настоящего?» [5, с. 11].

Существуют разные версии цикличности всемирно-исторического процесса. Выделяются не только экономические или государственно-политические циклы, но военно-политические, социокультурные и т. п. циклы, раскрывающие ритмы истории. Модели циклической динамики строятся по разным принципам. Их разнородность приводит к частичным совпадениям, дополнениям, подтверждениям или противоречиям получаемых выводов. «Только единичные концепции циклической динамики, — считает И. В. Ефимчук, — охватывают всю историю человечества (от появления первых гоминид) или хотя бы весь период цивилизованной истории, то есть, по сути дела, эпохи производящего хозяйства. Значительный разброс наблюдается как по исходным методикам, принятым авторами, так и по датировкам

рассматриваемых ими циклов. Во многих концепциях выбор “точки отсчета”, с которой начинается построение моделей, со стороны выглядит достаточно произвольным, обусловленным вкусами и предпочтениями их создателей и не всегда полностью убедительным для читателя» [11, с. 146].

Российский и советский экономист Н. Д. Кондратьев обосновал наличие периодических циклов современной мировой экономики, продолжительностью 40—60 лет, порождающих соответствующие циклы мировой истории. Его гипотеза получила подтверждение и дальнейшую разработку в трудах современных исследователей.

Таким образом, цикличность социальных процессов может быть усмотрена по самым различным основаниям, но А. Шлезингер-младший обратил внимание на то, что подлинность цикла обусловлена его внутренней природой — «каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущих противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота. Другими словами, истинный цикл является самовоспроизводящимся» [18, с. 46—47]. Особое внимание американский историк обращает на такой параметр политического цикла, как жизненный опыт поколения, играющий роль главной движущей силы [18, с. 50]. В этом «поколенческом» контексте нельзя не вспомнить слова человека, впервые отметившего циклический характер российской истории: «Мы так удивительно шествуем во времени, что по мере движения вперед пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и раздражительной. Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас откуда-то извне. Мы воспринимаем идеи только в готовом виде; поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед, но в косвенном направлении, т. е. по линии, не приводящей к цели» [17, с. 21].

Оригинальную интерпретацию повторяемости общественного развития предложил В. М. Кайтуков, автор психофизиологической концепции истории (его идеи, к сожалению, по сей день не получили должного теоретического осмысления). Он считал, что «разнообразие исторических событий и

идей и еще большее разнообразие индивидуальных судеб, поступков, мыслей создает иллюзию неповторимости и единственности жизненных мгновений социума. Но это в корне неверно. Ограниченное число психотипов, детерминирующих основную структуру жизненных активаций, расцветается несущественными индивидуальными чертами и подвергается воздействию внешних факторов» [13, с. 3]. Поэтому во все времена, при различных политических режимах и в разных системах общественных отношений все сущностные черты человека — мысли, мотивации, идеалы, мечты и т. п. — едины и неизменны. При всех упрощениях в концепции исторической действительности В. М. Кайтукова этот вывод заслуживает дальнейшего критического анализа.

Цикличность российской истории долгое время практически не исследовали, ограничиваясь цитированием П. Я. Чаадаева. Одним из первых стал А. Янов, писавший о России: «В какой другой стране могло случиться, чтобы одно и то же политическое нововведение понадобилось вводить снова и снова — дважды, трижды... Трагедия сталинизма столетия спустя повторила трагедии грозненской опричнины и петровского террора. В этом смысле русская история, можно сказать, постоянно беременна трагедией» [19, с. 46, 47]. Он же провидчески отметил: «...страдания, причиненные распадом империи, огромны. Имперская традиция могущественна. Жить без империи страна не умеет. Она чувствует себя осиротевшей, несчастной, обрубленной. Не успев сбросить феодальные вериги, она снова погибает от тоски по ним. И нет никаких гарантий, что и эта, вторая за столетие, попытка освободиться не кончится тем же, что и первая — сменой имперской маски» [20, с. 184]. О цикличности русской духовной жизни пишет В. Б. Пастухов, считая, что «последовательность, когда одна фаза замещает другую, может раскрыть многие тайны. В России редко получается думать и делать одновременно. Поэтому эпохи бесплодных исканий здесь чередуются с годами бессмысленных преобразований» [15, с. 49]. Сравнивая русскую идеологию с птицей Феникс, рождающейся, чтобы сгореть, и сгорающей, чтобы родиться в новой ипостаси, он выделил в ней последовательность четырех основных фаз: импорт западных идей, их адаптация к русским условиям и нуждам, ритуализация — превращение идеологии в средство бюрократического контроля, деградация — отторжение идеологии массовым сознани-

ем. Переход от одной фазы к другой — это всегда качественный «скачок», новый уровень взаимодействия идеологии, государства и общества» [15, с. 55]. Гибель гибридной идеологии и, соответственно, крах воплощающей её политической системы дает начало новому циклу. Знаменательно, что во всех перипетиях русской идеологии, по мнению В. Б. Пастухова, ее «сквозной характеристикой является апология государственного произвола. Как бы русская мысль не изощрялась, она всегда, в конечном счете, обонует самодержавие» [15, с. 55].

Глубокую разработку социокультурной методологии исследования циклов истории, ее творческого применения к истории России — от Киевской Руси до перестройки в СССР дал А. С. Ахиезер. В его определении циклов истории привлекают внимание «...колебания, пульсация тех или иных важных массовых характеристик общества. Их существование объясняется приобщением общества к природным ритмам, общим закономерностям сложных систем, их постоянной самопроверкой на прочность через периодическое приближение сложной социальной системой к некоторым крайним, реально или потенциально критическим, возможно, предкатастрофическим ситуациям» [4, с. 436]. Ахиезер, вопреки позиции А. Шлезингера-старшего, продуктивно использовал образ маятника для объяснения циклов российской истории — в единстве возвратных и поступательных движений.

В своих размышлениях о тенденциях и возможных направлениях их развития советского общества после хрущевской «оттепели» «закон маятника» формулирует писатель В. Войнович. Он пишет: «Сталинский террор был одной стороной амплитуды, хрущевская оттепель приближалась к другой. Преемники Сталина, устав пребывать в постоянном страхе за собственную жизнь и видя все-таки, что страна гниет, согласились на ограниченную либерализацию режима, но вскоре заметили, что удержать ее в рамках трудно, она стремится к завоеванию все новых позиций и дошла уже до пределов, за которыми неизбежно изменение самой сути режима. А они в режиме жить боялись, а вне его не умели. Теперь не было ни веры, ни страха. Народ распустился. ...Надо, пока не поздно, дать по рукам» [8, с. 18—19].

Циклы истории выступают как форма инерции истории, консервативная реакция на радикальные изменения в обществе, вызывающая инволюцию социальных процессов. Выступая стихийной силой истории,

циклы могут превращаться в угрозу существования общества и государства, требуя тщательного изучения — для прогнозирования и своевременного предотвращения социальных катастроф. Тем более, что серьезно разработанной классификации и типологии исторических циклов пока не существует.

Разумеется, российской истории свойственны цикличность, периодичность и волнообразность движения и развития, присущие и другим социумам и цивилизациям. Но нас интересует, в первую очередь, особый характер цикличности российской истории последних трехсот лет. О нем свидетельствуют хронически нерешаемые задачи модернизации. Как будто действует своеобразный «гироскоп» отечественной истории, постоянно возвращающий реформирование к его начальному пункту. Неизбежно возникает вопрос, вновь и вновь волнующий всех, кто встревожен судьбой Отечества и государства — что же нужно, наконец, «...чтобы прорвать этот словно бы заколдованный круг («реформы-контрреформы, революции-диктатуры»), затянувшийся в России на четыре столетия. Но что?» [21, кн. 4, с. 179].

Попробуем определить методологические контуры исследования этой сложнейшей проблемы, используя возможности синергетического подхода.

В самом общем, синергетическом виде, цикл предстает как пульсация хаоса и порядка — изменения через фазы разрушения прежней системы, острого кризиса, и период становления нового порядка.

В синергетике различают два типа кризиса: преимущественно внутреннего или преимущественно внешнего происхождения. Их разрешение может вести к выходу системы на траекторию более высокого уровня развития, или ее сохранение в прежнем состоянии, или же деградацию, примитивизацию системы. (Каждый раз речь идет о **базовых чертах системы**, что особенно важно в случае циклически возвратных движений). Тот или иной характер изменений существенно зависит от генезиса кризисной ситуации. Детерминация внешними причинами (экзогенный кризис) ведет к трансформации преимущественно идиоадаптивного характера (и в природе, и в обществе). **В эндогенном (внутреннем) кризисе адаптация происходит скорее не к спонтанным изменениям, а к последствиям собственной активности неравновесной системы, к ее новым возможностям.** Хаос, возникающий по мере разрушения прежнего по-

рядка, характеризуется взаимодействием и соперничеством аттракторов различного происхождения — как долговременно действующих, так и недавно возникших, обладающих различным «удельным весом». (В качестве аттракторов выступают ценности и идеалы, ментальные и институциональные матрицы и т. п., — имеющие как общесоциетальный, так и субкультурный характер). В действительности оба пути развития кризиса взаимодействуют друг с другом через собственные составляющие, что создает множество вариаций будущего состояния системы. Тем не менее методологически важно подчеркнуть, что в социокультурной системе, сохраняющей свою историческую идентичность (народа, страны, государства) детерминация будущего определяется, в конечном счете, внутренними причинами.

Формально начинать исследование цикличности в истории России можно с любой фазы (стадии, периода, этапа) цикла. Наш выбор определяется стадией контрреформ, поскольку именно так (в целом) можно охарактеризовать актуальное состояние российского социума. При этом будем помнить про относительность социального времени, асинхронность изменений различных подсистем общества и историческую инерцию сохранения генетически разнородных черт промежуточного общества. Последнее обстоятельство особенно значимо ввиду сохранения традиционного для России социокультурного раскола, выступающего весомым фактором смены фазы реформ консервативной реакцией.

Двойственность фазы контрреформ создается как провалом реформ, ввиду и нежелания, и неспособности к их проведению правящим классом, так и его стремлением любой ценой сохранить завоеванное политическое и экономическое господство. Страх возможной катастрофы и страх перед изменениями взаимно обуславливают друг друга, выражаясь, прежде всего, в укреплении силовых структур — росте их численности, вооружения и денежного содержания. Политическая лояльность становится главным условием управленческой карьеры и деловой активности. Более того, политический конформизм постепенно навязывается как всеобщая норма поведения. Политико-административный контроль над обществом начинает приобретать тотальный характер. Законодательство ужесточается до абсурда, предоставляя все более широкие полномочия силовым структурам и судебным орга-

нам для пресечения протестной активности и даже инакомыслия. Не менее иррациональна и правоприменительная практика, использующая надуманные поводы для демонстрации служебного рвения.

Лавинообразно растут, опять же во взаимной связи, неисполнение управленческих предписаний и усложнение административных процедур, свидетельствующих как о росте управленческой некомпетентности, так и о замыкании бюрократических структур на задачах самосохранения. Решения отменяются и пересматриваются, к ним опять возвращаются; цепь частичных, односторонних, непродуманных решений не складывается в целостное решение проблем. Внутренний механизм воспроизводства цикла транслирует архаичные виды управления и контроля из тех эпох, где цикличность была естественна и приемлема. Подобный циклизм деструктивен, коль скоро завершение цикла в большей или меньшей мере уничтожает результаты предшествующего развития культуры, организационных форм власти и управления, дискриминирует субъектов социального и культурного творчества. Более того, в рамках ценностного отторжения результатов эффективных реформ они снова воспринимаются как хаотические, непредсказуемые, катастрофические.

Складывается атмосфера общей неудовлетворенности — рост осознания бессилия и в связи с этим боязнь изменений, их возможных неконтролируемых последствий. Апатия, равнодушие, неспособность изменить положение к лучшему, все это парализующее действует и на правящий класс, и на общество. Множатся симптомы непонимания авторитарной властью содержания исторических вызовов извне и изнутри и подведения общества к новому застою.

Одним из мощных (и традиционных) сигналов перехода к фазе контрреформ служит переориентация официальных и провластных СМИ на обличение традиционных пороков европейской (сейчас — западной) цивилизации, «изначально враждебной России». Меняются тренды общественнознания — потоки бессодержательных и вторичных публикаций о правовом государстве, гражданском обществе, «естественных» правах и свободах и т. п. меняются на высоконравственные филиппики в честь «традиционных» ценностей, «особого Пути», православной самобытности и т. д. Сбиваясь на истерический пафос, они критикуют действительно уродливые формы утилитаризма, свойственные

процессу «рекапитализации» России. Но эта критика в действительности скрывает борьбу с рациональностью разнообразных практик современного общества и связанных с ними ценностей. Лексика и риторика обличения «чужого» и восхваления «родного» местами неотличима от сопоставимых периодов царствования Николая II, Александра III и советского общества. Но возникают и новые сюжеты: поношение «гей-Европы», злорадство по поводу массового притока в неё нелегальных мигрантов, критика злоупотребления индивидуальными правами и свободами, обвинения в традиционной ненависти к России, уже не различаемой (в этом контексте) с Советским Союзом. Все это скрывает (порой бессознательно) отрицание идей и ценностей правового государства, разделения властей и т. п., все то, что без преувеличения можно отнести к цивилизационным достижениям Европы.

Официальная пропаганда по известной модели сосредотачивается на успехах и достижениях (действительных или мнимых), избегая серьезного анализа системных проблем и негативных черт. Власть щедро делится своим историческим оптимизмом, закрывая глаза на рост нищеты, имущественного неравенства, деградации образования, медицины и науки.

Интеллектуальная и организационная немощь оппозиции, борьба личных тщеславий или откровенная продажность политиков и т. п., приводят к массовому разочарованию населения в их способности отстаивать интересы людей. Прежние прозападные и пролиберальные симпатии испарились (в том числе по причине их поверхностного понимания), оставив в «сухом остатке» «роевропейское» меньшинство, разрозненное и не пользующейся поддержкой избирателей. Отвечая на запрос общества, отвращающегося фальшью идеологической вывески либеральных ценностей, скрывающей передел власти и собственности, правящая элита прибегает к очередному наступлению на права и свободы, свёртыванию социальной мобильности в обществе. Бюджетная зависимость наёмных работников в рентной по своему характеру экономике, неуклонно повышающей распределительную роль государства, превращает людей в пассивно-покорный элемент системы организации власти и управления. Анализируя причины, по которым российская бедность не провоцирует политический протест населения, В. Иноземцев отмечает: «Наличие абсолютно уязвимой для

действий властей собственности подавляет свободу внутри страны и облегчает поиск таковой за ее пределами» [12, с. 15].

В фазе контрреформ набирает силу и становится доминирующей ментальность, принимающая деспотическую власть и силовые способы контроля в качестве естественного порядка. Сами контрреформы в значительной степени представляют собой адаптацию власти к массовым настроениям. Но любые попытки властной элиты брать за основу государственного строительства культурный потенциал далекого прошлого, например, эпохи Николая I, оборачиваются воплощением в жизнь архаичной утопии.

Соответственно, мотивы и установки поведения, выражающие ценности личностной свободы, воспринимаются враждебно. Повседневность фактически отвергает личную независимость, индивидуальную инициативу, инакомыслие и т. п. «Очередное» дыхание получают идеи о наведении порядка «железной рукой, тоска по «конструктивному» деспотизму, образцом которого предстает ностальгически романтизированный сталинизм. Маниакальное стремление к достижению стабильности непрерывно расширяющейся системой запретов и репрессий закономерно оборачивается снижением эффективности, застоєм и последующей деградацией общественных отношений. Неудачи реформ, накопление их негативных последствий ведут к возложению нищажущими массами вины на реформаторов, к их неприятию вследствие ухудшения жизни людей. Вкупе с ностальгией по утраченному имперскому величию падение авторитета власти, коррупция, экономический упадок и рост преступности образуют взрывоопасный коктейль.

Сужение свобод распространяется и на чиновничью и политическую иерархии, зависящих от автократа, вынужденных (до поры) демонстрировать политическое смирение. Каждый раз это очередное «закрепление» общества — своеобразно отвечает чаяниям и настроению масс, снимая их страх перед дезорганизацией и хаосом. Мы знаем, что ключевой вопрос модернизации — способность государственной власти в приемлемые сроки (в контексте потерь и лишений населения) получить реально ощутимый результат замены устаревших политических и экономических механизмов. Провал же преобразований и угроза потери власти для правящего класса вызывают к жизни режим репрессивного авторитаризма. Он принципиально отличает-

ся от модернизационного авторитаризма, выполняющего сугубо инструментальную и промежуточную (в норме) роль создания рыночной экономики и в дальнейшем политической демократии.

Авторитаризация власти (как способ ее удержания), в фазе контрреформ возвращает единство власти и отношениям собственности, свойственное традиционному обществу. В этой ситуации частная собственность существует или сугубо номинально, или ограниченно — в зависимости от характера налоговой политики и демонстрации предпринимателями политической лояльности. Другими словами, происходит возврат к подчиненным собственникам, экономически несамостоятельным и бесправным индивидам. Разворачивается действие, по А. Аузану, константы российской истории — институциональной пары «самодержавие — крепостничество», которая, конечно, может обеспечивать экономическую деятельность, но и создает серьезные препятствия к последующему экономическому развитию [1, с. 12].

Социальные слои — носители традиционной ментальности, как и люмпенизированные группы, отторгают ценности либеральной риторики, расширяя пространство имперского реванша. Имперская тема имеет особое значение для социума, обладающего так называемым макросоциальным «лицом», т. е. представляющего самостоятельным субъектом долговременного исторического действия с весомой геополитической ролью. А. Янов специально подчеркивает значение «имперского» фактора, сыгравшего свою роль в Германии, Японии и России, в отличие от эволюционной самотрансформации Испании, Чили и Южной Кореи. В культуре последних «не было стремления «...первенствовать среди народов мира — будь то в рамках «нового порядка», как в Германии, или «сферы совместного процветания», как в Японии, или даже «мировой революции», как в России» [20, с. 11]. Империи прошлого насилием и террором обеспечивали свое господство на протяжении ряда веков. В современном мире подобные претензии химеричны и безумны, но, что кажется парадоксом, гораздо более опасны, поскольку неизбежно вызывают обострение глобальной ядерной конфронтации. Сохранение в массовом сознании имперских амбиций неумолимо придает национализму агрессивные и экспансионистские черты. Правда, срок такого национализма недолговечен, но, к сожалению, измеряется количеством цинковых гробов и братских могил.

Государство, усиливая репрессивный контроль сначала по отношению к оппозиции, затем третируя все новыми запретами общество в целом, сужает пространство социальной свободы и социального творчества. Подавление мотивации деятельных и самостоятельных агентов (социальных групп и общностей) лишает социум и государство перспектив дальнейшего развития. Консервируя социальную неразвитость и политическую пассивность значительной части населения, политический режим значительно сужает или закрывает на ближайшее время эволюционный и конструктивный выход из социально-исторического тупика. При этом правящая элита ориентирована только на те социальные изменения, которые, как ей кажется, должны усилить и увековечить ее власть. От решения сложных проблем социального и экономического развития власти отказываются в пользу решения сиюминутных задач, мер пожарного характера. Следуя примитивному эгоистическому утилитаризму, чиновники разрушают государство как организационную силу общества, используя деятельность управленческого аппарата преимущественно в личных целях.

Постоянное чередование стадий кризиса, реформ и контрреформ адаптация авторитаризма к новым историческим условиям вызывает к жизни феномен «псевдо». «Псевдо», служа формальным ответом назревшим переменам, может представлять собой как отдельные институции, так и в целом социум. Это своеобразная историческая «химера», соединяющая несоединимое — современные социальные формы и архаичное содержание. Она сама эволюционирует в связи с изменением исторических обстоятельств. В петровскую эпоху она синтезирует Табель о рангах и боярское местничество, в реформах Александра II — развитие капитализма в самодержавно-крепостнических оковах. Сегодня таков «мнимый конституционализм», в котором либерально-демократические декларации маскируют противоположные по смыслу политико-правовые практики. Химеричны заимствования ЕГЭ и Болонской образовательной системы, ведущие к деградации общего среднего и высшего образования, спортивные достижения за счет систематического применения допинга, международные саммиты и выставки и т. п., скрывающие возрастающее технологическое отставание. По А. С. Ахиезеру, особенно благоприятные условия для возникновения «псевдо» возникают при неорганичных модернизациях, «когда заимст-

вования из иной цивилизации приобретают иное ценностное содержание, интерпретируются в иной модальности, например все ценности либеральной цивилизации превращаются из самоценности в средства» [3, с. 267]. Применительно к идеологии в этом же ключе пишет о «генной инженерии» В. Б. Пастухов, рассматривая приключения западных идей в России. Они под воздействием русского «гена» перерождаются в «невиданный доселе гибрид, в котором слабо угадываются внешние признаки использованного в качестве донора «биологического материала»». Прожив нелегкую, полную мытарств жизнь, гибрид погибает, не оставив потомства. Но совершенствуется метод, и эксперимент повторяется вновь на новом «биологическом материале». Определяя конфликт западных идей и их русской интерпретации как сквозную линию всей истории отечественной идеологии, автор приходит к выводу о неизменной победе апологии государственного произвола и самодержавия, какие бы риторические формулы ни использовались [15, с. 56].

Теоретики неоднократно отмечали в качестве исторической закономерности хроническую незавершенность российских модернизаций. Но этот вывод по-прежнему не интересен политикам и чиновникам, хотя скорее — неизвестен. Между тем без понимания причин провала очередных реформ, их деградации и сползания общества в новый кризис Россия обречена на дурную бесконечность циклических повторов.

Неудачные реформы, своими управленческими патологиями накапливая негативные социальные последствия, массово отчуждают людей от нового общественного порядка. Соответственно, усиливается стремление к возврату прежних форм жизни, традиционалистских ценностей, идеалов уравнительности, пренебрежения правовым порядком. Патернализм как мировоззрение по-прежнему меняет политические свободы на гарантированный прожиточный минимум, аналогично тому, как крепостной крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду. Формы «дикой» рекапитализации в России оставили большинство населения наедине со своими бедствиями, а подчас — открытой нищетой. Возложение вины на реформаторство (и реформаторов) в массовой психологии сопрягается с утопическим желанием возврата к прошлому. Прежние формы простого жизненного уклада на временной дистанции представляются все в большей мере

«золотым веком». Протестная реакция направлена не на защиту более сложных форм культуры, но, наоборот, на восстановление и расширение сферы действия примитивных форм утилитаризма: мошенничества, грабежа, вымогательства, поиска врагов, внешних и внутренних, на которых можно списать негативные явления и неудобства жизни.

Правящие элиты во времена радикальных преобразований логикой событий принуждаются к выбору, который впоследствии будет назван в соответствии с конечным итогом выбора. Как известно, «путч не может кончиться удачей, в противном случае зовется он иначе...». Выбирается либо система ценностей инертного большинства, значительно сокращающая масштабы социальной энергии, либо создаются условия для лидерства творческого меньшинства и постепенного вовлечения большинства в новый порядок жизни. Но чаще всего стихийно складывается ситуация, при которой правящая верхушка жестоко подавляет любые действия политической оппозиции. Меньшинство диссидентов принуждается к эмиграции, внешней или внутренней, апатичное большинство населения легко манипулируется экономическими подачками и символикой имперского величия.

История важнейших преобразований в России — это история хронической неспособности высшей власти обеспечивать устойчивую и конструктивную поддержку реформ большинством общества. Реформы в первой фазе цикла предстают как непрерывная цепь выдвигания иллюзорных целей и их последующее закономерное крушение, — в силу прямого и вульгарного заимствования норм, ценностей и институтов западной цивилизации. Они, во-первых, проблематичны даже по «месту жительства» — из-за этнокультурной неоднородности. Поэтому, во-вторых, в ходе преобразований происходит постепенная подмена новых средств прежними и насыщение новых целей привычным содержанием. Крушение иллюзий сопровождается дезорганизацией социальных институтов. Возникает своеобразный колебательный маршрут, образуемый цепью переходов от одной крайности к другой. При этом закономерно множится количество управленческих ошибок и организационных патологий, резонансно углубляющих хаос в обществе, прежде всего — стремлением к крайним формам авторитаризма.

Так образуется и застывает трагическая промежуточность России — между архаикой

традиционности и современностью («псевдо»), берущая начало, по мнению автора, в петровских реформах. В каждой новой попытке Россия не столько преодолевает эту промежуточность, сколько адаптируется к ней, усиливая неорганическую форму промежуточности. Неорганичность обусловлена характером принимаемых решений — в ответ на вызовы будущего они бесплодно истощают ресурсы, создают дистрофию системы, тем самым поворачивают в прошлое.

Эти решения (стратегия, политика) и ведут к периодической смене реформ контрреформами. Управление и властвование постоянно балансируют между противоположными решениями, в которых новые формы маскируют традиционное содержание. Призывают развивать малое и среднее предпринимательство — душат его налогами и проверками, призывают развивать науку и образование — душат их бюрократическим прессом и недофинансированием. Конституция провозглашает принципы правового и социального государства, на деле оно в считанное время оборачивается авторитарным, полицейским государством. Эти решения делают невозможным полноценный диалог между гражданским обществом и государственной властью, неся в себе потенциал взаимного отторжения между ними.

Однажды возникнув, феномен «псевдо» начинает воспроизводить заколдованный круг — доминирование традиционных ценностей редуцирует смысл новых институций к прежнему порядку жизни, одновременно стимулируя рост негативного отношения к реформаторским новациям.

Промежуточный, гибридный характер общества не означает, что в нем не происходит никакого поступательного развития — даже в фазе контрреформ, при тенденции скатывания в очередной застой. Могут усложняться технологии и инфраструктура, появляться новшества в науке и технике, спортсмены становятся мировыми чемпионами и т. п. Но все это ставится на службу прежней системе ценностей, продляя на время срок существования авторитарного общества. Достигая, порой значительного успеха, в культуре и науке, сохраняя достаточно весомый статус на международной арене, в целом российское государство возвращается к отброшенным историей архаическим методам управления и жизненного порядка.

Развитие общества происходит через разрешение противоречия двух форм

социальных изменений — инверсионно-колебательного и поступательного, отличающихся друг от друга по всем параметрам — формам принятия решений, формам социальной интеграции, ментальности и т. п. Инверсионное движение (возврат к имперству, «самодержавию и крепостничеству») нацелено на достижение статичного идеала стабильности, сохранение традиционных ценностей, противостоя интенсивному и ускоряющемуся развитию либеральной цивилизации.

Контрреформы, в свою очередь, создавая репрессивный режим, вызывают к жизни стихийное сопротивление унификации, стандартизации, схематизации живого творчества. Рост городского населения, уровня образования и осведомленности о реальной жизни людей за рубежом увеличили долю приверженцев современных ценностей, среди которых на первое место вышли права человека и политическая демократия.

Данные обстоятельства не отменяют факт очередного провала идеологии абстрактного, «книжного» либерализма, разделяемого европеизированным меньшинством. Как правило, освоение идей гражданского общества и правового государства происходило поверхностно и не соотносилось конструктивно с реалиями российской повседневности. Либерально-демократическая риторика вызвала массовое отторжение населения от результатов политики уже «пещерного» либерализма. Сыграло свою роль и отторжение тех европейских ценностей, к принятию которых большая часть россиян абсолютно не готова — «гей-парады», однополые браки и т. п. Хаос слома прежних аттракторов (норм и ценностей) и разрушения нормативного порядка оживили авторитарный потенциал традиционных социокультурных матриц. Неготовность и нежелание массы «бюджетников» (того самого «глубинного народа» — по терминологии кремлевского идеолога Вячеслава Суркова) брать на себя ответственность за собственную жизнь и судьбу государства, их «бегство от свободы» стали продуцировать авторитаризм во всех его модусах. Дополнительным фактором возврата общества в привычные формы жизни стала несостоятельность местной и региональной власти полноценно и самостоятельно реализовывать свои функции. Отсюда массовые упования на первое лицо государства, единственно способного привести в чувство «бояр и дьяков». Закономерным следствием подобной ментальности

становится согласие на насилие со стороны внешнего жесткого порядка, развязывающее руки «начальству» любого уровня. Матрица авторитаризма достаточно быстро превратила разделение властей в политическую фикцию («псевдо»), скрывающую монополию исполнительной власти, в обход законодательной власти развивается практика единоличных законодательных актов. Выборная должность неотличима от назначения и обычной службы — первым лицам государственной и муниципальной службы. Судебная власть все в большей мере становится орудием политической расправы и экономического грабежа.

Важным фактором воспроизводства цикличности в смене поколений стала атомизация населения, замыкающегося в стратегиях выживания исключительно в семье и личных связях, Эмбриональные зачатки гражданского общества в условиях «войны всех против всех» начинают чахнуть и уходить в полулегальное положение, если вообще не начинают подавляться в качестве «иностранных агентов». Это стандартный прием российской власти в периодах контрреформ и «заморозки» с целью получения поддержки «снизу» и легитимации подавления оппозиции и с определенным моментом — всех инакомыслящих (ср.: «Берия — английский шпион»).

Конечно, современные версии теории модернизации допускают конструктивную роль тех или иных черт традиционного общества. В зависимости от конкретно-исторической ситуации импульс преобразований может исходить от церкви (костела), патерналистской морали, семейно-кланового предпринимательства и т. п. Но системная активизация ценностей традиционного общества в принципе не может решить назревшие проблемы дальнейшего развития, наоборот, она препятствует созданию условий для массового социального творчества на основе ценностей личной свободы и независимости. Тем самым в очередной раз отвергается логика взвешенных перемен, основанных на компромиссе и эволюционном движении.

Контрреформы, продолжая деструкцию основных — социетальных секторов общества (медицина, образование, наука, искусство и т. д.), усиливают массовое равнодушие людей к воспроизводству и интеграции институтов государства. Социокультурный раскол создает заколдованный круг — стремление одной части общества к новациям, дифференциации, прогрессу

становится энергетическим ресурсом для другой части общества в противодействии изменениям, возвращении стабильности, безмятежной архаики. Невнимание реформаторов к мощи архаики, разбуженной их преобразованиями, непонимание характера последствий предлагаемых новаций, приводят к взрыву традиционализма, отвергающего все зачатки нового, ценности либеральной цивилизации.

Заключение

Подытоживая, выделим ряд основных причин своеобразной «обреченности» российской истории на циклическую смену реформ контрреформами, «оттепелей» «заморозками», на повторение последовательности всех фаз цикла. Это, во-первых, всегда запоздалое начало реформ, соответственно, ухудшенные начальные условия. Преобразования становятся вынужденным ответом на глубокий кризис власти и экономики — вследствие, как правило, ощутимого военного поражения. По этим причинам, во-вторых, отсутствует сколько-нибудь продуманный план реформ, или он — половинчатый, компромиссный, внутренне противоречивый. В свою очередь, это еще и свидетельство интеллектуальной недостаточности реформаторов, случайный характер попадания в их ряды. В-третьих, исчерпание ресурсов и легитимности власти для поддержания стабильности общества и эффективности управления им, раскол политической элиты в отношении к изменениям. Наконец, самое главное, объясняющее фундаментальные причины конечного краха всех благих начинаний в России — сохранение (во времена реформ — латентно), в период контрреформ явно — институциональной матрицы «самодержавие — крепостничество». Именно она по сей день предопределяет все коллизии российской истории, ведущие начало от петровских реформ, в том числе и ее циклический характер.

Для понимания динамики аттракторов социума в настоящем и ближайшем будущем значим вывод социолога Л. Бызова, давно погруженного в изучение перипетий современной российской истории. Говоря о смерти коммунистической идеи уже к началу перестройки, он утверждает тезис о живучести типа «советского человека, пытающегося совместить «сильное социальное государство» с частной жизнью и слегка подкрасившегося в цвета патриотизма и православной идентичности...» [7, с. 3].

Высокая степень приспособляемости этого личностного типа к условиям жизни, диктуемым государством, делает проблематичным его активное и массовое участие в преобразовании социума на основе принятия и освоения ценностей иного порядка, культивирующих независимость и самостоятельность человека и гражданина. Управление обществом мыслится традиционно — через приобщение к государственно-бюрократической организации, игнорирующей всю многомерность и многозначность во многом противоречивой реальности, гораздо более сложной, нежели используемые управленческие схемы, препятствующие саморазвитию гражданского общества. Об этом писал П. Бурдьё: «...по мере того, как развивается процесс институционализации и возрастает мобилизационный аппарат, на практике и в настроениях беспрерывно усиливается весомость императивов, связанных с воспроизводством аппарата и предлагаемых им постов. Привязывающих к себе тех, кто их занимает, всякого рода материальными и символическими интересами в ущерб императивам стремления к достижению целей, провозглашенных аппаратом» [6, с. 217].

Динамика внешней и внутренней российской политики последних лет делает ничтожной надежду на эволюционный выход из кризиса за счет собственных политических ресурсов и сил. Другими словами, большинство населения вместо добровольного и сознательного воспроизводства государства пассивно приспособляется к снижению уровня жизни и росту запретительно-репрессивных практик. Вместо стремления конструктивно перестроить государство от него уходят в частную жизнь, из него бегут, наконец, его начинают разрушать прямым криминальным поведением или фактическим саботажем усилий государства и власти.

Как отметил А. В. Рубцов по поводу современной российской действительности, «опять ребром встает вопрос: есть ли конец у истории срывов в социальную дикость и политическую архаику или же под каждой будущей оттепелью и далее будет проступать вечная мерзлота? Даже если завтра вдруг опять свобода, любой новый акт российской модернизации, либерализации и проч. теперь долго будет восприниматься как еще один ненадежный и преходящий экскурс в заповедник будущего. А это уже проблема не участка маршрута, но самого графика движения страны в истории [16].

Отказ населения поддерживать государство в истории любого общества всегда

приводил к значительным потерям накопленного культурного богатства, регрессу в развитии человека и общественных отношений. Более того, циклическое воспроизводство социокультурного раскола, тем самым неспособности к реальной модернизации, чревато национальной катастрофой, то есть очередным крахом государства с проблематичностью его дальнейшего возрождения. Попытки же преодоления кризиса контрреформ в российской истории с помощью имперской внешней политики всегда (т. е. циклично повторяясь) приводили к результату, известному по судьбам Российской империи и Советского Союза.

1. Аузан А. Третья попытка // Новая газета. 2021. 01.03. С. 12—15.

2. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 318 с.

3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 377 с.

4. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Том III. М. : Изд-во ФО СССР, 1991. 470 с.

5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. М. : Прогресс, 1992. 679 с.

6. Бурдьё П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993. 336 с.

7. Бызов Л. Перестройка — наше прошлое или наше будущее? // Литературная газета. 2015. 21—27 янв.

8. Войнович В. Портрет на фоне мифа. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 192 с.

9. Ворожейкина Т. Обнуление по-никарагуански // Новая газета. 2021. № 78. 18 июля. С. 18.

10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.

11. Ефимчук И. В. Фрактальность истории. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 146—156.

12. Иноземцев В. Почем бунт лиха: почему российская бедность не провоцирует протест // Новая газета. № 78. 2021. 18 июля. С. 15.

13. Кайтуков В. М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М. : Благотворительный фонд «Норд», 1992. 416 с.

14. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. IV. 736 с.

15. Пастухов В. Б. Конец русской идеологии: Новый курс или новый Путь? // Полис.

Политические исследования. 2001. № 1. С. 49—63.

16. Рубцов А. В. Свобода и баррикады. URL: <http://www.vedomosti.ru/newsline/news/35971261/svoboda-i-barrikady> (дата обращения: 28.10.2021).

17. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Сочинения. М. : Правда, 1989. С. 15—34.

18. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории : пер. с англ. М. : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. 688 с.

19. Янов А. Если перестройка потерпит поражение... // Общественные науки. 1990. № 3. С. 37—49.

20. Янов А. После Ельцина. «Веймарская» Россия. М. : КРУК, 1995. 320 с.

21. Янов А. Л. Русская идея. От Николая до Путина. Книга четвертая (2000—2016). М. : Новый хронограф, 2016. 320 с.

References

1. Auzan A. (2021) *Novaja gazeta*, 01 Marth, pp. 12—15 [in Rus].

2. Ahiezer A.S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta*. Vol. I. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 318 p. [in Rus].

3. Ahiezer A.S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta*. Vol. II. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 377 p. [in Rus].

4. Ahiezer A. S. (1991) *Rossija: kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnyj slovar')*. Vol. III. Moscow, Izd-vo FO SSSR, 470 p. [in Rus].

5. Brodel' F. (1992) *Vremja mira. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv.* Vol. 3. Moscow, Progress, 679 p. [in Rus].

6. Burd'e P. (1993) *Sociologija politiki*. Moscow, Socio-Logos, 336 p. [in Rus].

7. Byzov L. (2015) *Literaturnaja gazeta*, 21—27 January [in Rus].

8. Vojnovich V. (2002) *Portret na fone mifa*. Moscow, Izd-vo JeKSMO-Press, 192 p. [in Rus].

9. Vorozhejkina T. (2021) *Novaja gazeta*, no. 78, 18 July, p. 18 [in Rus].

10. Gegel' G.V.F. (1993) *Lekcii po filosofii istorii*. St. Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].

11. Efimchuk I. V. (2010) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 146—156 [in Rus].

12. Inozemcev V. (2021) *Novaja gazeta*, no. 78, 18 July, p. 15 [in Rus].

13. Kajtukov V.M. (1992) *Jevoljucija diktata. Opyty psihofiziologii istorii*. Moscow, Blagotvoritel'nyj fond «Nord», 416 p. [in Rus].

14. *Novaja filosofskaja jenciklopedija* (2010). Vol. IV. Moscow, Mysl', 736 p. [in Rus].

15. Pastuhov V.B. (2001) *Polis. Politicheskie issledovanija*, no. 1, pp. 49—63 [in Rus].

16. Rubcov A.V. Svoboda i barrikady. Available at: <http://www.vedomosti.ru/newline/news/35971261/svoboda-i-barrikady>, accessed 28.10.2021 [in Rus].

17. Chaadaev P.Ja. (1989) Sochinenija. «Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe». Moscow, Pravda, pp. 15—34 [in Rus].

18. Shlezinger-mladshij A.M. (1992) *Cikly amerikanskoj istorii*. Moscow, Progress, Progress-Akademija, 688 p. [in Rus].

19. Janov A. (1990) *Obshhestvennye nauki*, no. 3, pp. 37—49 [in Rus].

20. Janov A. (1995) *Posle El'cina. «Vejmarskaja» Rossija*. Moscow, KRUK, 320 p. [in Rus].

21. Janov A.L. (2016) *Russkaja ideja. Ot Nikolaja do Putina. Kniga chetvertaja (2000-2016)*. Moscow, Novyj hronograf, 320 p. [in Rus].

For citing: Ershov Yu.G. Cycles of history: Russia's tragic experience // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 07—19. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19.

UDC 321.01

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-07-19

CYCLES OF HISTORY: RUSSIA'S TRAGIC EXPERIENCE

Yurii G. Ershov,

Doctor of Philosophy, Professor,
Yekaterinburg, Russia
E-mail: yuri-ekb@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of the cyclical nature of socio-historical development. Cyclicity is positioned as a universal feature of social development, making it possible to use the “lessons of history” in forecasting the future. Particular attention is paid to analyzing the causes of chronic disruptions in Russia's modernization. The specificity of the Russian history cyclical nature is seen in the action of the institutional matrix, which unites authoritarianism and the suppression of private property into a monolithic whole.

Keywords:

cycle,
history,
authoritarianism,
modernization,
pseudo phenomenon

Для цитирования: Сандлер Д. Г.
Анализ состояния региональных систем
высшего образования // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 20—37.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-20-37.

УДК 378

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-20-37

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сандлер Даниил Геннадьевич,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
доцент кафедры международной экономики
и менеджмента,
ведущий научный сотрудник,
кандидат экономических наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: d.g.sandler@urfu.ru

Аннотация

Введение. Системы высшего образования на современном этапе развития сталкиваются с новыми серьезными вызовами. С одной стороны, вузы функционируют как самостоятельные единицы, с другой — они являются частью региональной системы, привлекая и разделяя между собой внимание заинтересованных стейкхолдеров системы (абитуриентов, студентов, научно-педагогических работников, бизнес-структур и т. д.).

Цель. Цель исследования — оценить конкурентоспособность региональных систем высшего образования через сформированную систему индикаторов, а также сделать выводы о степени равномерности развития этих сетей.

Методы. Для оценки состояния системы высшего образования России используется индикативный метод анализа, позволяющий определить

степень соответствия достигнутых на рассматриваемый момент времени значений индикаторов, тем критериям, которые отвечают поставленным требованиям развития социума.

Научная новизна исследования. Новизна исследования состоит в сформированном наборе показателей, позволяющем сделать выводы о конкурентоспособности региональных систем и степени равномерности их развития, а также в полученных выводах о количестве вузов в региональной системе и их влиянии на всю эту систему в зависимости от их равномерного развития относительно друг друга.

Результаты. По итогам диагностики региональных систем высшего образования выявлены регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Результаты диагностики сопоставлены с данными международных рейтингов.

Выводы. Полученный вывод гласит о том, что регион с меньшим количеством, но равно развивающихся вузов (например, как Белгородская область или Республика Татарстан) имеют более высокие показатели конкурентоспособности. Напротив, региональные системы высшего образования, представленные большим количеством вузов, но с неравномерно развивающимися показателями деятельности характеризуются как менее конкурентоспособные, т. е. показатели деятельности вуза-лидера нивелируются в рамках системы в целом.

Ключевые слова:

высшее образование,
методика диагностики,
индикативный анализ,
региональное сравнение,
конкурентоспособность

Введение

Системы высшего образования в настоящее время сталкиваются с новыми серьезными вызовами, которые оказывают влияние на комплекс сфер функционирования университетов как элемента образовательной системы. Негативные факторы могут воздействовать на эффективность и результативность, уровень конкурентоспособности образовательной и научно-исследовательской деятельности университетов, снижая потенциал и уровень устойчивости развития систем ВО. Указанные положения обуславливают актуальность комплексного исследования состояния систем высшего образования, данные о котором позволят разрабатывать рекомендации по повышению адаптивности университетов к меняющимся условиям рынка образовательных услуг.

Состояние системы высшего образования в настоящем исследовании рассматривается как совокупность множества характеристик высших учебных заведений, функционирующих в пределах территории одного уровня и обследуемых в определенный момент времени.

Введение категории «система» необходимо для того, чтобы определить состояние совокупности вузов, сосредоточенных в одном регионе. Хотя система предполагает взаимодействие и взаимозависимость ее элементов для достижения заданных целей, что лишь частично можно наблюдать между вузами, но тем не менее единение проявляется в подчинение единому ведомству (в рамках настоящей статьи оценка производится по вузам, подведомственным Министерству науки и высшему образованию РФ), в выполнении поставленных перед ними задач, связанные с образовательной и научной деятельностью. Вузы, находясь в одном регионе прежде всего делят между собой контингент учащихся, предоставляя им определенный уровень образовательных услуг, генерируют научные знания, а сам регион от деятельности вузов приобретает (в большей или меньшей степени, в зависимости от деятельности вуза) новый человеческий капитал, научную базу и как следствие приток инвестиций. Таким образом, выделяя понятие региональные системы высшего образования мы оцениваем их совокупное функционирование в регионе, а после проводя детальный анализ по вузам в разрезе их характеристик, делаем вывод о конкурентоспособности различных региональных системах.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы с помощью диагностики

региональных систем высшего образования проанализировать уровень расслоения систем внутри страны, а посредством установления критериев качества функционирования системы сделать выводы об их конкурентоспособности. Кроме того, в рамках исследования стояла задача проверить как предложенный инструментарий коррелирует с результатами международных рейтингов.

Структура статьи представлена теоретической частью, в которой сделан обзор существующих методик диагностики систем высшего образования, методической — алгоритм диагностики, результаты исследования, включающие в себя полученные результаты по предложенной методике, а также сопоставление этих результатов с данными международного рейтинга.

Методы и материалы

Обзор методик оценки состояния системы высшего образования

Для рассмотрения особенностей оценки состояния образовательных систем в рамках настоящего исследования был проведен анализ 11 авторских методических аппаратов оценки деятельности университетов. Среди методик были выделены 2 группы в зависимости от предмета оценки: оценка результативности (эффективности) деятельности вузов, оценка конкурентоспособности деятельности вузов.

В рамках методики оценки результативности экономических вузов (Балацкий Е. В., Екимова Н. А.) [6; 7] авторами применен метод построения академического рейтинга. Рейтинг вузов, занимающихся экономическими исследованиями и преподающих экономические специальности, строится по признаку количества публикаций вузов в ведущих российских научных изданиях. Оценка результативности деятельности вузов позволяет определить вузы-лидеры по уровню исследовательского потенциала, а также выявить места отдельных вузов относительно друг друга. Однако, к ограничениям методики оценки результативности деятельности вузов можно отнести то, что вузам, которые не публикуют свои исследовательские работы в выбранных изданиях, присваивается нулевой балл.

В рамках методики оценки научно-образовательной результативности российских вузов, предложенной Абанкиной И. В., Алексеровым Ф. Т., Белоусовой В. Ю. и др. [1—3], использован метод иерархической кластеризации, который предполагает построение

дерева исходного множества объектов. На основе оценки были выделены кластеры вузов. Проведенная кластеризация российских университетов позволяет выделить типы университетов с однородными характеристиками, анализировать деятельность вузов в зависимости от уровня их эффективности.

Методика оценки научной результативности университетов (Паникарова С. В., Власов М. В., Кузнецов П. Д.) [8; 9; 17] основана на применении метода корреляционного анализа деятельности вузов Уральского федерального округа. На первом этапе авторами проведена проверка наличия связей между факторами: публикации в российских журналах; публикации в зарубежных журналах; публикации монографий; публикации учебных пособий; публикации сборников трудов. Далее на основании полученных результатов авторами были выделены три группы университетов Уральского федерального университета в зависимости от уровня научной результативности.

Результативность деятельности университета оценивается также с помощью метода оболочечного анализа данных Data Envelopment Analysis (DEA). В методике оценки результативности вузов (Зинковский К. В., Деркачев П. В.) [12] оценка проводилась в рамках 4 групп вузов, выделенных на основании критериев участия в процессе реструктуризации. Применение метода оболочечного анализа данных позволило авторам провести оценку результативности вузов в рамках выделенных групп, определять факторы, влияющие на высокий уровень результативности вузов-лидеров, проводить типологизацию вузов на их основе.

В методике оценки функций систем высшего образования (Фирсова А. А., Чернышова Г. Ю.) [19] также применен метод DEA. С целью моделирования авторами выбраны показатели, которые были классифицированы по статьям входных и выходных данных. Результатами применения методического аппарата является вычисление агрегированных показателей эффективности систем высшего образования, а также проведение ранжирования университетов по уровню эффективности их деятельности.

Метод кластеризации применяется также для оценки эффективности деятельности университетов. Основой методического аппарата Астафьевой М. П., Зятевой О. А., Пешковой И. В., Питухина Е. А. [5] являются индикаторы мониторинга эффективности по 5 сферам деятельности вузов. Выделение кластеров проведено с использованием аналитической платформы Deductor Studio

Academic. Преимущество применяемого методического аппарата состоит в возможности соотносить типы вузов с их качественными характеристиками.

Методический подход к оценке эффективности деятельности вуза Мещеряковой И. В. [15] предполагает использование метода интегральной оценки. В исследовании производится расчет внешней (с учетом народнохозяйственной и персональной эффективности) и внутренней эффективности деятельности вузов. Таким образом, методический аппарат с использованием метода интегральной оценки позволяет определить сильные и слабые стороны эффективности деятельности вуза, выявить места отдельных вузов относительно друг друга.

В качестве одной из сфер функционирования системы высшего образования рассмотрены методическими аппаратами исследуется также конкурентоспособность деятельности университетов.

Методика, предложенная Аржановой И. В., Барышниковой М. Ю., Жураковским В. М. и др. [4], основана на применении метода многомерного ранжирования. Согласно применяемому методу, индикаторы проходят процедуры нормирования, агрегирования, ранжирования и взвешивания [14], конечным результатом применения методического аппарата является формирование инструментов оценки деятельности вузов: базы данных, ранжирования, рейтингования. На основании характеристик рассмотренного метода оценки и набора индикаторов методика многомерного ранжирования позволяет выделить однородные группы вузов, провести сравнительный анализ сильных и слабых сторон групп вузов, проанализировать деятельность вузов в рамках отдельных категорий.

В методике оценки и моделирования образовательной конкурентоспособности университетов Lin Lin [20] использует метод теории нечетких систем. Критериями оценки в рамках методики являются основные вклады, прогресс и результаты деятельности университетов. Методический аппарат, предложенный Lin Lin, позволяет количественно оценить уровень образовательной конкурентоспособности отдельных университетов, а также определять их места относительно друг друга по исследуемому признаку.

В рамках методики оценки конкурентоспособности ведущих российских университетов (Корф В. П.) [13] используется метод главных компонент. Оценка конкурентоспособности российских вузов производится

с помощью статистического пакета R. Метод главных компонент предполагает проведение оценки в 4 этапа: сбор и стандартизация данных; построение ковариационной матрицы; определение собственного вектора и собственных значений ковариационной матрицы; использование критерия главных компонент. Применение метода главных компонент для оценки конкурентоспособности университетов позволяет решить проблему разнородности и несоизмеримости показателей. На основе результатов исследования построен рейтинг российских вузов согласно их уровню конкурентоспособности.

Методика оценки международной конкурентоспособности университетов (Ендовицкий Д. А., Коротких В. В., Воронова М. В.) [10; 11] основана на применении метода одномерного многофакторного дисперсионного анализа. В рамках исследования рассматривались зависимая переменная (позиция российских университетов в рейтинге QS) и 4 независимых переменных. Результатом оценки является выделение групп университетов путем соотношения количественных показателей с качественными характеристиками вузов. Методика позволяет выявить

статистически значимые факторы международной конкурентоспособности вузов, а также оценить международную конкурентоспособность групп вузов с определенными качественными характеристиками.

В соответствии с характеристиками и свойствами методических аппаратов была проведена классификация методов оценки состояния систем высшего образования по применяемым методам оценки и предметам проведения оценки (рис. 1).

Характерной особенностью предложенной выборки является большая группа методических аппаратов, в рамках которых применен метод анализа стохастических границ (SFA). Преимущества и ограничения методов оценки состояния системы высшего образования приведены в табл. 1.

Проведенный анализ методических аппаратов оценки деятельности университетов раскрывает преимущества и ограничения применяемых методов. В анализируемой выборке наиболее часто встречаются следующие преимущества методов оценки: универсальность метода, возможность проводить типологизацию вузов и сравнивать вузы с определенными характеристиками внутри группы, возможность

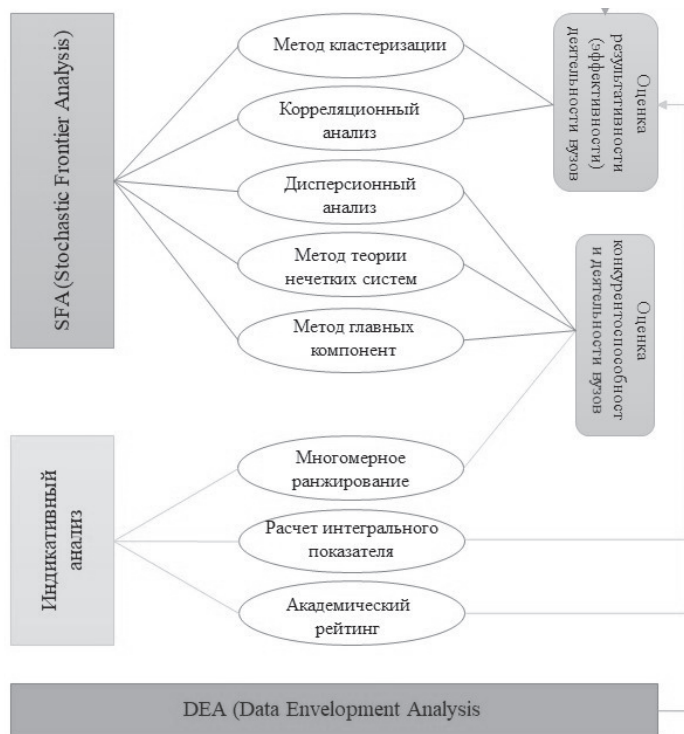

Рис. 1. Классификация методов, применяемых для оценки деятельности университетов

**Преимущества и ограничения методов,
применяемых для оценки деятельности университетов**

Метод	Преимущества применяемого метода	Ограничения применяемого метода
<i>Индикативные методы</i>		
Многомерное ранжирование [4]	1) позволяет учитывать многообразие (дифференцированность) исследуемой системы; 2) позволяет провести качественный анализ преимуществ и недостатков функционирования отдельных объектов; 3) позволяет раскрыть качественные характеристики групп объектов; 4) позволяет сравнить группы между собой и деятельность объектов внутри отдельных категорий	1) практическая сложность упорядочения большого числа объектов; 2) вероятность субъективного подхода для определения весовых коэффициентов при применении экспертного метода; 3) возможность проведения сравнения только в рамках однородной группы объектов (вузов); 4) методология ранжирования не использует качественные данные
Академический рейтинг [4]	1) позволяет определить места отдельных объектов относительно друг друга; 2) позволяет выявить группы объектов; 3) процедура взвешивания с помощью весовых коэффициентов, позволяет скорректировать влияние разницы характеристик объектов на итоговую оценку	1) вероятность субъективного подхода при установлении весовых коэффициентов; 2) затруднено выявление однородных групп объектов, а также определение характеристик групп объектов
Метод интегральной оценки [15]	1) применим для оценки разных типов систем (отдельных подсистем); 2) позволяет использовать любое количество нормативных показателей; 3) в случае отсутствия данных по отдельным подсистемам, интегральный показатель не снижает степень объективности оценки	1) вероятность субъективного подхода при установлении весовых коэффициентов; 2) широкое применение экспертных весовых коэффициентов в авторских выкладках при оценке показателей
<i>Метод анализа стохастических границ SFA</i>		
Одномерный многофакторный дисперсионный анализ [10]	1) позволяет выявить статистически значимые факторы, влияющие на функционирование исследуемых объектов; 2) позволяет оценить функционирование групп объектов с определенными характеристиками; 3) позволяет оценить влияние нескольких факторов на зависимую переменную (занимаемую университетом позицию в рейтинге)	1) сложность вычислений; 2) чувствителен к нарушению нормального распределения данных 3) число степеней свободы должно быть больше трех
Метод кластеризации [1; 5]	1) позволяет определить сильные и слабые стороны функционирования объектов, провести их типологизацию в соответствии с характеристиками; 2) позволяет формировать иерархическую структуру, позволяющую увидеть группы более и менее похожих объектов	1) невозможность проведения сравнительного анализа объектов, относящимся к разным группам; 2) не обеспечивает четкого разделения на типы, поскольку кластеры пересекаются в проекциях на оси показателей; 3) вероятность нивелирования индивидуальных характеристик объектов за счет замены характеристиками обобщенных значений параметров кластера
Корреляционный анализ [17]	1) позволяет выявить группы объектов по признаку; 2) позволяет использовать для анализа большое количество факторов и объектов	Вероятность возникновения трудностей при интерпретации результатов анализа: метод позволяет установить наличие связи между факторами, влияющими на функционирование объектов, не обеспечивая наличие причинно-следственной связи между ними.

Окончание табл. 1

Метод	Преимущества применяемого метода	Ограничения применяемого метода
Метод главных компонент [13]	1) позволяет решить проблему разнородности и несоизмеримости показателей для оценки; 2) позволяет выделить ведущие факторы вариации исследуемых случайных величин; 3) позволяет уменьшить размерность данных; 4) визуализация многомерных наблюдений	1) проблема приближения восстановленных коэффициентов корреляции к исходным данным остается не решенной; 2) факторная структура искажается в сторону преувеличения абсолютных величин факторных нагрузок
Методы теории нечетких систем [20]	1) универсальность метода, позволяет применять его для оценки различных сложных систем; 2) позволяет формализовать неточные, несовершенные характеристики рассматриваемых сложных систем	1) увеличение входных переменных увеличивает сложность вычислений экспоненциально 2) увеличивается база правил, что приводит к трудному ее восприятию
<i>Метод оболочечного анализа данных (DEA)</i>		
Метод оболочечного анализа данных (DEA) [12; 19]	1) позволяет проводить типологизацию рассматриваемых объектов; 2) позволяет выявлять факторы, влияющие на функционирование анализируемых объектов; 3) не требует определения функциональной формы; 4) не требует определения весовых коэффициентов; 5) позволяет определить наиболее эффективно функционирующие объекты; 6) позволяет проведение оценки с учетом большого количества входных и выходных параметров	1) трудность обоснования выбора переменных «затрат» и переменных «выпуска»; 2) оценки эффективности исследуемых объектов сильно зависят от статистических шумов и статистических выбросов; 3) оценки сильно зависят от состава выборки (при добавлении нового региона необходимо пересчитывать оценки эффективности заново); 4) при малом объеме выборки и большом наборе переменных оценки эффективности могут быть некорректными

выявления факторов, влияющих на оценку результатов деятельности вузов.

Среди выделенных ограничений методов оценки наиболее часто встречаются: вероятность субъективного подхода для определения весовых коэффициентов при применении экспертного метода; возможность проведения сравнения вузов только в рамках однородной группы объектов; чувствительность метода к набору или качеству учитываемых показателей.

В настоящем исследовании для оценки состояния и конкурентоспособности систем высшего образования был применен метод индикативной оценки. Свойства и преимущества метода позволяют использовать большое количество исходных показателей; учитывать разнонаправленные факторы деятельности университетов с помощью процедуры нормирования; определять уровень состояния системы ВО, сопоставляя индикаторы в нормализованной форме с пороговыми значениями в соответствии с системой правил.

Результаты

Результаты диагностики состояния региональных систем высшего образования

Методика оценивает состояния региональных систем высшего образования по государственным вузам, подведомственным Министерству науки и высшего образования РФ.

Расчет методики производится по всем субъектам РФ, кроме Ненецкого автономного округа, Ленинградской области, Ямало-Ненецкого автономного округа и Чукотской области.

С помощью методики представляется возможным оценить конкурентоспособность региональных систем через заданную систему индикаторов. При этом под конкурентоспособностью понимается способность систем отвечать на задачи государства и будущие вызовы. Под способностью системы отвечать на будущие вызовы подразумевается ряд характеристик систем:

(*) насколько равномерна развита система, (*) количество вузов, представленных ниже среднего значения, (*) количество систем ВО, чьи вузы представлены в международных рейтингах. Положительные характеристики по все указанным пунктам, могут служить сигналом, о том, что система развивается в позитивной динамике и готова ответить на ближайшие вызовы будущего. К основным вызовам университетов в будущем следует отнести дальнейшее повышение мобильности населения в силу развития глобализации и расширение применения дистанционных технологий обучения. Одним из следствий вызовов станет с одной стороны рост конкуренции с другой расширение возможностей для привлечения университетами талантливых абитуриентов и финансовых ресурсов.

Пороговые уровни по каждому индикатору заданы относительно общего анализа ситуации всей системы. Так высший уровень развития определен как среднее значение по 5 субъектам РФ, имеющих наилучшее значение по анализируемому показателю, аналогично критический уровень — по 5 субъектам РФ, имеющих наихудшее значение.

Кроме того, методика через систему заданных пороговых значений позволяет сделать выводы о равномерности развития региональных систем [16].

Состояние региональных систем высшего образования дифференцируется на несколько уровней, где значение больше 1, 8 — соответствует наиболее конкурентоспособному состоянию системы, значение приближенное к 0 — низкому уровню конкурентоспособности [18].

Настоящая методика отличается от большинства тем, что она не ранжирует исследуемый объект, а устанавливает качественные характеристики, для чего устанавливаются пограничные состояния: высокий уровень конкурентоспособности, средний и низкий.

Диагностика состояния системы высшего образования проводится по индикативным показателям, сгруппированным в четыре блока (табл. 2), включающих в себя 28 частных индикаторов, расчет которых производится на основе 46 статистических показателей.

Итоговая оценка

По результатам итоговой оценки состояния региональных систем ВО к регионам, занявшим лидирующие позиции, относятся Томская область, Республика Татарстан, Новосибирская область, г. Санкт-Петербург, Белгородская область (рис. 2).

К регионам с наиболее низкими оценками показателей состояния систем ВО следует отнести Еврейскую автономную область, Сахалинскую область, Камчатский край, Республику Ингушетию, Чеченскую Республику.

Для детального анализа рассмотрим ситуацию в разрезе отдельных блоков.

Блок 1. Кадровый потенциал

Для 5 регионов-лидеров (рис. 3). характерны высокие оценки как по показателям, характеризующим научно-исследовательскую деятельность университета (доля НПП в общей численности работников, синтетический индикативный показатель научно-исследовательского потенциала, доля

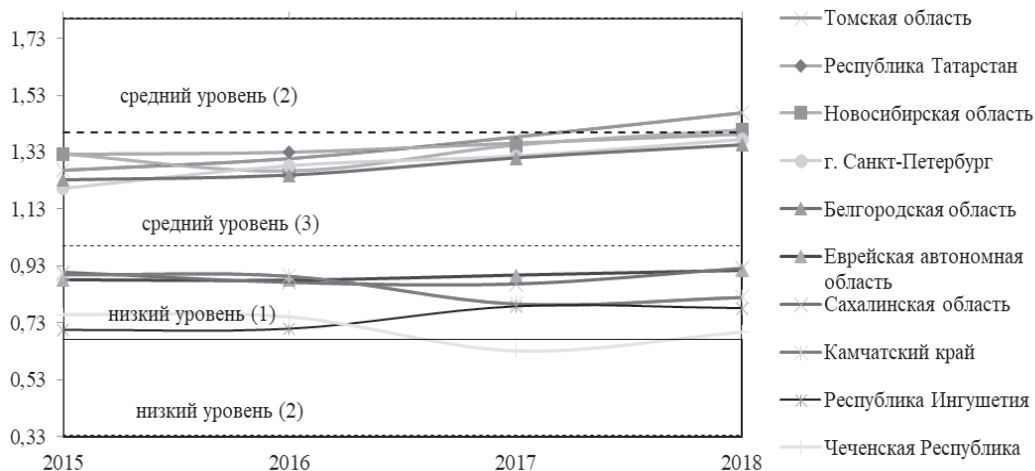

Рис. 2. Итоговая оценка состояния региональных систем ВО регионов-лидеров и аутсайдеров по сумме нормализованных оценок за период 2015—2018 гг.

Структура методики

Наименование модулей и индикаторов
<i>Блок 1. Кадровый потенциал</i>
1.1. Доля НПР в общей численности работников вузов, ед.
1.2. Количество студентов на одного преподавателя, ед.
1.3. Синтетический индикативный показатель возрастной категории ППС
1.3.1. Доля ППС возрастной категории моложе 40 лет
1.3.2. Доля ППС возрастной категории моложе 65 лет
1.4. Доля работников, имеющих ученую степень, ед.
1.5. Синтетический индикативный показатель научно-исследовательского потенциала НПР
1.5.1. Удельный показатель численности НПР, имеющих ученую степень доктора наук
1.5.2. Удельный показатель численности НПР, имеющих ученую степень
1.6. Доля иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР
<i>Блок 2. Условия функционирования и состояние инфраструктуры</i>
2.1. Синтетический индикативный показатель состояния основных средств, машин и оборудования
2.1.1. Удельная стоимость основных средств, машин и оборудования вузов
2.1.2. Удельная стоимость основных средств, машин и оборудования, приобретенных в анализируемый период
2.2. Синтетический индикативный показатель условий обучения
2.2.1. Удельный показатель площади зданий государственных высших учебных заведений
2.2.2. Учебно-лабораторная площадь зданий государственных высших учебных заведений
2.3. Удельный показатель обеспеченности общежитиями
<i>Блок 3. Экономический потенциал и финансовая обеспеченность</i>
3.1. Финансовая обеспеченность системы ФО
3.1.1. Отношение средней заработной платы НПР в вузе к средней заработной плате по экономике региона
3.1.2. Удельный показатель финансирования НИОКР (тыс. руб./чел.)
3.1.3. Удельный объем доходов на 1 студента вуза
3.1.4. Расходы организации на выплату стипендий к общему количеству получателей
3.2. Экономический потенциал
3.2.1. Темп роста бюджета вуза
3.2.2. Доля внебюджетных средств в общих доходах вуза
<i>Блок 4. Результативность научно-исследовательской и образовательной деятельности</i>
4.1. Синтетический индикативный показатель уровня инновационной активности НПР
4.1.1. Удельный показатель количества поддерживаемых патентов на одного НПР
4.1.2. Удельный показатель количества программ для ЭВМ, баз данных, топологий интегральных микросхем на одного НПР
4.2. Удельный показатель количества публикаций в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus на одного НПР
4.3. Удельный показатель количества цитирований на 1 публикацию в WOS/ SCOPUS
4.4. Синтетический индикативный показатель образовательного и исследовательского потенциала студентов
4.4.1. Удельная численность студентов, получающих именные стипендии, победителей олимпиад (конкурсов)
4.4.2. Удельная численность студентов очной формы обучения
4.4.3. Удельный показатель количества научных публикаций и докладов на научных конференциях с участием студентов
4.4.4. Удельный показатель количества охранных документов на объекты интеллектуальной собственности студентов

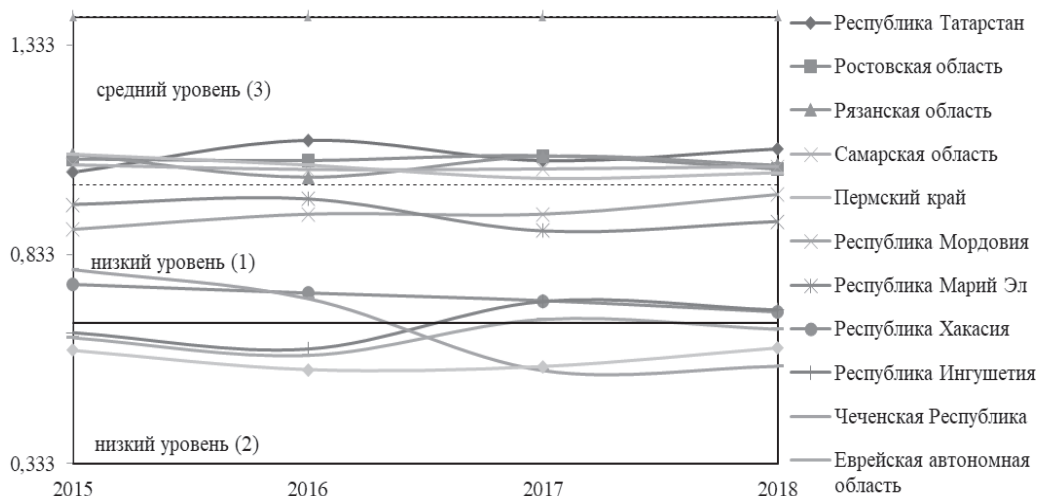

Рис. 3. Динамика оценки показателей по блоку 1 «Кадровый потенциал» за период 2015–2018 гг. (по полному перечню индикаторов)

иностранцев из числа НПР), так и отражающим эффективность образовательной деятельности (доля ППС моложе 60 лет, количество студентов на одного преподавателя).

Республика Мордовия и Республика Марий-Эл занимают средние позиции в результате оценки кадрового потенциала систем ВО субъектов РФ. К показателям с положительной динамикой для данных регионов относятся «Доля НПР в общей численности работников вузов», «Доля иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР», что указывает на приоритетность развития научно-исследовательской сферы функционирования для вузов системы ВО региона. К показателям с негативным влиянием относится увеличение количества студентов на одного преподавателя.

По итогам оценки для 5 регионов с низким уровнем кадрового потенциала в 2015–2018 гг. наблюдалась разнонаправленная динамика оценок. По итогам 2018 г. улучшили свои позиции (по отношению к 2015 г.) Республика Ингушетия, Сахалинская область (за счет привлечения специалистов в числе ППС до 40 и 60 лет; а также привлечения большей численности НПР, защитивших диссертации), а также Еврейская автономная область (за счет снижения численности студентов на 1 преподавателя). Для Республики Хакасия и Чеченской Республики (за счет увеличения численности студентов на 1 преподавателя) по итогам 2018 г. зафиксировано снижение уровня кадрового потенциала (по сравнению с 2015 г.).

Таким образом, для регионов-лидеров (табл. 3) индикаторы, обусловившие повышение уровня кадрового потенциала, указывают на сильную научно-исследовательскую составляющую вузов регионов-лидеров, и соответственно, подтверждают конкурентоспособность вузов, ориентированных на научно-исследовательскую деятельность, на рынке образовательных услуг.

На тенденцию изменения уровня кадрового потенциала для регионов-аутсайдеров (табл. 3) оказывает влияние преобладание обучающей деятельности вузов и недостаточность ресурсов для развития их научно-исследовательской составляющей.

В рамках исследования также была проведена диагностика состояния региональных систем высшего образования по показателям блока 1 «Кадровый потенциал» по сокращенному перечню индикаторов за 2009–2018 гг. (рис. 4).

Исключение из перечня индикаторов «Синтетического индикативного показателя возрастной категории ППС» и «Доли иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР» было связано со статистическими ограничениями и позволило провести оценку за расширенный временной период (2009–2018 гг.), а также сделать вывод о степени влияния исключенных индикаторов на позиции региональных систем ВО.

В результате оценки кадрового потенциала по сокращенному перечню показателей высокие позиции регионов-лидеров (рис. 4) в анализируемом периоде были обусловлены увеличением доли НПР в общей

Таблица 3

**Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по отдельным показателям
блока 1 «Кадровый потенциал»**

Блок 1 «Кадровый потенциал»	1.2. Количество студентов на одного преподавателя	1.6. Доля иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР
Регионы-лидеры	Ивановская область	Белгородская область
	Смоленская область	Томская область
	Тверская область	г. Москва
	г. Москва	г. Санкт-Петербург
	Республика Карелия	Калининградская область
Регионы-аутсайдеры	Кировская область	Республика Адыгея
	Республика Ингушетия	Карачаево-Черкесская Республика
	Еврейская автономная область	Курганская область
	Сахалинская область	Республика Хакасия
	Чеченская Республика	Еврейская автономная область
Общее состояние, 2018 г.		
Высокий уровень	1 субъект	5
Средний	39	24
Низкий	25	14
Критический	16	38

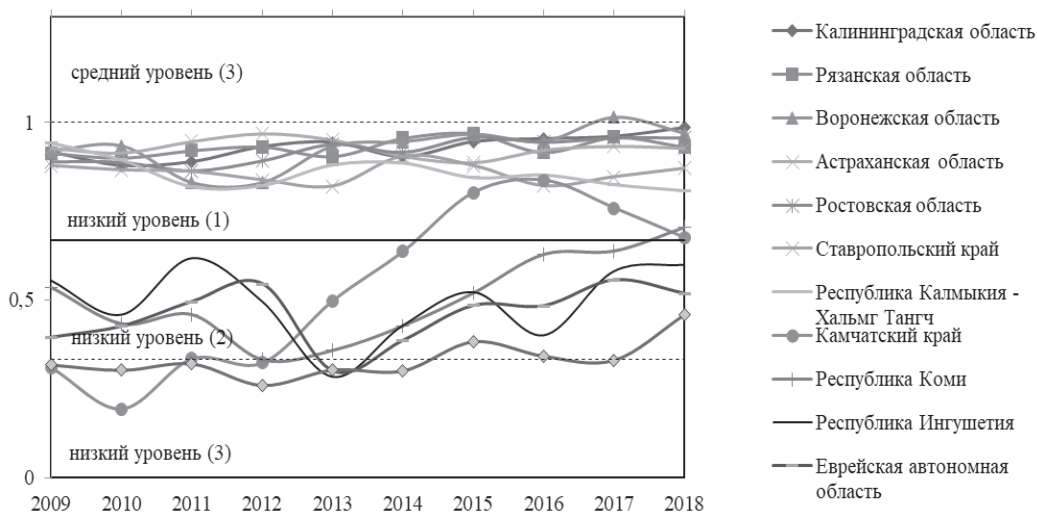

Рис. 4. Динамика оценки показателей по блоку 1 «Кадровый потенциал» за период 2009–2018 гг. (по сокращенному перечню показателей)

численности работников вузов, а также ростом численности НПР, имеющих ученую степень доктора / кандидата наук.

К показателям с положительным воздействием на регионы со средними оценками (Ставропольский край, Республика Калмыкия) относится снижение количества студентов на одного преподавателя, показатель научно-исследовательского потенциала НПР.

Негативное влияние на системы ВО 5 регионов с низкими оценками в 2009—

2018 гг. оказывает ухудшение позиций по индикатору «Доля НПР в общей численности работников вузов», а также снижение численности НПР, имеющих степень доктора наук.

Соотнеся результаты оценки кадрового потенциала для регионов-лидеров по полному (рис. 3) и сокращенному (рис. 4) перечню индикаторов, следует обратить внимание на следующие особенности состояния региональных систем ВО:

1. После исключения индикаторов «Синтетического индикативного показателя возрастной категории ППС» и «Доли иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР» из методического аппарата состояние систем ВО в 2009—2018 гг. фиксировалось на более низком уровне относительно к результатам оценки по полному перечню индикаторов (рис. 3).

2. По итогам оценки по сокращённому перечню индикаторов в число лидеров не вошли регионы с сильными позициями по исключённым индикаторам (Республика Татарстан, Самарская область — «Доля иностранных граждан из числа НПР в общей численности НПР»; Пермский край — «Показатель возрастной категории ППС»). Однако, Ростовская и Рязанская области после сокращения перечня оцениваемых индикаторов занимают лидирующие позиции, что указывает на больший уровень адаптивности их систем ВО.

3. В число регионов-лидеров по полному (рис. 3) и сокращённому (рис. 4) перечню индикаторов входят субъекты, вузы которых ориентированы на развитие сильной научно-исследовательской составляющей.

4. Сокращение перечня индикаторов на регионы с низкими оценками кадрового потенциала повлияли в меньшей степени. Республика Ингушетия, Еврейская автономная область, Сахалинская область сохранили свои позиции по итогам оценки по сокращённому перечню индикаторов.

5. В результате оценки кадрового потенциала по сокращённому перечню индикаторов для регионов-аутсайдеров отмечается

строгая положительная тенденция изменения оценок. Данное положение указывает на отрицательный характер влияния исключённых индикаторов на оценку регионов данной группы, что свидетельствует о недостаточном уровне развития научно-исследовательской составляющей вузов и снижении конкурентоспособности систем ВО регионов-аутсайдеров.

Блок 2. Условия функционирования и состояния инфраструктуры

В результате оценки индикаторов блока 2 были выявлены 5 регионов-лидеров (рис. 5). Позиции указанных регионов обусловлены высокими оценками по показателям условий обучения и обеспеченности общежитиями. В то время как по показателю состояния основных средств, машин и оборудования регионы-лидеры ухудшали свои позиции в 2015—2018 гг.

Для 5 регионов-аутсайдеров характерны низкие оценки практически по всем показателям блока (за исключением показателя условий обучения для Республики Дагестан).

Поскольку для регионов с высокими и низкими оценками наблюдалось ухудшение позиций по показателю состояния основных средств, машин и оборудования можно сделать вывод о том, что данная сфера деятельности является проблемной для региональных систем ВО в целом и требует внимания.

Блок 3. Экономический потенциал и финансовая обеспеченность

В результате оценки по блоку 3 для регионов-лидеров (рис. 6) в 2015—2018 гг.

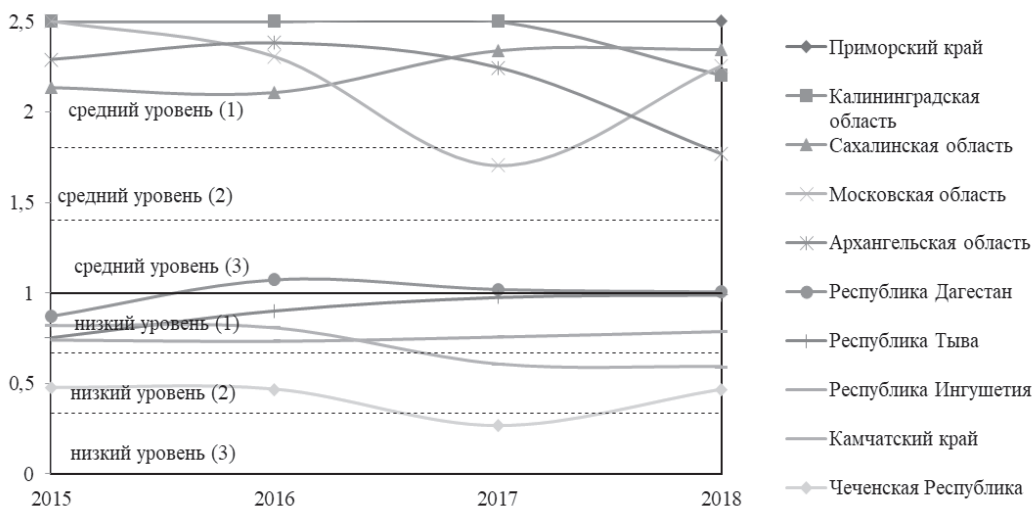

Рис. 5. Динамика оценки показателей по блоку 2 «Условия функционирования и состояния инфраструктуры» за период 2015—2018 гг.

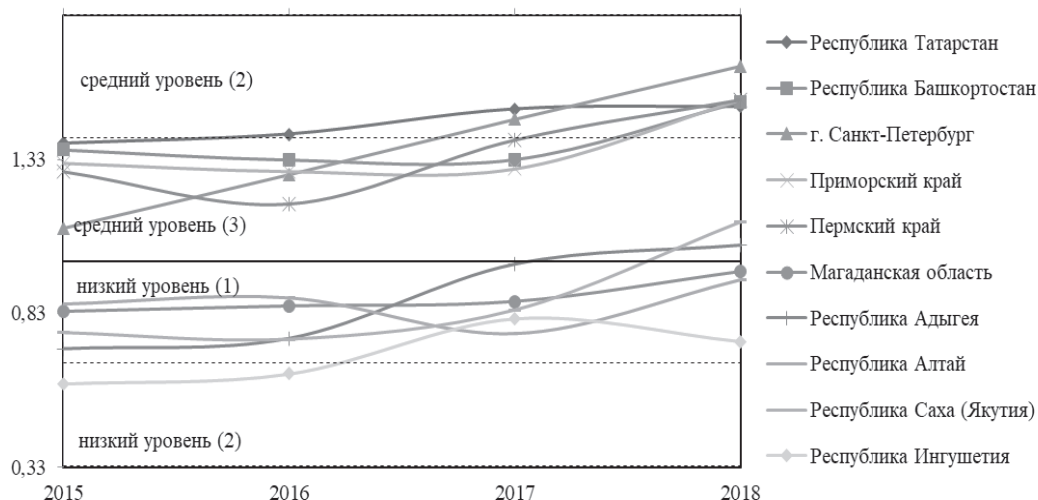

Рис. 6. Динамика оценки показателей по блоку 3 «Экономический потенциал и финансовая обеспеченность» за период 2015–2018 гг.

наблюдалась положительная динамика по показателям финансовой обеспеченности системы и экономического потенциала, что определяет возможности развития научно-исследовательской и образовательной деятельности для указанных регионов.

Для регионов с наиболее низкими оценками (табл. 4) по результатам диагностики в 2015–2018 гг. была характерна в целом положительная динамика по показателям блока 3. Рост финансовой обеспеченности и экономического потенциала могут стать для регионов-аутсайдеров одним из факторов развития.

Негативное влияние на позицию отмечалось только для отдельных регионов: Республики Ингушетия в 2018 г. по показателям финансовой обеспеченности системы (за счет снижения удельного объема доходов на 1 студента и расходов на выплату стипендии к общему количеству получателей), Республики Алтай по показателю экономического потенциала в 2017 г. (за счет снижения доли внебюджетных средств в общих доходах вуза).

Блок 4. Результативность научно-исследовательской и образовательной деятельности

По итогам оценки состояния региональных систем ВО по блоку 4 для 5 лидирующих регионов (рис. 7) характерна в целом положительная динамика. Самые высокие оценки для регионов данной группы отмечались по показателям количества публикаций, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus на одного НПП и количе-

ства цитирований на 1 публикацию в WOS/ SCOPUS, что свидетельствует о ориентации вузов на развитие научно-исследовательской деятельности в целях повышения конкурентоспособности в рамках систем ВО.

По итогам оценки состояния региональных аутсайдеров (табл. 5) в 2015–2018 гг. отмечался компенсаторный характер факторов позитивного и негативного влияния. К показателям с положительной динамикой можно отнести удельный показатель количества публикаций в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus на одного НПП, а также показатель образовательного и исследовательского потенциала студентов. К факторам негативного воздействия для регионов с низкими оценками по блоку 4 относятся показатель уровня инновационной активности НПП и показатель количества цитирований на 1 публикацию в WOS/ SCOPUS. Соотнося сильные и слабые стороны региональных систем ВО с низкими оценками по показателям результативности научно-исследовательской и образовательной деятельности, можно сделать вывод о недостаточности ресурсов для обеспечения качественной инновационной и научной деятельности вузов, входящих в состав данных региональных систем.

Обсуждение

Сопоставление результатов диагностики и количества вузов в международных рейтингах.

Для полноценной картины диагностики состояния региональной системы ВО сопо-

Таблица 4

Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по отдельным показателям блока 3 «Экономический потенциал и финансовая обеспеченность»

Блок 3 «Экономический потенциал и финансовая обеспеченность»	3.1. Финансовая обеспеченность	3.2. Экономический потенциал
Регионы-лидеры	Томская область	Саратовская область
	Приморский край	Краснодарский край
	Пермский край	Республика Башкортостан
	Республика Татарстан	Тюменская область
	Республика Карелия	Республика Татарстан
Регионы-аутсайдеры	Республика Ингушетия	Республика Тыва
	Краснодарский край	Республика Саха (Якутия)
	Республика Адыгея	Магаданская область
	Республика Калмыкия	Республика Алтай
	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Ингушетия

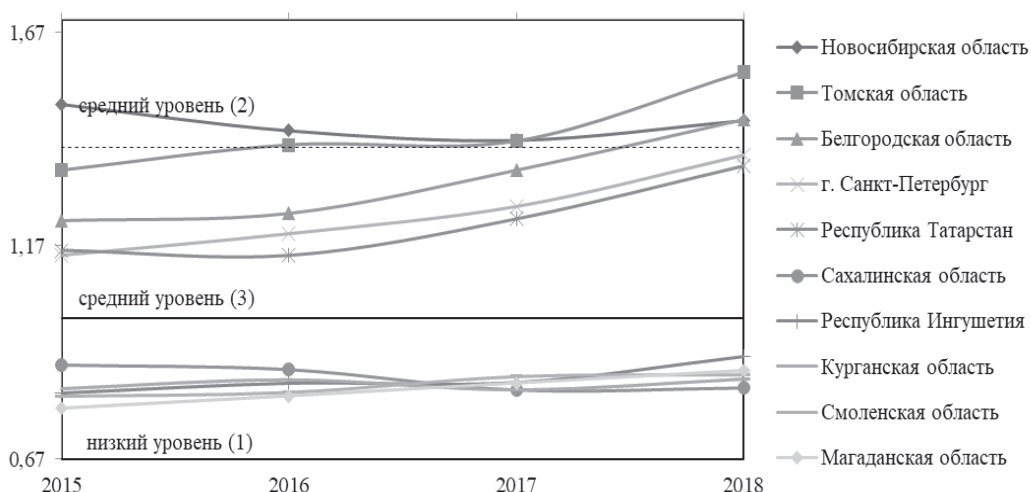

Рис. 7. Динамика оценки показателей по блоку 4 «Результативность научно-исследовательской и образовательной деятельности» за период 2015–2018 гг.

ставим полученные результаты с данными международных рейтингов (табл. 6). Для анализа использовались данные QS BRICS University Rankings, т. к. в него включено наибольшее количество российских вузов.

При сопоставлении рейтинговых позиций российских вузов, подведомственных Министерству науки и высшего образования РФ и результатов диагностики состояния региональных систем ВО выявлены некоторые закономерности:

- регионы-аутсайдеры не представлены вузами в рейтинге QS BRICS;
- несмотря на то, что вузы Москвы и Московской области в большем количестве представлены в рейтинге QS BRICS в сравнении с другими вузами субъектов РФ, тем не менее эти

два субъекта не входят в ТОП-5 лидеров по методике диагностики. Этому найдутся следующие объяснения: достигнутые результаты вузов, представленных в регионе в рейтинге QS BRICS, усредняются за счет большого количества вузов, сосредоточенных в регионе; расчет показателей в методике осуществляется только по вузам, подведомственным Министерству науки и высшего образования;

- топ регионов-лидеров по результатам диагностики коррелирует в топ-вузами, находящиеся в этих регионах и включенных в рейтинг QS BRICS. Однако Свердловская область повторяет траекторию г. Москвы, когда главный вуз региона входит в Топ-10

Таблица 5

**Регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по отдельным показателям
блока 4 «Результативность научно-исследовательской
и образовательной деятельности»**

Блок 4 «Результативность научно-исследовательской и образовательной деятельности»	4.2. Удельный показатель количества публикаций в изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus на одного НПП	4.3. Удельный показатель количества цитирований на 1 публикацию в WOS и SCOPUS
Регионы-лидеры	Новосибирская область	Новосибирская область
	Томская область	Карачаево-Черкесская Республика
	Московская область	г. Москва
	Республика Татарстан	Республика Мордовия
	Свердловская область	г. Санкт-Петербург
Регионы-аутсайдеры	Псковская область	Забайкальский край
	Республика Адыгея	Магаданская область
	Курганская область	Республика Хакасия
	Республика Ингушетия	Смоленская область
	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Алтай
Общее состояние, 2018 г.		
Высокий уровень	3	2
Средний	44	21
Низкий	22	43
Критический	12	15

Таблица 6

**Сопоставление результатов диагностики состояния
региональных систем ВО с позициями вузов в международных рейтингах**

Регионы-лидеры¹	Название вуза	Место в рейтинге QS BRICS 2019²	Итоговый балл в QS BRICS 2019³
Томская область	Tomsk State University	2	77,5
	National Research Tomsk Polytechnic University	6	67,4
	Tomsk State Pedagogical University	41	30,9
	Tomsk State University of Control Systems and	50	— ⁴
Республика Татарстан	Kazan (Volga region) Federal University	10	60
	Kazan National Research Technological University	32	33,9
	Kazan National Research Technical University	34	33,8
Новосибирская область	Novosibirsk State University	1	83,8
	Novosibirsk State Technical University	25	39,1
Санкт-Петербург	Peter the Great St. Petersburg Polytechnic	8	60,8
	ITMO University	11	60
	Saint-Petersburg Mining University	20	42,8
	Saint Petersburg Electrotechnical University	23	40,8
	Saint-Petersburg State Institute of Technology	37	33,3
	Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation	72	—

Регионы-лидеры ¹	Название вуза	Место в рейтинге QS BRICS 2019 ²	Итоговый балл в QS BRICS 2019 ³
Белгородская область	The National Research University «Belgorod State University»	42	30,1
	Belgorod State Technological University	58	—
Свердловская область	Ural Federal University	9	60,4
	Ural State University of Economics	74	—

¹ По результатам методики диагностики состояния региональных систем ВО.

² Учитываются только вузы, подведомственные Министерству науки и высшего образования РФ

³ Максимально возможный балл 100.

⁴ По вузам, находящихся ниже 201 пункта не представлен итоговый балл.

среди российских QS BRICS, однако по расчетам методики регион занимает позицию после ТОП-10, объясняется это тем, что в регионе большое количество вузов, подведомственных Минобрнауки, но с более низкими показателями деятельности, таким образом, итоговая оценка состояния региона нивелируется. Обратная ситуация складывается в Белгородской области, в которой представлено всего 2 вуза, подведомственных Минобрнауки, при этом оба включены в рейтинг QS BRICS и достигнутые показатели деятельности более сильного вуза нивелируются в меньшей степени, т. к. вуз по всем показателям вносит наибольший вклад в развитие системы ВО региона, такая ситуация положительно сказывается на общей итоговой оценке системы ВО Белгородской области.

Заключение

Представленная методика позволяет сделать выводы о конкурентоспособности региональных систем через заданную систему индикаторов. При этом под конкурентоспособностью понимается способность систем отвечать на задачи государства и будущие вызовы.

Основываясь на том, что конкурентоспособность — это понятие относительное, и относительно оно других элементов в системе, то и пороговые уровни по каждому индикатору заданы относительно общего анализа ситуации всей системы. Так по результатам итоговой оценки развития региональных систем ВО к регионам, занявшим лидирующие позиции, относятся Томская область, Республика Татарстан, Новосибирская область, г. Санкт-Петербург, Белго-

родская область. Для регионов-лидеров в анализируемом периоде характерна строго положительная динамика потенциала развития систем ВО. К регионам с наиболее низкими оценками показателей развития потенциала систем ВО следует отнести Еврейскую автономную область, Сахалинскую область, Камчатский край, Республику Ингушетию, Чеченскую Республику.

Сопоставляя полученные данные с результатами международного рейтинга, были сформулированы некоторые выводы, среди основных отметим, что регионы-аутсайдеры не представлены вузами в международном рейтинге. Регионы-лидеры напротив представлены вузами в международном рейтинге, причем, если в этих регионах меньше вузов и большая их часть представлена в рейтинге (например, как в Белгородской области), то региональная система высшего образования в нем характеризуется более конкурентоспособная, а если в регионе большое количество вузов и меньшая их часть включена в международный рейтинг (например, как в г. Москва и Свердловская область), то показатели деятельности вуза-лидера нивелируются на всю систему и сама региональная системы высшего образования характеризуется как менее конкурентоспособная.

1. Абанкина И. В., Алескеров Ф. Т. и др. Типология и анализ научно-образовательной результативности российских вузов // Форсайт. 2013. Т. 7, № 3. С. 48—63.

2. Абанкина И. В., Абанкина Т. В., Николаенко Е. А., Сероштан Э. С., Филатова Л. М. Экономическое положение вузов в условиях бюджетной реформы, повышения автономии и введения ЕГЭ. М. : Издат. Дом Высш. шк. экономики, 2010. 207 с.

3. Абанкина И. В., Алескеров Ф. Т., Белоусова В. Ю., Зиньковский К. В., Петрущенко В. В. Оценка результативности университетов с помощью оболочечного анализа данных // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 5—38.

4. Аржанова И. В., Барышникова В. М., Жураковский В. М. Методология многомерного ранжирования: возможности комплексной оценки деятельности вузов // Вестник международных организаций. 2013. № 1 (40). С. 8—30.

5. Астафьева М. П., Зятева О. А., Пешкова И. В., Питухин Е. А. Анализ показателей эффективности деятельности российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 4. С. 4—18.

6. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Академическая результативность высших экономических школ // Terra ecomomicus. 2014. Т. 12, № 1. С. 13—27.

7. Балацкий Е. В. Российская практика оценки эффективности университетских программ // Общество и экономика. 2012. № 11. С. 68—84.

8. Власов М. В., Паникарова С. В. Оценка результативности генерации знаний в университете // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 25. С. 60—66.

9. Власов М. В., Паникарова С. В., Тюлюш Ч. О. Управление научной результативностью университета // Научное обозрение. 2012. № 4. С. 531—538.

10. Ендовицкий Д. А. Рейтинговые оценки и соответствие трём миссиям университета: образование, наука, общество. Практика Воронежского государственного университета // Три миссии университета: образование, наука, общество / ред. колл.: В. А. Садовничий и др. М.: Макс Пресс, 2019. С. 111—124.

11. Ендовицкий Д. А., Коротких В. В., Воронова М. В. Конкурентоспособность российских университетов в глобальной системе высшего образования: количественный анализ // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 2. С. 9—26.

12. Зиньковский К. В., Деркачев П. В., Реструктуризация системы высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 106 (6). С. 135—145.

13. Корф В. П. Оценка конкурентоспособности ведущих российских университетов с использованием метода главных компонент // Бизнес-информатика. 2014. № 2-28. С. 63—71.

14. Ларионова М. В. Методология сравнительного анализа международных под-

ходов к ранжированию высших учебных заведений // Вестник международных организаций. 2012. № 1. С. 34—69.

15. Мещерякова И. В. Методические подходы к оценке эффективности деятельности вуза. // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 4 (17). С. 33.

16. Отдельные аспекты развития российских университетов: региональная специфика, рейтинги, формирование образовательных траекторий: монография / Г. А. Агарков, И. А. Гурбан, В. А. Кокшаров [и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 172 с.

17. Паникарова С. В., Власов М. В., Кузнецов П. Д. Оценка научной результативности университетов: институциональный подход // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 105 (5). С. 80—89.

18. Экономическая безопасность Свердловской области: монография / под науч. ред. Г. А. Ковалевой, А. А. Куклина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 455 с.

19. Firsova A. A., Chernyshova G. Yu. Mathematical Models for Evaluation of the Higher Education System Functions with DEA Approach // The journal Saratov University News. New Series. Series Mathematics. Mechanics. Informatics. 2019. Т. 19, Vol. 3. P. 351—362.

20. Lin L. An Evaluation System and Its Model for Educational Competitiveness of Universities // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15, no. 11. P. 188—201.

References

1. Abankina I.V. Aleskerov F.T. i dr. (2013) Tipologija i analiz nauchno-obrazovatel'noj rezul'tativnosti rossijskih vuzov. *Forsajt*, vol. 7, no. 3, pp. 48—63 [in Rus].

2. Abankina I.V., Abankina T.V., Nikolaenko E.A., Seroshtan Je.S., Filatova L.M. (2010) Jekonomicheskoe polozhenie vuzov v uslovijah bjudzhetnoj reformy, povyshenija avtonomii i vvedenija EGJe. Moscow, Izdatel'kij Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 207 p. [in Rus].

3. Abankina I.V., Aleskerov F.T., Belousova V.Ju., Zin'kovskij K.V., Petrushenko V.V. (2013) Ocenka rezul'tativnosti universitetov s pomoshh'ju obolochecnoho analiza dannyh [Evaluating the performance of universities using shell data analysis]. *Voprosy obrazovanija*, no. 2, pp. 5—38 [in Rus].

4. Arzhanova I.V. Baryshnikova V.M. Zhurakovskij V.M. (2013) Metodologija mnogomernogo ranzhirovanija: vozmozhnosti kompleksnoj ocenki dejatel'nosti vuzov. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, no. 1 (40), pp. 8—30 [in Rus].

5. Astaf'eva M.P., Zjateva O. A., Peshkova I. V., Pituhin E. A. (2015) Analiz pokazatelej jefektivnosti dejatel'nosti rossijskikh vuzov. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 4, pp. 4—18 [in Rus].
6. Balackij E.V. Ekimova N.A. (2014) Akademicheskaja rezul'tativnost' vysshih jekonomicheskikh shkol. *Terra economicus*, vol. 12, no. 1, pp. 13—27 [in Rus].
7. Balackij E.V. (2012) Rossijskaja praktika ocenki jefektivnosti universitetskikh programm. *Obshhestvo i jekonomika*, no. 11, pp. 68—84 [in Rus].
8. Vlasov M.V., Panikarova S.V. (2014) Ocenka rezul'tativnosti generacii znanij v universitete. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, no. 25, pp. 60—66 [in Rus].
9. Vlasov M.V., Panikarova S.V., Tjuljush Ch.O. (2012) Upravlenie nauchnoj rezul'tativnost'ju universiteta. *Nauch. Obozrenie*, no. 4, pp. 531—538 [in Rus].
10. Endovickij D.A. (2019) Rejtingovye ocenki i sootvetstvie trjom missijam universiteta: obrazovanie, nauka, obshhestvo. Praktika Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. *Tri missii universiteta: obrazovanie, nauka, obshhestvo*. Moscow, Maks Press, pp. 111—124 [in Rus].
11. Endovickij D.A., Korotkih V.V., Voronova M.V. (2020) Konkurentosposobnost' rossijskikh universitetov v global'noj sisteme vysshego obrazovanija: kolichestvennyj analiz. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, vol. 29, no. 2, pp. 9—26 [in Rus].
12. Zin'kovskij K.V. Derkachev P.V. (2016) Restrukturizacija sistemy vysshego obrazovanija. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 106 (6), pp. 135—145 [in Rus].
13. Korf V.P. (2014) Ocenka konkurentosposobnosti vedushhikh rossijskikh universitetov s ispol'zovaniem metoda glavnyh component. *Biznes-informatika*, no. 2-28, pp. 63—71 [in Rus].
14. Larionova M.V. (2012) Metodologija sravnitel'nogo analiza mezhdunarodnyh podhodov k ranzhirovaniju vysshih uchebnyh zavedenij. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, no. 1, pp. 34—69 [in Rus].
15. Meshherjakova I.V. (2008) Metodicheskie podhody k ocenke jefektivnosti dejatel'nosti vuza. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki*, no. 4 (17), p. 33 [in Rus].
16. Otdel'nye aspekty razvitija rossijskikh universitetov: regional'naja specifika, rejtingi, formirovanie obrazovatel'nyh traektorij (2017) Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'kogo universiteta, 172 p. [in Rus].
17. Panikarova S.V. Vlasov M.V. Kuznecov P.D. (2016) Ocenka nauchnoj rezul'tativnosti universitetov: institucional'nyj podhod. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no. 105 (5), pp. 80—89 [in Rus].
18. Jekonomicheskaja bezopasnost' Sverdlovskoj oblasti (2003). Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'kogo universiteta, 455 p. [in Rus].
19. Firsova A.A., Chernyshova G.Yu. (2019) Mathematical Models for Evaluation of the Higher Education System Functions with DEA Approach. *The journal Saratov University News. New Series. Series Mathematics. Mechanics. Informatics*, vol. 19, no. 3, pp. 351—362 [in Eng].
20. Lin L. (2020) An Evaluation System and Its Model for Educational Competitiveness of Universities. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, vol. 15, no. 11, p. 188—201 [in Eng].

For citing: Sandler D.G. Analyzing the state of regional higher education systems // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 20—37. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-20-37.

UDC 378

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-20-37

ANALYZING THE STATE OF REGIONAL HIGHER EDUCATION SYSTEMS

Daniil G. Sandler,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Associate Professor of the Department Chair of International Economics and Management, Leading Researcher, Cand. Sc. (Economics), Yekaterinburg, Russia.
E-mail: d.g.sandler@urfu.ru

Abstract

Introduction. Higher education systems at the present stage of development are facing new serious challenges. On the one hand, universities function as independent units, on the other, they are part of the regional system, they attract and share the attention of the stakeholders interested in the system (applicants, students, research and teaching staff, business structures, etc.).

The purpose of the study is to assess the competitiveness of regional higher education systems through the formed system of indicators, as well as to draw conclusions about the degree of uniformity in the development of these networks.

Methods. To assess the state of the higher education system in Russia, the author uses an indicative

method of analysis, which makes it possible to determine the degree of compliance of the indicator values achieved by now with the criteria that meet the set requirements for the development of society.

Scientific novelty of the research. The novelty of the research consists in forming a set of indicators, which makes it possible to draw conclusions about the competitiveness of regional systems and the degree of their development uniformity, as well as the number of universities in the regional system and their influence on the entire system, according to their uniform development relative to each other.

Results. Following the results of diagnosing the regional higher education systems, the author identifies the regions-leaders and the regions-outsiders. The diagnostic results are compared with the data of international rankings.

Conclusions. The conclusion states that the region with fewer but equally developing universities (for example, the Belgorod region or the Republic of Tatarstan) have higher indicators of competitiveness. On the contrary, regional higher education systems, represented by a large number of universities, but with unevenly developing performance indicators, are characterized as less competitive, i.e. the performance indicators of the leading university are leveled within the system as a whole.

Keywords:

higher education, diagnostic technique, indicative analysis, regional comparison, competitiveness

Для цитирования: Борисов С. В.
Субъектность и адаптивность
современной молодежи: возможности
измерения (экспертизы)
нефизических величин //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 38—46.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-38-46.

УДК 124.2+140.8+159.9.072

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-38-46

СУБЪЕКТНОСТЬ И АДАПТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ВОЗМОЖНОСТИ ИЗМЕРЕНИЯ (ЭКСПЕРТИЗЫ) НЕФИЗИЧЕСКИХ ВЕЛИЧИН

Борисов Сергей Валентинович^{1, 2}

¹ Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,

² Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский
университет), доктор философских наук,
профессор. Челябинск, Россия
E-mail: borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Следует констатировать, что современная ситуация в России в отношении социально-психологической адаптации молодежи (возраст 17—25 лет) к изменяющейся цифровой среде не находит должного теоретического и практического решения. Поэтому представителям социо-гуманитарных наук необходима собственная методология измерения адаптивности молодежи как основы их созидательной жизнедеятельности. Мы считаем, что ключевой стратегической линией в развитии адаптивности является поддержка становления молодого человека как субъекта собственной жизни. Несмотря на вызовы времени, проблема адаптации в аспекте субъектности ограничивается распространением «мифов» о цифровом обществе и вытекающих из них декларативных заявлений без должной стратегической и тактической научной программы. В связи с этим фундаментальным научным результатом нашего проекта будет разработка,

апробация и оценка эффективности методологии измерения социально-психологической адаптации молодежи, разработанной на базе цифровой антропологии и метрологии, которую можно использовать в качестве междисциплинарной модели социо-гуманитарной экспертизы субъектности и адаптивности. В основу шкалы оценки можно положить представление об эталоне (ценность, смысл), которые формируют субъектность, формулируются субъектом, определяют направленность его деятельности, его способности, проект его бытия. Модель данной сложной нефизической величины можно представить через понятие супервентности. Супервентность дает нам возможность редуцированного объяснения посредством функционального анализа. Объяснив, как осуществляются функции, мы объясним феномен. Когнитивная модель субъектности представляет собой такую абстрактно каузально организованную систему, механизмов которой достаточно для осуществления соответствующих функций. Тогда эта модель становится логически возможной, а, следовательно, эмпирически подтверждаемой (или опровергаемой). Таким образом, появляется возможность теоретически обосновать и экспериментально доказать, что субъектность является основой адаптивности (сильный вариант) или адаптивность тесно связана с субъектностью (слабый вариант) и что для каждого типа адаптивной деятельности основой является определенный тип субъектности. На основе этого будет разработана междисциплинарная модель социо-гуманитарной экспертизы субъектности и адаптивности.

Ключевые слова:

субъектность,
адаптивность,
экспертиза,
digital humanities,
культурная среда,
проективная деятельность

Введение

Ценность современной философской антропологии определяется проектным знанием о бытии человека. Как получить это знание? Только исходя из целостного образа будущего, намеченного к построению. То есть человек — это проект, а философская антропология занимается изучением всего спектра возможностей бытия человека в некой отдаленной или близкой перспективе. Таким образом, современная философская антропология дает нам не только знание о сущем, но и знание о возможном в бытии человека, с акцентом на разнообразные проективные формы его самореализации [7; 9]. Ценность образования в этом смысле заключается в том, что человек учится проектировать себя, постоянно открывать в себе новые возможности, *способности* (как проявления его активности), а не *«неспособности»* (как проявления его пассивного подчинения сложившемуся обстоятельству). Только это сделает его не только адаптивным к изменениям, но и инициативным в отношении реализации своих жизненных проектов.

Личностный проект — это не стремление к завершенности или совершенству, это стремление жить в согласии с собой в любой жизненной ситуации, стремление удержать в себе этот хрупкий баланс душевного и эмоционального равновесия. «Философия для человека» может стать проектом его адаптации, поскольку она покажет подходящий только для него способ духовного существования, способ вхождения в новые и непривычные культурные реалии с ясным осознанием своих собственных интересов и руководствуясь ими [3]. Причем не так важно, *что* он делает, но важно, *как* он это делает. Как он реализует в любимом деле весь свой личностный потенциал, как выражает в нем себя, как превращает это дело в свой образ жизни.

Адаптация молодежи к изменяющейся цифровой среде активно изучается с 80—90-х гг. прошлого века. В этот период оформилась основная «корпус» теорий информационного общества, рассматриваемого в традициях классической социологии. Всем стало ясно, что информационные сети и потоки занимают центральное место в осмыслении общественных перемен [4]. На эмпирическом уровне правота этих теоретических построений постоянно подтверждается новыми данными. Например, по опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за период с 2006 г.

по 2014 г. доля наиболее активных российских пользователей, ежедневно выходящих в Интернет увеличилась в 9 раз, естественно, что это в подавляющем большинстве молодые люди в возрасте 18—24 года [1]. Молодежь является основным субъектом, способствующим развитию информационных и коммуникационных технологий.

Однако влияние информационно-коммуникационных технологий на молодежь носит проблемный характер. Среди проблем медиа-воздействия, как правило, выделяются: индивидуализированный характер информационного воздействия; снижение роли традиционных средств массовой информации; сокращение государственного воздействия на массовое сознание и мировоззрение; а также увеличение информационной свободы [10, с. 334]. Понятно, что данные «проблемы» не являются проблемами самой молодежи, это проблемы информационных автократий, стремительно теряющих свою легитимность. Если рассматривать Интернет как среду социализации молодежи, то с его распространением процесс социализации «перестал быть однонаправленным: государство — личность. Новое поколение массово включилось в глобальную межличностную коммуникацию по интерактивной индивидуализированной модели: личность — личность, игнорируя государственные средства идеологического воздействия» [2, с. 126]. Именно это обстоятельство «создает проблему» для многочисленных бюрократических структур информационного общества.

Если мы желаем изучать адаптивность молодежи к изменяющейся цифровой среде, создателями которой в большинстве своем они и являются, то нам необходимо в качестве основы адаптивности рассматривать субъектность молодежи, поскольку именно субъектность является источником личного, уникального в человеке, что ярче всего проявляет себя в его деятельности. Интенцией к деятельности является напряжение между объективированной культурной средой, в которую изначально погружен человек, и его субъектностью. Чтобы адаптироваться к новому, субъекту необходимо пройти через этап отрицания наличного. Субъектность — это энергичное преодоление наличной ситуации. Субъект оценивает ситуацию и принимает решение ее изменить, формирует намерение и действует, постепенно соотнося происходящее с собственным замыслом, удерживая собственное движение в напряженном конфликте наличной ситуации и идеального плана, и в конечном

итоге достигая желаемого результата. Можно предположить, что для каждого типа адаптационной деятельности основой является определенный тип субъектности, следовательно, базируясь на этом, можно построить классификацию типов адаптивности.

Методы исследования

Современная ситуация в России в отношении социально-психологической адаптации молодежи (возраст 17—25 лет) к изменяющейся цифровой среде не находит должного теоретического и практического решения. Представителям социо-гуманитарных наук необходимо собственными силами разрабатывать методологию измерения адаптивности молодежи как основы ее созидательной жизнедеятельности. Каждая деятельностная модель требует определенного метода измерения, т. е. конвенциональных представлений о нефизической величине, ее свойствах, измерительных процедурах, мерах и эталонах. Что может быть такой сложно оцениваемой нефизической величиной? Субъектность. Однако возникает вопрос о самой возможности ее измерения. Нужна методология измерения, предметом которой может быть, с одной стороны, субъектность как основа адаптивности, с другой стороны, «техники субъектности», т. е. форматы и способы организации деятельности, связанной с проявлением адаптивности. Только на основе этого знания возможен «конвенциональный эталон» измерения субъектности и адаптивности и междисциплинарная модель социо-гуманитарной экспертизы данных феноменов.

Чтобы теоретически обосновать и экспериментально доказать, что субъектность является основой адаптивности (сильный вариант) или адаптивность тесно связана с субъектностью (слабый вариант) и что для каждого типа адаптивной деятельности основой является определенный тип субъектности, а также на основе этого разработать междисциплинарную модель социо-гуманитарной экспертизы субъектности и адаптивности, необходимо отобразить процедуры измерения (оценивания) субъектности и адаптивности, приемлемые в нескольких сферах научного знания, синтезировать процедуры измерения (оценивания) субъектности и адаптивности как основу междисциплинарного исследования, затем установить процедуры измерения (оценивания) субъектности и адаптивности, основанные на общем исследовательском фундаменте, и

наконец, разработать процедуры измерения (оценивания), основанные на обобщенной (междисциплинарной) теории предмета исследования (субъектности и адаптивности), с описанием эталонных характеристик, а также, используя математический инструментарий для моделирования и программирования исследовательского объекта.

В силу современных процессов в науке, образовании, культурной и социальной жизни адаптация невозможна без ориентации на цифровые технологии. Цифровой поворот, произошедший в последние десятилетия, привел к буму художественных и нехудожественных текстов в молодежной среде. Качественное их изучение является сложно выполнимой задачей, все они представляют ценность с точки зрения data science как важные данные о самоидентификации современной молодежи. Данная текстовая культура может быть осмыслена с позиции уникального, ценностно значимого дискурса как проявления активной творческой деятельности, отражающей субъектность. На основе методов цифрового исследования текстов, социологических и психологических опросов, а также интервью, можно разработать классификацию типов адаптивности на основе ключевых маркеров субъектности. Данная уникальная эмпирическая база даст возможность для эксклюзивных измерений (результатов) с помощью соответствующего прибора (средства измерения).

Результаты

Таким образом, задача нашего проекта будет решена, когда мы получим:

- 1) теоретико-методологическое обоснование понятия субъектности как основы адаптивности с позиции философской, психологической и социологической теорий с акцентом на существенную связь понятия субъектности и адаптивности;
- 2) методологический анализ основных подходов к определению адаптивности, дающий возможность подробной классификации типов адаптивности в соответствии с данными подходами, выявления ключевых маркеров субъектности как основы адаптивности для разработки и обоснования деятельностных проективных моделей адаптивности;
- 3) обоснование философской теоретико-методологической базы проективных моделей адаптивности с опорой на

идеи личностно-ориентированной, гуманистической психологии и феноменологических исследований, а также методологии измерения субъектности и адаптивности;

- 4) определение и систематизацию в художественных и нехудожественных текстах образных и языковых маркеров, демонстрирующих субъектность, идентичность и адаптивность самосознания молодежи в цифровой среде; данный результат позволит проанализировать и охарактеризовать маркеры субъектности, полноценно и многоаспектно проявляющиеся в современных текстах;
- 5) «междисциплинарную модель», оказывающую помощь в проведение социо-гуманитарной экспертизы адаптации молодежи к изменяющейся цифровой среде для преодоления психологического и когнитивного диссонанса, успешной интеграции молодежи в социальной и культурное пространство города, региона, страны; повышение качества жизни молодежи за счет самореализации в «дружественной» цифровой среде.

Обсуждение

Как уже говорилось, современная ситуация в России в отношении социально-психологической адаптации молодежи к изменяющейся цифровой среде не находит должного теоретического и практического решения. Представителям социо-гуманитарных наук необходимо собственными силами разрабатывать методологию измерения адаптивности молодежи как основы их созидательной жизнедеятельности. Мы считаем, что ключевой стратегической линией в развитии адаптивности является поддержка становления молодого человека как субъекта собственной жизни. Вместо этого проблема адаптации молодежи рассматривается в совершенно ином ключе, как правило, посредством распространения различных «мифов» о цифровом обществе и вытекающих из них декларативных заявлений без должной стратегической и тактической научной программы. Наиболее широко распространена «апелляция к межпоколенческой специфике, а именно отнесение современной молодежи и подростков к «поколению Z», «цифровым аборигенам», «iGen» с выделением ряда присущих им свойств и характеристик» [6, с. 38].

Называя современное поколение «цифровым» и стремительно теряя способы воз-

действия на него, государственно-бюрократические структуры информационного общества распространяют миф о его «зависимости» от цифровых технологий только потому, что осознают, что прежние средства информационно-пропагандистского воздействия (например, телевидение) утратили свою эффективность. Симптомами этой так называемой «зависимости» является то, что молодые люди нетерпеливы, сосредоточены в основном на краткосрочных целях, они менее амбициозны, не стремятся пополнять ряды информационной бюрократии и становиться частью определенных групп или структур, так как они настаивают на собственном праве принимать решения, они более ориентированы на потребление, более индивидуалистичны. Всю необходимую для жизненной активности информацию они получают из Сети, кроме того Интернет является для них главным средством общения, постоянно расширяя возможности сетевой коммуникации посредством образования неформальных групп по интересам. Именно это определяет образцы их поведения, стиль жизни, приоритеты жизненного успеха и средства его достижения. Можно утверждать определенно, что в настоящее время именно глобальные социальные сети являются инструментом воспитания подрастающего поколения.

Устойчивые и распространенные представления о «зависимости» современных подростков от цифровых технологий, на первый взгляд претендующие на теоретическую значимость, «плохо поддаются эмпирической проверке или не проверены вовсе. Несмотря на специфический характер социальных процессов в разных странах, большинство «мифов» о молодежи носят кросс-культурный характер» [6, с. 38]. Хотя в существующих социо-гуманитарных исследованиях много говорится о субъектности, но на деле субъектность нигде не рассматривается в качестве главного адаптационного результата с учетом возможности ее измерения и экспертного оценивания для адекватного объяснения конфликтных ситуаций.

Помимо этих «псевдопроблем», связанных с потерей влияния на молодежь властных структур, можно выделить ряд объективных характеристик, свидетельствующих как о положительном, так и о отрицательном влиянии уклада технообщества на современную молодежь. Лучше всего эти характеристики можно представить, прибегнув к классификации «множественного интеллекта»:

Мгновенность доступа к получению информации и установлению связи для лингвистического интеллекта приводит к упрощению языка и обнищанию языковых навыков в связи с заменой слов и выражений на многочисленные знаки и символы.

Поскольку разум становится пассивные продолжением технопроцессов (а не наоборот, как было ранее) для логико-математического интеллекта характерно снижение данных базовых компетенций, например, ненужность в силу неприменимости арифметических навыков.

Для телесно-кинестетического интеллекта несомненным плюсом информационных технологий является многозадачность, но данный плюс создает опасность разобщения сознания и тела, что повсеместно диагностируется как так называемый «синдром дефицита внимания и гиперактивность».

Виртуализация реальности для пространственно-визуального интеллекта грозит искаженным ее восприятием.

Индивидуализация для интерперсонального (коммуникативного) интеллекта может привести к дефициту поведенческих качеств, если таковые потребуются в условиях «живого» общения.

Сокращение времени на размышления для носителей интраперсонального (философского) интеллекта создает когнитивный дефицит, размывание идентичности и как следствие потерю смысла жизни.

Цифровые технологии усиливают концентрацию внимания, однако для натуралистического интеллекта это может обернуться усилением стресса, повышенной усталостью, ощущением постоянного временного дефицита.

И наконец для аксиологического типа интеллекта виртуализация идентичности может привести к ослаблению способности к моральным суждениям.

Понятно, что в силу современных процессов в науке, образовании, культурной и социальной жизни адаптация невозможна без ориентации на цифровые технологии. Цифровой поворот, произошедший в последние десятилетия, привел к буму текстов в молодежной среде и развеял еще недавно бытовавший «миф» о том, что молодежь ничего не читает в традиционном смысле этого слова, т. е. не приобщается к «книжной» культуре. Сейчас уже никто не будет отрицать, что ни только читает, причем гораздо активнее, чем люди старшего поколения, но и пишет, выражает себя посредством текста. Качественное изучение текстов, распространенных в молодежной среде, является

сложно выполнимой задачей, однако все они представляют ценность с точки зрения data science как важные данные о самоидентификации современной молодежи. Эта текстовая культура может быть осмыслена с позиции уникального, ценностно значимого дискурса как проявления активной творческой деятельности, отражающей субъектность.

Одним из значимых опытов применения digital technology в области искусства и литературы является опыт исследовательского коллектива Стэнфордской литературной лаборатории (Stanford Literary Lab) Стэнфордского университета. В аспекте региональной идентичности особый интерес представляет исследование особенностей восприятия «городского текста» Лондона, в котором на основе корпусного анализа английских романов XVIII—XIX веков составлена карта эмоционального восприятия Лондона. Активно используют методы цифровой гуманитаристики и другие мировые институты и лаборатории: Цифровой гуманитарный институт в Швейцарии (Федеральная политехническая школа Лозанны), Библиотеки Йельского университета, Лаборатория обработки естественного языка университета им. Т. Г. Масарика (Брно, Чехия). Разработками методов цифрового исследования текстов занимаются и следующие российские организации: Центр цифровых гуманитарных исследований Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ) (Москва), Лаборатория филологических интернет-стратегий института исторической антропологии и филологии Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (МГТУ им. Г. И. Носова) (Магнитогорск), магистерская программа Южного федерального университета «Цифровые технологии в филологии. Компьютерная лингвистика» (Ростов-на-Дону), кафедра информационных технологий в креативных и культурных индустриях Сибирского федерального университета, Научно-исследовательский центр социально-гуманитарной информатики (Балтийский федеральный университет им. И. Канта).

Как зарубежный, так и отечественный опыт осваивает методы оцифровки литературных текстов и архивов, создания паттернов и интерпретаций художественных произведений, а также закладывает основы изучения визуализации измерений, текстовых категорий, образов, семантических и грамматических признаков как объекта компьютерной критики, представляет новый тип текста — объекта изучения Digital

Humanities. Изучение региональной идентичности с помощью методов искусственного интеллекта является развивающейся проблемой отечественной науки [8]. Несмотря на растущий интерес научного сообщества к возможностям методов искусственного интеллекта в гуманитарных науках и проблемах региональной идентичности, обобщающих трудов по данной теме и практических исследований регионального текста с применением цифровых технологий мало.

Итак, субъектность можно рассматривать в качестве сложной оцениваемой нефизической величины. Как известно, измерение величины понимается как процесс экспериментального получения одного или более значений величины, которые могут быть обоснованно приписаны величине. Современный научный подход к пониманию измерения делает возможным приложение этого понятия как для нахождения значений физических величин, так и для измерения нефизических [12] или субъективных величин. Необходимость (задача) расширения общей теории измерений на область нефизических величин давно и остро ощущается в области гуманитарных наук.

Непосредственное субъективное переживание определенных чувственных данных в философии сознания принято называть феноменальным качеством, или квалиа. «Феноменальные качества традиционно считаются одним из наиболее трудных для натуралистического объяснения аспектов сознания. Квалиа представляются нередуцируемыми к физическому устройству системы или к ее функциональным возможностям и зачастую объявляются особыми нефизическими свойствами» [5, с. 64]. «При измерении качества (в квалиметрии) экспертные измерения (экспертные оценки) являются преобладающими, потому что качество — это свойство объектов и явлений материального и духовного мира удовлетворять потребности и ожидания людей. Последние, следовательно, являются средствами измерений этого свойства (качества) и как таковые должны иметь первичные измерительные преобразователи, датчики или чувствительные элементы, как-то на него реагирующие» [13, с. 55]. В современных научных исследованиях рассматриваются вопросы построения единой методологической основы измерений для физических и нефизических величин [14], а также различные подходы к оцениванию нефизических величин [15]. Аналитический обзор этих исследований подтверждает актуальность нашей гипотезы.

Эталоном для субъектности является смысл, т. е. безусловное значение; идет ли речь о смысле какого-либо слова, о смысле какого-либо опыта или жизни в целом, вопрос всегда ставится о всеобщем и безусловном значении чего-либо. Всякая идея стремится утвердиться в чем-то безусловном и всеобщем, т. е. в смысле. Обладать сознанием значит соотносить осознаваемое с каким-либо общезначимым смыслом. Только находясь во власти переживаний, я еще не осознаю; осознание начинается тогда, когда моя мысль соотносит воспринимаемое с неким эталоном, определяемым как смысл. Когда мы говорим о смысле жизни, то речь идет уже не о мыслительной деятельности как таковой, а о ценности, но тоже в ее безусловном значении.

Таким образом, в основу шкалы оценки можно положить представление об эталоне (ценность, смысл), которые недостижимы, но формируют субъектность, формулируются субъектом, определяют направленность его деятельности, его способности, проект его бытия. Принцип супервентности (Д. Чалмерс) [11, с. 54] дает возможность формализовать интуитивную идею о том, что одно множество фактов может полностью определять другое множество фактов. В нашем случае, супервентность даст возможность редуктивного объяснения феномена посредством функционального анализа. Объяснив, как осуществляются функции, мы объясним феномен. Например, субъектность в общем может быть сведена к надлежащей адаптации поведенческих способностей в ответ на стимулы из окружающей (в нашем проекте — цифровой) среды.

Выводы

Ценностные ориентиры современной молодежи есть комплекс мировоззренческих установок, которые можно рассматривать как «фильтр», через который проходит избирательное восприятие социальной реальности, что оказывает решающее влияние на личностную позицию. Ценностные ориентиры можно представить, как целостную систему персонализированных образов, бытующих в молодежной субкультуре, каждый из которых наделяется определенным ценностным значением: позитивным, негативным, нейтральным. На основе этой схемы можно осуществлять группировку данных. Таким образом, мы получаем доступ к исследованию субъектности.

Таким образом, для осуществления качественной социо-гуманитарной экс-

пертизы адаптации российской молодежи к изменяющейся цифровой среде необходимо, во-первых, теоретико-методологическое обоснование понятия молодежной субъектности как основы адаптивности с позиции философской, психологической и социологической теорий с акцентом на сущностную связь понятия субъектности и адаптивности. Во-вторых, необходимо обоснование теоретико-методологической базы проективных моделей адаптивности с опорой на идеи личностно-ориентированной, гуманистической психологии и феноменологических исследований. В-третьих, необходимо систематическое исследование художественных и нехудожественных текстов, бытующих в молодежной среде, для выявления образных и языковых маркеров субъектности, идентичности и адаптивности самосознания молодежи в цифровой среде.

Благодарности

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Фонда Президентских грантов, проект № 21-1-014489 «Адаптационный чат-бот для иностранных студентов российского университета Сократ-2020».

1. Аналитика ВЦИОМ и Левада-Центр про использование сети Интернет в РФ (16 августа 2014 года) // SecurityLab.ru by Positive Technologies. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/80na20/80318.php> (дата обращения: 14.10.2021).

2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.

3. Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М. : ИФ РАН, 2015. 188 с.

4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ-ВШЭ, 2000. 606 с.

5. Лапин А. П., Юрасова Е. В., Гредновская Е. В., Гладышев В. И. Измерение нефизических величин в процедурах философской практики // Проблемы получения, обработки и передачи измерительной информации : материалы II Международной научно-технической конференции. Уфа : Издательство УГАТ, 2019. С. 63—68.

6. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z» / Высшая школа экономики, Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с.

7. Резник Ю. М. Феноменология человека: бытие возможного. М. : Канон+ : Реабилитация, 2017. 632 с.

8. Славкина И. А., Шмульская Л. С., Мамаева М. С., Веккесер С. В. Вербальные маркеры региональной идентичности // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3-2 (27). С. 227—244.

9. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология: новые перспективы свободы и рациональности. СПб. : Алетейя, 2002. 677 с.

10. Тюрина И. О. Молодежь в информационном пространстве России: интернет-участие и коммуникации // Россия и Китай: молодежь XXI века. М. : Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. С. 333—358.

11. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М. : УРСС : ЛИБРОКОМ, 2019. 512 с.

12. Шишкин И. Ф. Измерение нефизических величин (измерение в ноосфере) // Электронный журнал «Экономика качества». 2016. № 2 (14). URL: www.eq-journal.ru (дата обращения: 14.10.2021).

13. Шишкин И. Ф., Комаровских К. Ф. О нетрадиционных измерениях // Мир измерений. 2012. № 3. С. 50—57.

14. Finkelstein L. Widely-defined measurement — An analysis of challenges // Measurement. 2009. Vol. 42, no. 9. P. 1270—1277.

15. Muravyov S.V. Ordinal measurement, preference aggregation and interlaboratory comparisons // Measurement. 2013. Vol. 46, no. 8. P. 2927—2935.

References

1. Analitika VCIOM i Levada-Centr pro ispol'zovanie seti Internet v RF (16 avgusta 2014 goda). SecurityLab.ru by Positive Technologies. Available at: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/80na20/80318.php>, accessed 14.10.2021 [in Rus].

2. Gorshkov M.K., Sheregi F.Je. (2019) Rossijskaja molodezh' v kontekste sociologicheskogo analiza. Moscow, FNISC RAN, 263 p. [in Rus].

3. Kasavina N.A. (2015) Jekzistencial'nyj opyt v filosofii i social'no-gumanitarnyh naukah. Moscow, IF RAN, 188 p. [in Rus].

4. Kastel's M. (2000) Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura. Moscow, GU-VShJe, 606 p. [in Rus].

5. Lapin A.P., Jurasova E.V., Grednovskaja E.V., Gladyshev V.I. (2019) Izmerenie nefizicheskikh velichin v procedurah filosofskoj

praktiki *Problemy poluchenija, obrabotki i peredachi izmeritel'noj informacii*. Ufa: Izdatel'stvo UGAT, pp. 63—68 [in Rus].

6. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Mify o «pokolenii Z» (2019). Moscow, NIU VShJe, 64 p. [in Rus].

7. Reznik Ju.M. (2017) Fenomenologija cheloveka: bytie vozmozhnogo. Moscow, Kanon+, Reabilitacija, 632 p. [in Rus].

8. Slavkina I.A., Shmul'skaja L.S., Mamaeva M.S., Vekkesser S.V. (2016) *Sovremennye issledovanija social'nyh problem*, no. 3-2 (27), pp. 227—244 [in Rus].

9. Tul'chinskij G.L. (2002) Postchelo-vecheskaja personologija: novye perspektivy svobody i racional'nosti. St. Petersburg, Aletejja, 677 p. [in Rus].

10. Tjurina I.O. (2014) Molodezh' v informacionnom prostranstve Rossii: internet-

uchastie i kommunikacii // *Rossija i Kitaj: molodezh' XXI veka*. Moscow, Institut sociologii RAN, Centr social'nogo prognozirovanija i marketinga, pp. 333—358 [in Rus].

11. Chalmers D. (2019) Soznajushhij um: v poiskah fundamental'noj teorii. Moscow, URSS: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 512 p. [in Rus].

12. Shishkin I.F. (2016) Izmerenie nefizicheskikh velichin (izmerenie v noosfere). *Jelektronnyj zhurnal «Jekonomika kachestva»*, no. 2 (14). Available at: www.eq-journal.ru, accessed 14.10.2021 [in Rus].

13. Shishkin I.F., Komarovskih K.F. (2012) O netradicionnyh izmerenijah. *Mir izmerenij*, no. 3, pp. 50—57 [in Rus].

14. Finkelstein L. (2009) *Measurement*, vol. 42, no. 9, pp. 1270—1277 [in Eng].

15. Muravyov S.V. (2013) *Measurement*, vol. 46, no. 8, pp. 2927—2935 [in Eng].

For citing: Borisov S.V. Subjectivity and adaptability of modern youth: possibilities of measuring (examining) non-physical quantities // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 38—46. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-38-46.

UDC 124.2+140.8+159.9.072

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-38-46

SUBJECTIVITY AND ADAPTABILITY OF MODERN YOUTH: POSSIBILITIES OF MEASURING (EXAMINING) NON-PHYSICAL QUANTITIES

Sergey V. Borisov^{1, 2}

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University,

² South Ural State University (national research university), Doctor of Philosophy, Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Abstract

It should be noted that the current situation in Russia with regard to the socio-psychological adaptation of young people (age 17—25) to the changing digital environment does not find a proper theoretical and practical solution. Therefore, representatives of the socio-humanitarian sciences need their own methodology for measuring the adaptability of young people as the basis of their creative life. We believe that the key strategic line in the development of adaptability is to support of a young person formation as a subject of his own life.

Despite the challenges of the times, the problem of adaptation in the aspect of subjectivity is limited to the spread of “myths” about the digital society and the declarative statements arising from them without a proper strategic and tactical scientific

program. In this regard, the fundamental scientific result of our project will be developing, testing and evaluating the effectiveness of the methodology for measuring the socio-psychological adaptation of young people, developed on the basis of digital anthropology and metrology, which can be used as an interdisciplinary model of socio-humanitarian examination of subjectivity and adaptability. The assessment scale can be based on the idea of a standard (value, meaning), which form subjectivity, are formulated by the subject, determine the direction of his activity, his abilities, the project of his being. The model of this complex non-physical quantity can be represented through the concept of supervenience. Supervenience enables us to explain reductively through functional analysis. By explaining how functions are performed, we will explain the phenomenon. The cognitive model of subjectivity is such an abstractly causally organized system, the mechanisms of which are sufficient for implementing the corresponding functions. Then this model becomes logically possible, and, therefore, empirically confirmed (or refuted). Thus, it becomes possible to theoretically substantiate and experimentally prove that subjectivity is the basis of adaptability (strong option) or adaptability is closely related to subjectivity (weak option) and that for each type of adaptive activity the basis is a certain type of subjectivity. On the basis of this, an interdisciplinary model of socio-humanitarian examination of subjectivity and adaptability will be developed.

Keywords:
subjectivity,
adaptability,
expertise,
digital humanities,
cultural environment,
projective activity

Для цитирования: Камалиева И. Р.
Феномен пациента в условиях
медикализации жизни:
философско-антропологические
аспекты проблемы //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 47—54.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-47-54.

УДК 130.31

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-47-54

ФЕНОМЕН ПАЦИЕНТА В УСЛОВИЯХ МЕДИКАЛИЗАЦИИ ЖИЗНИ: ФИЛОСОФСКО- АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Камалиева Ирина Ринатовна,
Южно-Уральский государственный
университет (НИУ),
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: irina.kamalieva@yandex.ru

Аннотация

Введение. Современный человек поневоле приобретает статус пациента в условиях профилактической медицины, даже будучи здоровым. Но при этом становится объектом воздействия как со стороны непосредственно медицины, так и многочисленных социальных институтов и коммерческих структур, помимо института здравоохранения, провозгласивших своей миссией обеспечение благополучия человека.

Цель. Осмысление философско-антропологических аспектов феномена пациента и прояснение фундаментальных оснований трансформации пациентского сознания в условиях прогрессирующей медикализации жизни.

Методы. Методологическую основу исследования составили социокультурный, герменевтический, экзистенциально-философский и феноменологический подходы. В основу исследования легли антропологическая онтология М. Хайдеггера, экзистенциальная онтология Э. Гидденса;

концепция М. Фуко о медикализации жизни; концепция П. Д. Тищенко о трансформации био-власти в современной культуре.

Научная новизна исследования. Разработана гипотеза принципов формирования индивидуального и массового пациентского сознания, определяющего способ бытия современного человека в условиях медикализации жизни.

Результаты. Страдание от страха перед конечностью существования становится экзистенциальным основанием сознания современного пациента, при этом экзистенциальное и рациональное основания пациентского сознания современного просвещенного индивида взаимно опосредуются. Связующим в их взаимоотношении звеном является вера в возможность достижения идеала здоровья, сформировавшегося в современных социокультурных условиях. В ситуации тотальной медикализации жизни, при которой здоровье понимается как благополучное существование, на основе индивидуального пациентского сознания формируется особый способ бытия человека. «Эффектом» медикализации жизни становится появление массового пациентского сознания — страх потерять здоровье формирует идеологию медикализованного общества, в котором каждый индивид становится пациентом.

Выводы. Прогресс биомедицины способен детерминировать кризис идентичности человека. В связи с чем важно прояснение философских понятий здоровья и болезни в контексте современной социокультурной ситуации, позволяющих определить возможный идеал здоровья в рамках медицинских вмешательств, безопасных для сущности человека, и способных обеспечить «онтологическую безопасность» при исцелении индивида.

Ключевые слова:
феномен пациента,
пациентское сознание,
медикализация,
био-власть,
био-политика

Введение

Необходимость философского осмысления феномена пациента продиктована, с одной стороны, медиализацией современных социокультурных процессов, возрастанием влияния био-власти и био-политики на общественное и индивидуальное бытие и сознание. С другой стороны, качество жизни современного человека напрямую зависит от достижений медицины и уровня организации системы здравоохранения. То есть власть медицины над индивидом и обществом возрастает в том числе и в ответ на социальный запрос к ней. Сегодня каждый человек поневоле приобретает статус пациента, прибегая к медицинским услугам, пользуясь фармацевтическими и медикотехническими товарами в профилактических целях даже будучи здоровым. Но при этом становится объектом воздействия как со стороны непосредственно медицины, так и многочисленных социальных институтов и коммерческих структур, помимо института здравоохранения, провозгласивших своей миссией обеспечение благополучия человека. Таким образом, возникает необходимость осмысления феномена пациента в контексте современной культуры для осознания трансформации бытия человека в условиях прогрессирующей медиализации жизни [11].

Пациент как феномен

Традиционно пациентом принято считать человека, нуждающегося в медицинской помощи в результате нарушения здоровья. Но, несмотря на множество проведенных исследований по тематике, философами до сих пор не сформулированы признаваемые медициной понятия здоровья и болезни. В связи с этим существует некая неопределенность в отношении допустимых границ медицинской практики. И, как следствие, в тех сферах медицины, где не учитывается гуманитарная составляющая, возникает недовольство системой здравоохранения со стороны пациентов. И именно данная непроясненность понятия здоровья дает возможность манипулирования индивидуальным и общественным сознанием в условиях глобальных биотехнологических угроз. А поскольку современная трактовка здоровья обозначена ВОЗ как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов» [3, с. 11], она преимущественно формирует

принципы организации институтов и систем здравоохранения, ориентирующихся на государственные интересы, а не на состояние индивидуального здоровья человека, к которому традиционно стремилась медицина.

Состояния здоровья и болезни являлись предметом интереса многих мыслителей в течение всей истории философии и медицины. Например, исключительно рациональный, даже механистический подход к осмыслению здоровья сыграл роковую роль в жизни Р. Декарта. С. Л. Фокин, анализируя ставшую доступной лишь в начале нынешнего тысячелетия переписку мыслителя с монаршими особами Европы, отмечает, что в период становления институциональной медицины Декарт не был оригинален в своем неприятии врачей, которых считал «лженаучными» и «антифилософами», и, по его мнению, «всякий истинный философ должен быть самоврачевателем» [10, с. 384]. Впоследствии длительный принципиальный отказ от медицинской помощи, согласно одной из версий, стал причиной смерти заболевшего воспалением легких философа [10, с. 390].

В свою очередь, Г. В. Ф. Гегель разграничивает состояния болезни и здоровья возможностью организма преодолеть инородное, признавая здоровье как «пропорциональность между наличным бытием и самостью организма, при котором для организма не существует чего-либо неорганического, что бы он не мог преодолеть» [2], а болезнью, по мнению философа, является нарушение указанного соотношения.

Ф. Шеллинг, указывая на значимость переживания болезни при осознании человеком собственного существа, считает здоровье «совершенно пустым ощущением, чувством прозрачности организма для духа» [14], а болезнью — неспособность организма «быть полным отражением нашего универсума и служить нам органом самозерцания» [14].

В XXI веке биомедицина представляет собой комплекс естественнонаучных отраслей знания и использует конкретно-научные методы при диагностике болезней [13], в связи с чем достаточно проблематично опираться в условиях современной медицинской практики на предложенные классиками философской мысли определения. К тому же, с каждым днем возможности медицины возрастают, в том числе и касательно ее влияния на сущность человека. П. Д. Тищенко отмечает, что «обнаруживающаяся вследствие внедрения биотехнологий сложность феноменов начала и завершения

существования человека вносит основательную неопределенность в понимание его экзистенциальных границ» [8, с. 8]. Таким образом, в условиях стремительного прогресса возможностей биомедицины, в частности, развития геномной инженерии, репродуктологии и реаниматологии, философское понимание здоровья и болезни крайне необходимо для определения границ медицинских вмешательств, безопасных для сущности человека.

П. И. Калью классифицировал все известные в различных предметных областях определения здоровья и болезни в 4 модели: медицинскую, предполагающую отсутствие диагностированных болезней; биомедицинскую — отсутствие признаков нездоровья с субъективной точки зрения индивида; биосоциальную, когда признаются более значимыми социальные факторы благополучия при рассмотрении их в единстве с медицинскими; ценностно-социальную, тождественную современному определению ВОЗ [3]. Предлагаемая им классификация позволяет заключить, что современному человеку характерно стремление к всеохватывающему состоянию здоровья, что стало результатом увеличения продолжительности жизни за счет прогресса биомедицины — сегодня человек ориентирован на улучшение качества жизни, а не только на существование без физических страданий. Тем не менее редкого человека как современная медицина, так и он сам, могут признать здоровым, поскольку изменилась структура заболеваемости человечества — возникли хронические, «цивилизационные» болезни, обусловленные образом жизни и средой обитания индивида [5]. Образ жизни человека формируется, в свою очередь, не только средой или социальными условиями, а прежде всего его индивидуальными духовными и телесными особенностями. Жизненные миры личностей, до-полагающие образ жизни людей одной и той же социокультурной и географической среды весьма разнообразны, и, соответственно, благополучие индивида совершенно не гарантировано соответствием представлений о благополучном существовании, сформировавшимся в его социальном окружении. Также и переживание каждым человеком состояния болезни является процессом сугубо индивидуальным, субъективным. По мнению немецкого психиатра В. Э. Гебзаттеля, «болезнь в первую очередь является способом человеческого бытия, и поэтому важнейшим для врача должен являться вопрос о том, что за реальность раскрывается

во встрече с неповторимой, своеобразной личностью больного» [16, с. 198]. Состояние болезни признается современной медицинской процессом психосоматическим, то есть духовно-душевно-телесным, и потому данный личностно-ориентированный подход к пациенту можно признать актуальным для всех отраслей медицины, а не только для психиатрии.

В контексте амбивалентной проблемы здоровья и болезни важно различать медицинские понятия нормы и патологии. Общеизвестно, что медицинская норма, предполагающая отсутствие биологических, биохимических и биофизических патологий, не означает отсутствие переживания человеком болезни, также, как и имеющаяся патология не означает отсутствие здоровья. Человек может ощущать себя здоровым, и не находиться в статусе пациента, при наличии, например, какого-либо наследственного генетического отклонения от нормы, не ограничивающего его возможности, не проявляющегося внешне и не причиняющего беспокойства от осознания индивидом своей «ненормальности». И здесь уместно вспомнить определение Г. В. Ф. Гегеля, обозначившего состояние здоровья как соответствие самости организма его наличному бытию, проясняющее особенное в понятиях здоровья и нормы, болезни и патологии.

Одним из явных признаков, указывающих на болезнь, принято считать физическую боль. Но она не всегда является обязательным проявлением болезни, существует множество других ее общеизвестных и признанных медициной симптомов. Однако очевидно, что состояние болезни сопряжено со страданием. И в данном случае феномен боли представляет исследовательский интерес как «предшественник» страдания, поскольку с точки зрения биологии страдание стало возможным благодаря «эволюции корковых и подкорковых структур, на базе которых появилась психическая возможность трансформации боли в страдание как ее осознанное душевное переживание» [1, с. 25]. То есть изначально страданием можно считать осознанное переживание телесной боли, с которой человек сталкивался на протяжении всей истории своего существования. Не случайно понятие «пациент», возникшее у самых истоков медицины, которая на тот момент была ориентирована в первую очередь на устранение боли, на латинском языке означает *patiens* — «страдающий». Несмотря на то что медицина претерпела концептуальные изменения принципов своей деятельности с доантич-

ных времен до сегодняшнего дня, трансформировавшись из целительства в науку, именно страдание является непреходящим сущностным признаком человека, нуждающегося во внимании со стороны врача, и именно страдание можно признать одним из трансцендентальных оснований сознания человека, существующего в состоянии болезни.

Но сам характер телесных страданий человека изменился в процессе развития медицинской науки. Изобретение анальгетиков практически в полной мере реализовало стремление человечества к существованию без телесной боли. Телесное страдание сегодня постепенно «вымывается» из сознания человека [12] и благодаря прогрессу медицины трансформируется, во-первых, в душевное страдание — для современного человека характерно страдать от осознания угрозы соматической болезни для благополучного существования (потери или снижения трудоспособности, лишения возможности полноценно жить и самореализоваться); во-вторых, в духовное страдание от осознания угрозы телесной смерти, что в рамках современной научной мировоззренческой парадигмы означает и осознаваемое человеком завершение его бытия.

Трансформация представлений человека о собственной конечности влияла на трактовки духовного страдания, сопряженные со способами человеческого бытия, которые формировались в истории философии, прежде всего, в зависимости от парадигмы, определяющей место человека в мироздании. В рамках общеизвестных мировоззренческих парадигм существуют следующие интерпретации духовного страдания: в буддийской страдание является следствием несовершенства индивида, а нирвана, предполагающая выход из-под власти земных привязанностей, судьбы, определяемой кармой, есть освобождение от страдания; в иудео-христианской парадигме страдание считается наказанием свыше не только за предыдущие проступки человека, но и испытанием, из которого человек должен извлечь нравственный урок на будущее, тем самым обеспечив себе существование без страданий в потустороннем мире; в современной экзистенциально-гуманистической парадигме причинами страдания являются заброшенность и одиночество человека в мире и тотальное несоответствие мира его ожиданиям, а жизнь человека как абсурд и движение навстречу смерти уже изначально признается страданием [7].

То есть душевным страданием в контексте медицины можно признать «осознанное переживание человеком ограниченности своих возможностей в реализации желаемого» [4, с. 176], а духовным страданием — «осознанное переживание человеком собственной конечности и поиска путей ее преодоления» [4, с. 176]. Страдание определяет как угрозы целостному существованию (физическому, душевному и духовному) человека, так и указывает пути их преодоления, то есть исцеления. В случае возникновения телесной боли и душевных страданий, связанных с угрозой телесной целостности, человек обращается за медицинской помощью. Однако, учитывая, что современные определения здоровья отождествляют его с состоянием полного благополучия, следует уделить внимание исцелению человека от духовного страдания, переживаемого экзистенциально и побуждающего человека трансцендировать в стремлении преодолеть свою конечность.

Целостному духовному существованию человека в рамках религиозных мировоззренческих парадигм препятствует его материальная телесность, а физическая смерть человека становится освобождением от «земных» страданий и обретением духовной жизни, не означая завершения бытия. Однако современный человек в результате научного прогресса испытывает ощущение фрагментированности мироздания и собственного места в нем. Современная постнеклассическая наука представляет собой процесс изучения изменчивости «сложных, открытых, нелинейных систем» относительно «встроенного» в них человека и самих себя, «важными характеристиками эволюции которых являются неопределенность, нестабильность, случайность и хаос» [19, с. 968]. И если индивиду классической и неклассической эпох было характерно существование в рамках рационалистического мировоззрения, то современный человек «существует в мире многообразных бытийных перспектив, находящихся в состоянии взаимодействия и коммуникации и не поддающихся к сведению к единому, всеобщему и фундаментальному основанию» [9, с. 13]. В результате, децентрированный субъект уже не трансцендирует, стремясь преодолеть страдание от обозначенных экзистенциалистами заброшенности и одиночества в мире, тотально несоответствующего его ожиданиям, а трансгрессирует, преодолевая возможные пределы наличного бытия.

Изречение Ф. Ницше «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже

смотрит в тебя» [6, с. 215] напоминает о том, что трангрессирование без наличия фундаментальных оснований «бытийных перспектив» погружает индивида в хаос. И попытки современного человека обрести целостность путем преодоления границ наличного бытия могут привести не к избавлению от духовного страдания, а к его усилению вследствие нарастающего хаоса. По мнению С. Е. Уолкера, «человек страдает, чувствуя себя распадающимся при поиске способов преодоления страдания в условиях децентрации бытия» [20]. Данный процесс способен привести к утрате смысла жизни (экзистенциальному кризису) и лишению индивидом рассудка, то есть «отчуждения от собственной сущности в результате защитной телесной реакции на сверхвозможные духовные страдания» [15, с. 112].

В связи с этим становится объяснимым желание современного индивида «общества риска» к «благополучной» жизни в институционально структурированных «рамках» в пределах возможного и рутинному существованию без приносящих страдание мыслей о собственной конечности и несовершенстве мира. Возможный риск нарушения безопасности данного иллюзорного «благополучия» вызывает у современного индивида отмеченную Э. Гидденсом «экзистенциальную тревогу и ужас» [17; 18]. В этой связи можно утверждать, что одним из трансцендентальных оснований сознания современного потенциального пациента как страдающего от угрозы потери благополучного существования индивида является страдание от страха в результате угрозы его «онтологической безопасности», то есть возникшее на бытийном, фундаментальном уровне.

Однако современный человек в достаточной степени просвещен и образован. Имея иллюзорный статус субъекта формирования собственного благополучия в рамках созданной современной системой здравоохранения моды на здоровый образ жизни, человек относительно критически оценивает угрожающие его здоровью факторы. То есть неоспоримо и наличие рационального трансцендентального основания сознания современного пациента — он способен рассудочно оценить как риски для своего здоровья, опираясь на собственный уровень образования, так и профессионализм врача и медицинского учреждения, в которое планирует обратиться, по имеющимся оценкам их деятельности в информационном пространстве.

Трансформация пациентского сознания в условиях медиализации жизни

Как мы видим, феномен пациента формируется за счет трансформации сознания больного или имеющего риск заболеть человека, которое можно обозначить как пациентское сознание. Степень проявления пациентского сознания у конкретного человека как пациента формируется в зависимости от определенной социокультурной реальности — представлений о здоровье и болезни, уровня развития медицины и института здравоохранения. Стремление человека к сохранению и обретению здоровья неразрывно связано с его представлениями о полноценной жизни и конечности существования. Имеющиеся или возможные физические страдания современного индивида становятся причиной страха потери здоровья и жизни, который, в свою очередь, способствует обращению человека в потенциального пациента. То есть страдание от страха перед конечностью существования становится экзистенциальным основанием сознания современного пациента. Однако индивид в каждой конкретной социокультурной ситуации обладает определенным знанием о картине мира, формирующим его мировоззрение и представление о собственной конечности, своем организме и возможностях медицины. То есть экзистенциальное и рациональное основания пациентского сознания взаимно опосредуются. Связующим в их взаимоотношениях звеном является вера в возможность достижения идеала здоровья, сформировавшегося в конкретных социокультурных условиях. В ситуации же современной тотальной медиализации жизни, формирующей стремление человека к пониманию здоровья как благополучного существования, на основе индивидуального пациентского сознания формируется особый способ бытия человека.

В до-технологичной медицине как сфере непосредственного взаимодействия врача и больного, понятия «пациент» и «врач», являясь относительными, не могли рассматриваться друг без друга. Однако в современной социокультурной ситуации, повлекшей трансформацию понятия здоровья в «благополучие», становится возможным существование пациента как феномена без врача в привычном их представлении, и даже без непосредственного обращения человека к медицине — пациент сегодня часто ориентируется на абстрактных носителей эксперт-

ного знания. К тому же современное здравоохранение, являясь профилактическим, имеет одним из основных своих принципов деятельности превентивность — предотвращение болезни как препятствия к полноценной жизни за счет культивирования страха перед ней. Поэтому «эффектом» медиализации культуры становится появление массового пациентского сознания «вообще» (без привязки к конкретному страдающему индивиду) как присущего обществу в целом — страх потерять здоровье отныне формирует идеологию медиализованного общества, в котором каждый индивид является пациен-том.

Заключение

Очевидность дальнейшего развития естественных наук и расширение границ представлений о здоровье позволяют признать прогрессирование явлений медиализации жизни неотвратимым процессом, в связи с чем необходимо пытаться предотвратить возможные негативные антропологические и социальные последствия технологизации современной медицины, расширяющей границы вмешательства в тело и сознание человека, что, по сути, приводит не только к изменению сознания отдельного потенциального пациента, но и общества в целом. Размывание границ жизни и смерти, детерминированное прогрессом биомедицинской науки, способно вызвать очередной глобальный кризис идентичности человека. Поэтому важно прояснение философских понятий здоровья и болезни в контексте современной социокультурной ситуации, позволяющих определить возможный идеал здоровья в рамках медицинских вмешательств, безопасных для сущности человека. В ситуации расширения медициной пределов нарушения целостности тела человека, необходимо обозначить пути исцеления человека на бытийном уровне, что позволит обеспечить «онтологическую безопасность» человека, то есть его целостное «бытие-в-мире» без страдания от страха за собственную конечность.

1. Антюхина А. В. Боль и страдание: философское осмысление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30): в 3 ч. Ч. I. С. 25—28.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия природы. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/>

s00/z0000427/index.shtml (дата обращения: 10.05.2018).

3. Калью П. И. Сущностная характеристика понятия «здоровье». М. : ВНИИМИ, 1988. 220 с.

4. Камалиева И. Р. Страдание как атрибут творчества в контексте целостного бытия человека: онтоантропологический аспект // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 11. С. 175—178.

5. Михель Д. В. История болезни в социокультурном контексте: философское осмысление медико-антропологических исследований пациентского опыта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2016. № 2(20). С. 88—109.

6. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. 856 с.

7. Сенкевич А. В. Проблема страдания в истории философии: основные парадигмы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 3 (37). С. 12—15.

8. Тищенко П. Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М. : ИФРАН, 2001. 178 с.

9. Фаритов В. Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса : дис. ... д-ра филос. наук. М. : МГУ, 2016. 318 с.

10. Фокин С. Л. Болезнь и здоровье в философии Рене Декарта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34, Вып. 3. С. 381—390.

11. Фуко М. Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. М. : Смысл, 1998. 310 с.

12. Хайдарова Г. Р. Феномен боли в культуре : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб. : СПбГУ, 2013. 41 с.

13. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

14. Шеллинг Ф. В. Й. Система трансцендентального идеализма. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000398/index.shtml> (дата обращения: 12.06.2020).

15. Ясперс К. Общая психопатология. М. : Практика, 1997. 1056 с.

16. Gebattel V.H. von. Medizinische Anthropologie. Einführende Gedanken // Jahrbuch für Psychologie. Psychotherapie und Medizinische Anthropologie. 1959. № 7. S. 193—198.

17. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Cambridge : Polity Press, 1991. 264 p.

18. Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge : Polity Press, 1990. 188 p.

19. Nigomatullina R.M., Nikolayeva E.M. Evolution of Management: from Classics

of Modernity to Post-nonclassical Paradigm // Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 15, № 7. P. 966—972.

20. Walker S. T. Rough Ground: Ethics, Ontology and Suffering (Thesis, Doctor of Philosophy). Danidin : University of Otago, 2012. URL: <http://hdl.handle.net/10523/2251> (accessed 23.06.2020).

References

1. Antyuhina A.V. (2013) *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4 (30), pp. 25—28 [In Rus].

2. Gegel' G.V.F. (2017) *Filosofija prirody*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000427/index.shtml>, accessed 10.05.2018 [in Rus].

3. Kal'ju P.I. (1988) Sushhnostnaja harakteristika ponjatija «zdorov'e». Moscow, VNIIMI, 220 p. [in Rus].

4. Kamaliev I.R. (2020) *Manuskript*, vol. 13, no. 11, pp. 175—178 [In Rus].

5. Mihel', D. V. (2016) *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 2 (20), pp. 88—109 [In Rus].

6. Nicshe F. (1990) *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl', 856 p. [In Rus].

7. Senkevich A.V. (2009) *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. no. 3 (37), pp. 12—15 [In Rus].

8. Tishhenko P.D. (2001) *Bio-vlast' v jepohu biotehnologij*. Moscow, IFRAN, 178 p. [In Rus].

9. Faritov V.T. (2016) *Transgressija i transcendencija kak ontologicheskie perspektivy diskursa*. Thesis. Moscow, MGU, 318 p. [In Rus].

10. Fokin S.L. (2018) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofija i konfliktologija*, vol. 34, no. 3, pp. 381—390 [In Rus].

11. Fuko M. (1998) *Rozhdenie kliniki. Arheologiya vrachebnogo vzglyada*. Moscow, Smysl, 310 p. [In Rus].

12. Hajdarova G.R. (2013) *Fenomen boli v kul'ture*. Thesis. St. Petersburg, SPSU, 41 p. [In Rus].

13. Hajdegger M. (2003) *Bytie i vremja*. Har'kov, Folio, 503 p. [In Rus].

14. Shelling F.V.J. (2017) *Sistema transcendentalnogo idealizma*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000398/index.shtml>, accessed 12.06.2020 [In Rus].

15. Jaspers K. (1997) *Obshhaja psihopatologija*. Moscow, Praktika, 1056 p. [In Rus].

16. Gebattel V.H. (1959) *Jahrbuch für Psychologie. Psychotherapie und Medizinische Anthropologie*, no. 7, pp. 193—198 [in Germ].

17. Giddens A. (1991). *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Cambridge, Polity Press, 264 p. [in Eng].

18. Giddens A. (1990). *The consequences of modernity*. Cambridge, Polity Press, 188 p. [in Eng].

19. Nigmatullina R.M., Nikolayeva E.M. (2013) *Middle East Journal of Scientific Research*, vol. 15, no. 7, pp. 966—972 [in Eng].

20. Walker S.T. (2012) *Rough Ground: Ethics, Ontology and Suffering* (Thesis, Doctor of Philosophy). Danidin, University of Otago. Available at: <http://hdl.handle.net/10523/2251>, accessed 25.04.2020 [in Eng].

For citing: Kamaliev I.R. The phenomenon of the patient in the context of life medicalization: philosophical and anthropological aspects of the problem // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 47—54. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-47-54.

UDC 130.31

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-47-54

THE PHENOMENON OF THE PATIENT IN THE CONTEXT OF LIFE MEDICALIZATION: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

Irina R. Kamaliev,

South Ural State University (NRU),
Senior Researcher of the Scientific
and Educational Center of Practical
and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: irina.kamaliev@yandex.ru

Abstract

Introduction. A man of today inevitably acquires the status of a patient in the context of preventive medicine, even when he is healthy. But at the same time, he or she becomes an object of influence both from medicine itself and from numerous social institutions and commercial structures, in addition to health institutions, which proclaimed their mission to ensure human well-being.

The purpose of the study is to comprehend the philosophical and anthropological aspects of the patient's phenomenon and clarify basic foundations of transforming a patient's consciousness in the context of progressive life medicalization.

Methods. The methodological basis of the research comprises sociocultural, hermeneutic, existential-philosophical and phenomenological approaches.

The research is based on M. Heidegger's anthropological ontology, E. Giddens' existential ontology; M. Foucault's concept of life medicalization; P.D. Tishchenko's concept of transforming bio-power in modern culture.

Scientific novelty of the research. The author has developed a hypothesis for the principles of forming individual and mass patient consciousness, which determines a modern person's way of being in the context of life medicalization.

Results. Suffering from the fear of the existence finiteness becomes the existential foundation of the modern patient's consciousness, while the existential and rational foundations of the patient consciousness of the modern enlightened individual are mutually mediated. The link in their mutual mediation is believing in the possibility of achieving the ideal health, formed in modern socio-cultural conditions. In the situation of total life medicalization, in which health is understood as a prosperous existence, a special way of human being is formed on the basis of the individual patient's consciousness. The "effect" of the life medicalization is the emergence of a mass patient consciousness - the fear of losing health forms the ideology of a medicalized society in which every individual becomes a patient.

Conclusions. The progress of biomedicine is able to determine the crisis of human identity. In this regard, it is important to clarify the philosophical concepts of health and illness in the context of the modern sociocultural situation, which allows to determine the possible ideal of health within the framework of medical interventions that are safe for the human essence and capable of providing "ontological safety" when healing an individual.

Keywords:

patient phenomenon,
patient consciousness,
medicalization,
bio-power,
bio-policy

Для цитирования: Зорин В. А. Политическое лидерство в контексте реформы местного самоуправления в Челябинске: политико-психологический анализ // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 55—68. DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68.

УДК 316.46

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЧЕЛЯБИНСКЕ: ПОЛИТИКО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

Зорин Василий Анатольевич,

Челябинский государственный университет,
заведующий кафедрой политических наук и
международных отношений,
кандидат политических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: vaszorin@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье содержится анализ политико-психологических профилей депутатов представительных органов местного самоуправления Челябинского городского округа.

Цель. Муниципальная реформа 2014 года, учредившая двухуровневую систему представительства, создала институциональные возможности для формирования новой модели политического лидерства. Исследование представляет собой попытку оценить политико-психологические показатели эффективности реформы.

Методы. В основе авторского подхода лежит совокупность политико-психологических методов: качественный контент-анализ, психобиографический анализ и метод фокусированного интервью (для описания образов политиков в массовом сознании).

Научная новизна исследования. Особенностью авторского подхода к изучаемой проблеме является понимание политического лидерства как комплексного феномена, сочетающего

в себе институциональный и политико-психологический уровни. Институциональные рамки изучаемого феномена определены муниципальной реформой. Психологические профили депутатов рассматриваются как индивидуальные траектории политического поведения, сформированные в результате адаптации индивидуально-психологических характеристик политиков к требованиям предусмотренной реформой роли депутата в политической системе.

Результаты. Полученные данные свидетельствуют о том, что в политико-психологических профилях изученных депутатов, в целом, отсутствуют характеристики, позволяющие им эффективно раскрывать заложенный в концепции реформы институциональный потенциал. Реформа открыла возможность для формирования новой модели политического лидерства, главными компонентами которой предполагаются:

- 1) расширение политического представительства;
- 2) повышение эффективности коммуникации между лидером и последователями;
- 3) деполитизация повестки. Проведенный анализ показал, что избранные по реформенной схеме депутаты на внутреннем уровне характеризуются ригидностью и воспроизводят инерционную модель политического поведения. На внешнем уровне их восприятие избирателями остается поверхностным и не имеет потенциала к оптимизации за счет выявленных в ходе исследования бессознательных параметров.

Выводы. За два электоральных цикла муниципальная реформа не привела к раскрытию лидерского потенциала депутатского корпуса. В этой связи перспективы продолжения использования данной модели представляются автору неочевидными.

Ключевые слова:

политическое лидерство, субэлита, реформа местного самоуправления, политическая личность, политико-психологический профиль, политическое восприятие, образ политика

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20—411—740004 «“Спящая реформа”: институциональные и психологические факторы трансформации муниципального политического лидерства в Челябинском городском округе».

Введение. Постановка проблемы

Изучение политического лидерства имеет длительную историю. Разграничение «лидерства» и «руководства» как понятий, характеризующих иерархическую структуру малых групп и организаций, было предложено в работах таких авторов, как Б. Басс, Р. Стогдилл и др.

Политическое лидерство как особая исследовательская проблема возникает в результате междисциплинарного синтеза на стыке политической науки и организационной психологии. Политология и активно развивающаяся в XX веке политическая психология делали акцент на важности понимания личностного фактора в анализе политического процесса (Дж. М. Бернс, М. Херманн, Д. Уинтер). Весомый вклад в изучение психологических особенностей политических лидеров внесли исследователи, ориентирующиеся на методологические принципы психоанализа (Х. Д. Лассуэлл, Дж. Д. Барбер, А. Джордж, А. Дэвис). В современной российской политической науке изучением политического лидерства занимались такие исследователи, как Е. Б. Шестопад, Е. В. Егорова-Гантман, Н. М. Ракирянский, Т. Н. Самсонова, И. И. Кузнецов и др.

Политическое лидерство в общем виде понимается нами как процесс неформального иерархического взаимодействия в больших социальных группах. Такое видение предмета позволяет сделать акцент на синтетической природе данного явления. Политические иерархии могут функционировать в виде формализованных институциональных структур, чьи полномочия закреплены теми или иными нормативными актами и встроены в систему органов государственной или муниципальной власти. С точки зрения теории лидерства в данном случае мы имеем дело с феноменом «руководства», который ограничивается формальным исполнением функций, приписанных тому или иному политическому институту неким внешним по отношению к нему источником власти (авторитета).

Категория «лидерство» предполагает неформальные властные иерархии и особый статус акторов в большой социальной группе, чьи полномочия опираются на поддержку последователей и делегированный ими потенциал влияния лидера на ход внутригрупповых процессов.

Таким образом, политическое лидерство представляет собой многомерный феномен, который демонстрирует то, как отдельные политические акторы (лидеры) выходят за

рамки своих формальных полномочий и трансформируют институциональные рамки властных структур. В нашем понимании, лидерство — это взаимосвязанный поиск возможностей для раскрытия потенциала властного института и субъекта полномочий, то есть допустимое в рамках конкретной политической системы творчество акторов, которое, в свою очередь, создает возможности для развития политической системы и открывает потенциал для совершенствования механизмов ее воспроизводства.

Научная новизна исследования обусловлена разработкой теоретической модели, основанной на сочетании двух уровней функционирования лидерства: институционального и психологического.

Мы понимаем институты как рамки возможностей, сообщающие актору границы и прескрипции индивидуальных стратегий политического поведения. Жесткость этих рамок определяется на институционально-нормативном уровне и является продуктом социально-политической инженерии. В целом же, институциональные ограничения политического лидерства зависят от множества факторов (социально-экономического и историко-культурного контекстов, характеристик последователей, специфики используемых каналов коммуникации и т.п.).

В этом смысле мы понимаем введенные в 2014 году принципы и механизмы формирования органов местного самоуправления в Челябинске (муниципальную реформу) как институциональную рамку, в пределах которой индивидуальные политические акторы (лидеры) формируют свои траектории поведения.

Психологический уровень исследования позволяет показать, как внутри институциональных рамок происходит формирование специфической модели политического лидерства. Мы исходим из того, что исполнитель роли муниципального депутата вносит в нее собственную внутреннюю мотивацию и приспособливает формальные требования к своему видению политического пространства, пониманию своей миссии, политическим идеалам, ориентирам и ценностям.

Для концептуализации местного (локального) политического лидерства мы используем категорию «субэлита», которая относительно слабо представлена в современной российской политической элитологии [11]. Вместе с тем, данное понятие имеет четкие содержательные рамки и может быть обозначено как средняя страта политического класса, что позволяет, с одной стороны,

отделить данную категорию от «массы» (неполитического класса), и, с другой стороны, указывает на ее принципиальные отличия от «элиты» в строгом научном понимании (как высшей страты политического класса). Такой подход согласуется с современными российскими элитологическими концепциями, изложенными в работах О. В. Гаман-Голутвиной [5] и других авторов.

В 2014 году на территории г. Челябинска был реализован федеральный «пилотный» проект реформирования системы местного самоуправления, в результате которого была сформирована двухуровневая система представительных органов: депутаты Челябинской Городской Думы делегируются в ее состав из числа избранных на прямых выборах депутатов районных Советов. Это проект также реализован еще в двух административных центрах субъектов РФ (Самаре и Махачкале).

Концепция реформы предполагала, прежде всего, изменение системных принципов взаимодействия власти и гражданского общества. Районные депутаты, помимо выполнения функций представительной власти, получили возможность создать новый политический феномен, суть которого можно определить следующим образом — представитель власти, не оторванный от народа, и существующий в тесном взаимодействии с ним. Без этой смысловой и идеологической нагрузки муниципальная реформа 2014 года представляется нам формальным экспериментом, связанным с желанием отдельных представителей региональной элиты продемонстрировать лояльность федеральному центру.

Так или иначе, за два срока своих полномочий районные депутаты накопили опыт работы в новых условиях и протестировали предложенную им институциональную рамку, методом проб и ошибок выявив ее потенциал. На наш взгляд, политико-психологический инструментарий может дать возможность увидеть реальный результат реформы в виде сформировавшихся особенностей личностных психологических профилей депутатов и тенденций восприятия их в сознании избирателей.

Эффективность новой системы, таким образом, может быть определена при условии обнаружения среди представителей корпуса районных депутатов следующих признаков:

- «близость» к избирателю: тесные коммуникационные форматы с использованием как современных информационных технологий, так и классических

средств обеспечения открытости (общественные приемные, встречи с избирателями и т.п.), реальная открытость и доступность для рядового избирателя, готовность «оказывать услуги» в вопросах взаимодействия с органами власти, жилищно-коммунальными организациями и иными управленческими структурами;

- усиление качества политической репрезентации через реальное привлечение в работу муниципальной власти недостаточно представленных социальных категорий (женщины, молодежь, представители бюджетной сферы, активисты-общественники), преодоление негативного восприятия городского депутатского корпуса как «закрытого клуба» бизнесменов, преимущественно из сфер ЖКХ и строительства, использующих свой политический статус для решения вопросов по основному виду деятельности;
- «деполитизация повестки» или погружение депутатов в реальные проблемы избирателей на уровне первичных потребностей, уход от популизма и иных форм политической активности, целеполагание которых связано с борьбой за власть как таковую к реализации сервисной модели, предполагающей, что народный избранник должен, прежде всего, быть полезен избирателю как субъект, способный решать каждодневные текущие вопросы, быть своего рода защитником интересов и провайдером различного рода услуг.

Таким образом, **целью нашего исследования** является выявление психологических особенностей политических лидеров местного уровня как специфической рекрутационной социальной группы, занимающей субэлитное положение в структуре современного российского политического класса, на основе изучения эмпирических данных, характеризующих депутатов представительных органов внутригородских районов, входящих в состав Челябинского городского округа в контексте проведенной в 2014 году реформы местного самоуправления.

Методология составления политико-психологического профиля лидера

В структуре политического лидерства особое место занимает такой его компо-

нент, как личность лидера. В современной российской политической психологии центром изучения психологии политических лидеров себя зарекомендовала кафедра социологии и психологии политики Московского государственного университета под руководством Е. Б. Шестопаля [3]. Для нашего исследования особую актуальность имеет проведенное коллегами исследование современной российской политической элиты [10], в котором был поставлен вопрос о наличии общих психологических характеристик в группах политических лидеров, занимающих близкое положение в политической системе. В рамках нашего проекта был осуществлен политико-психологический анализ личностных особенностей ряда муниципальных депутатов районных Советов г. Челябинска.

Понятие «политико-психологический профиль» [8] предполагает рассмотрение изучаемого феномена на двух уровнях. Первый — «внутренний» — это более устойчивые характеристики, отражающие аутентичные психологические свойства и состояния личности, актуальные для политики, существующие независимо от общественного сознания и становящиеся объектом отражения в нем. Второй уровень — «внешний» — содержит в большей степени мобильные, изменчивые характеристики личности, которые можно обнаружить лишь непосредственно в сфере общественного сознания.

«Внутренняя сторона» политико-психологического профиля содержит три основных компонента: когнитивный, аффективный и поведенческий. Данное представление о структуре личности широко распространено в политической психологии. Например, в работе А. Ф. Дэвиса [16] эти компоненты определяются как «взгляды», «страсти» и «навыки». Дж. Д. Барбер [13] разработал свою теорию личности, которая предполагает наличие также трех основных компонентов: «мировоззрения», «характера» и «стиля».

«Внешняя сторона» политической личности — это те качества и характеристики, которые не содержатся в психодинамических структурах и приписываются лидеру обществом. К таковым относятся, прежде всего, базовые параметры субъективных оценок: привлекательность, сила и активность. С помощью этих шкал, лежащих в основе «семантического дифференциала» Ч. Осгуда, мы интерпретируем как рациональные, так и бессознательные оценки, составляющие образ лидера. Методика изучения образа политика создана Е. Б. Шес-

топаля [3] и в настоящий момент опирается на большой объем эмпирических данных и стандартов их интерпретации.

Кроме того, важно отметить, что методика данного исследования основана на принципах дистантной оценки личности политика [20]. Противопоставление дистантных и контактных методов основано на принципиальных ограничениях политической психологии: если анализ личности в клинической психологии основан на непосредственном контакте объекта и субъекта исследования, то политический психолог, в силу специфики объекта изучения, вынужден оперировать «вторичными» данными. То есть мы исходим из понимания того, что личностные качества находят отражение в некоторых материальных носителях, которые доступны для исследователя и имеют эвристическую ценность как источники информации об актуальных личностных характеристиках изучаемого объекта.

Таким образом, для решения поставленных нами задач применялись следующие политико-психологические методы:

- качественный контент-анализ авторских текстов [20] (выявление в текстах смысловых образов, связанных с выбранными для анализа переменными — когнитивными, аффективными и поведенческими характеристиками политических лидеров, в результате чего появляется возможность для выражения политико-психологического профиля субъекта в виде количественных значений отдельных признаков);
- фокусированные интервью для выявления образов политиков в массовом сознании [3] (оценка основных параметров образа политика с помощью методики Е. Б. Шестопаля [3], предполагающей выделение в его структуре рационального и бессознательного уровней и анализ содержательных характеристик с помощью трех шкал: «сила-слабость», «активность-пассивность» и «привлекательность — непривлекательность»);
- психобиографический анализ [7; 13; 17] (интерпретация биографических данных с помощью эксплицитных психодинамических теорий, выделяющих ключевые факторы процесса формирования личности в контексте социализации и адаптации к требованиям социального окружения субъекта).

Структура «внутренней стороны» политико-психологического профиля лидера содержит следующие компоненты [10],

которые будут оценены с помощью указанных выше методов исследования:

I. Аффективный компонент:

- мотивы (власти / достижения / аффилиации);
- самооценка (высокая / низкая);
- «Я-концепция» (сложная / простая).

II. Когнитивный компонент:

- политические ценности (этатизм / антиэтатизм, равенство / свобода, этноцентризм / космополитизм);
- операциональный код (дружественный / враждебный, оптимизм / пессимизм, глобальный / ограниченный, воля / случай).

III. Поведенческий компонент:

- общая направленность личности (экстраверсия / интроверсия);
- ориентация на социальное доминирование (высокий / низкий уровень);
- стиль лидерства (агитатор / администратор / теоретик).

Образ («внешняя сторона» личности) политика изучался в соответствии с классической методикой, разработанной Е. Б. Шестопал [3]. Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы:

- Знаете ли вы этого человека?
- Что вам нравится в этом человеке? Почему?
- Что вам не нравится в этом человеке? Почему?
- Как вы думаете, зачем этому человеку нужна власть?
- Стали ли бы вы голосовать за него на ближайших выборах?
- С каким животным ассоциируется у вас этот человек?
- С каким цветом ассоциируется у вас этот человек?
- С каким запахом ассоциируется у вас этот человек?

Первые пять вопросов были направлены на выявление рациональных оценок, последние три — бессознательных. Гипотеза о противоречии рациональных и бессознательных оценок лидера является одной из концептуальных основ данного исследования.

Реакции респондентов были представлены в виде открытых ответов, которые впоследствии кодировались в соответствии с тремя основными шкалами оценок:

- привлекательность — непривлекательность;
- сила — слабость;
- пассивность — активность.

По шкале привлекательность-непривлекательность оценивалось соотношение

положительных и отрицательных оценок и специфика тех качеств, которые называли респонденты. Оценки различались по объёму:

- внешние (одежда, манера поведения);
- телесные (здоровье — болезнь, телесная комплекция, вредные привычки, возраст, темперамент, физическая привлекательность);
- психологические (характер, отдельные черты);
- моральные;
- политические, профессиональные и деловые.

Бессознательные оценки привлекательности выявлялись через ассоциации с животными, цветами и запахами.

Оценки по шкалам сила — слабость и активность — пассивность выявлялись через доминирующие тенденции в рациональных оценках и свободные ассоциации с животными, цветами и запахами — в бессознательных.

Эмпирическая база исследования

Для реализации эмпирического исследования была отобрана группа из 15 депутатов районных Советов города Челябинска. Критерии включения в нее:

- представительство всех 7 районов;
- сочетание депутатов от «Единой России» (большинство депутатов во всех районных Советах) и представителей оппозиции;
- наличие как опытных (условно «дореформенных») депутатов, так и новых лиц;
- наличие депутатов, делегированных в Челябинскую Городскую Думу, и тех, чьи полномочия ограничены работой только в районном Совете, а также депутатов, занимающих руководящие должности в районных Советах.

Политико-психологический профиль каждого из 15 депутатов был составлен на основании эмпирических данных:

- биографические данные, авторские тексты, личные аккаунты в социальных сетях — для выявления характеристики «внутренней стороны» политической личности депутата;
- сведения о социально-демографическом статусе кандидатов, указанные ими при выдвижении на муниципальных выборах в г. Челябинске в 2009, 2014 и 2019 годах;

- 60 фокусированных интервью для каждого депутата с избирателями, прописанными на территории соответствующего округа по выборам депутатов районного Совета.

Включенные в исследовательскую выборку депутаты входят в составы представительных органов следующих муниципальных образований: Калининского района (А. Н. Галкин, Э. Р. Гильмутдинов), Курчатовского района (В. Р. Давлетханова, С. И. Селешук), Ленинского района (И. Р. Бахтеев, А. В. Рябенко), Металлургического района (В. В. Корнев, А. Е. Четвернин), Советского района (А. В. Бодрягин, О. В. Боярская, С. В. Найденов), Тракторозаводского района (Э. М. Габайдуллина, А. Н. Павлюченко), Центрального района (Л. А. Демчук, Р. В. Никитин).

Результаты исследования. Социально-демографические параметры депутатского корпуса

Перед тем как перейти к анализу политико-психологических профилей муниципальных депутатов, приведем некоторые социально-демографические параметры, характеризующие депутатский корпус целиком и динамику их изменений в сравнении с дореформенными значениями [4].

В гендерном отношении реформа не дала значимых результатов. Представительство женщин среди кандидатов менялось крайне незначительно: с 20 % в 2009 г., до 22 % — в 2014 г. и 24 % — в 2019 г. Этот показатель становится еще меньше, если мы рассмотрим долю женщин среди избранных депутатов районных Советов (16 % в 2014 г. и 15 % в 2019 г). Таким образом, реформа не заложила тенденцию к гендерному равенству. Представительство женщин в депутатском корпусе осталось на низком уровне. В качестве действенного механизма преодоления этой проблемы, предусмотренного в реформе институционально, выступила процедура делегирования депутатов в Челябинскую Городскую Думу из числа избранных депутатов районных Советов. Причем, очевидно, что этот механизм может работать и в другом направлении, что не позволяет сделать однозначный вывод о его позитивном влиянии на гендерное выравнивание политического класса. В сформированной в 2014 г. Челябинской Городской Думе оказалась лишь одна женщина-депутат (М. Карелина), в 2019 этот показатель увеличился до 7 (то есть с 2 до 14 % от общего численного состава). Однако же, тенденция сохраняется: по мере увеличения

политического статуса категории мера представительства женщин сокращается.

Реформа не повлияла на роль высшего образования как нормативной позиции для муниципального депутата (95 % в 2009 г. 98 % — в 2014 г. и 96 % — в 2019 г). Доля кандидатов, не имеющих высшего образования, также не изменилась значительно в процессе реформы, составив 31% от общего числа выдвинутых всеми субъектами избирательного процесса в 2019 году. В дореформенном 2009 году такой образовательный статус имели 27 % претендентов на депутатский мандат.

Также незначительным оказалось влияние реформы на такой параметр как должность депутата (в 2009 г. — Челябинской Городской Думы, в последующие годы — районных Советов) по основному месту работы. Доминирующей категорией осталась «руководитель высшего звена», значения которой менялись следующим образом: 86 % в 2009 г., 79 % — в 2014 г., 78 % — в 2019 г. «Рядовые сотрудники» различных организаций и предприятий в 2019 г. составили лишь 12 % от общего количества муниципальных депутатов во всех семи районах Челябинска.

Описание политико-психологических профилей муниципальных депутатов

Для включенных в нашу выборку муниципальных депутатов Челябинского городского округа, как правило, характерно преобладание следующих значений основных переменных, формирующих структуру политико-психологического профиля.

Аффективный компонент

• Мотивация.

Наиболее характерный для изученных нами муниципальных депутатов мотивационный профиль предполагает доминирование мотива достижения. Такая характеристика в контексте психологического профиля политического лидера предполагает, прежде всего, ориентацию на дисциплину, исполнительность и лояльность властной иерархии. Для политиков с сильно развитым мотивом достижения исполнение той или иной роли в системе может быть связано с карьерными амбициями и стремлением проявить профессиональные качества управленца в той или иной сфере.

Мы полагаем, что предусмотренный концепцией и духом реформы формат лидерства предполагает, что мотив достижения должен быть выражен на среднем уровне.

Наиболее благоприятной комбинацией мотивов в психологическом профиле могло бы быть сочетание мотивов власти и аффилиации, то есть наличие внутреннего стремления брать на себя ответственность, противостоять инерционной логике функционирования институтов, бороться за повышение собственного статуса в иерархии, но при этом быть достаточно гибким, ориентироваться на общественное мнение, проявлять на высоком уровне коммуникативную компетентность.

Среди политико-психологических профилей рассмотренных нами депутатов мы не обнаружили ни одного с таким сочетанием.

• **Самооценка и когнитивная сложность.**

Самооценка — это параметр, определяющий устойчивость и стабильность эмоциональных реакций на происходящие события. Высокая самооценка формируется как следствие конгруэнтности амбиций лидера и субъективного восприятия собственных достижений в политическом пространстве. Низкая самооценка — источник тревожности и основная предпосылка запуска компенсаторной динамики в целеполагании. Для нас важно понимать, как уровень самооценки сочетается с когнитивной сложностью, которая имеет значение не только как показатель способности субъекта преодолевать ограниченность «черно-белого» мышления, но и как фактор, связанный с коммуникативной компетентностью.

Наша гипотеза состояла в том, что предусмотренная реформой роль в наибольшей степени могла бы быть дополнена такими характеристиками, как сочетание высокой самооценки и низкой когнитивной сложности. Такой паттерн предполагает относительно высокий уровень личной автономии, способность выходить из-под влияния большинства, ориентироваться на собственный опыт, основанный на достаточно жестких внутренних стандартах состоятельности. Кроме того, низкая когнитивная сложность, на наш взгляд, является благоприятной чертой для муниципального депутата, так как позволяет эффективно концентрировать усилия на повседневной повестке и не провоцировать разногласия с последователями (избирателями) по поводу идеологически значимых позиций.

Такое сочетание признаков в изученном нами массиве данных встретилось всего в двух случаях (Р. Никитин и А. Четвернин). Как правило, для большинства их коллег характерен профиль, в котором присутствуют низкая самооценка и высокая сложность

«Я-концепции», что в логике политико-психологического анализа может быть рассмотрено как предпосылка к излишней конформности, зависимости от вышестоящих авторитетов и постоянному компенсаторному давлению.

Когнитивный компонент

• **Ценности.**

Политические ценности в субэлитной страте муниципальных депутатов, безусловно, могут и должны быть разнообразными, что связано как с их партийной принадлежностью, так и со спецификой текущей социально-политической повестки. Однако, ролевые прескрипции, о которых мы ведем речь в данной статье, на наш взгляд, делают наиболее конгруэнтными такие параметры ценностного профиля, как «антиэтатизм» (способность посмотреть на возникающие проблемы со стороны общества, а не государства; реальных потребностей людей, а не бюджетных правил и ограничений), «равенство» (защита интересов локального сообщества, отстаивание его права на более или менее равномерное участие в распределении общих ресурсов) и «космополитизм» (как антитеза «этноцентризму» в смысле общедоступности и отказа от жесткого разделения социального окружения на «чужих» и «своих»).

Несмотря на то, что этот компонент политико-психологического профиля является одним из наименее нормативных в контексте изучаемой нами муниципальной реформы, все же отметим то обстоятельство, что описанный выше ценностный профиль нам встретился всего один раз (у В. Корнева), как правило депутаты демонстрируют высокий уровень этактистских установок, то есть рассматривают себя и свою роль, скорее, как компонент политической системы, ее важный функциональный механизм, а не как «агента» гражданского общества.

• **Операциональный код.**

Данный блок переменных, связанных с формальной стороной когнитивной сферы политика, также характеризуется высокой степенью вариативности и, вероятно, в меньшей степени нормативен. Однако, несколько его компонентов все же можно рассмотреть, как достаточно благоприятные признаки для формирования модели лидерства в высокой степени конгруэнтной предусмотренной реформой концепции. На наш взгляд, муниципальный депутат как своего рода посредник в отношениях между гражданами и политическим классом должен сочетать в себе такие элементы операционального кода, как дружелюбность, опти-

мизм, ориентацию на «волю» и ограниченный характер целей. В той или иной степени эти элементы присущи многим из изученных нами депутатов, однако полное соответствие не выявлено ни в одном случае. Чаще всего расхождение с описанной выше моделью возникает вследствие появления в политико-психологическом профиле депутата таких признаков, как враждебность и глобальность целеполагания.

Поведенческий компонент

• Экстраверсия / интроверсия и ориентация на социальное доминирование.

Наиболее благоприятной комбинацией этих признаков в изучаемом нами контексте является сочетание экстраверсии с отсутствием явно выраженной ориентации на социальное доминирование, то есть заинтересованности в других людях, внешней среде с низким уровнем авторитарности, под которой мы в данном случае понимаем лояльность властной иерархии, готовность директивно управлять и, в то же время, покорно подчиняться вышестоящим авторитетам. Такой поведенческий паттерн выражается в отсутствии явно выраженных личных статусных амбиций, готовности развиваться именно в данной роли, в ориентации на сотрудничество как предпочтительную тактику, готовности к переговорам и компромиссам, желании быть в центре событий, но при этом не навязывать окружающим правила и стандарты поведения.

Такое сочетание поведенческих особенностей характерно для достаточно значительной группы изученных нами депутатов (В. Давлетханова, Л. Демчук, С. Найденов, С. Селешук).

• Стиль лидерства по Х. Д. Лассуэллу [7].

Предложенная Х. Д. Лассуэллом типология политических лидеров рассматривается нами как синтетическая переменная, обобщающая поведенческий компонент психологического профиля политика. В контексте реформы, как нам представляется, важна способность муниципального депутата инициировать прямой контакт с последователями и публично выражать свои идеи, то есть демонстрировать то, что в указанной выше типологии соответствует категории «агитатор». Вместе с тем, очевидно, что большинство рассмотренных нами политиков, скорее, являются «администраторами», что, впрочем, характерно и для других элитных страт, как на региональном, так и на федеральном уровне [10]. Достаточно ярко агитаторские признаки мы видим в психологических профилях трех де-

путатов: В. Давлетхановой, С. Найденова и Р. Никитина.

Положительные качества в образах депутатов

В целом, депутаты представительных органов местного самоуправления характеризуются относительно низким уровнем узнаваемости. Гипотеза о «тесном контакте» между ними и избирателями, таким образом, не подтверждается.

Главными аспектами образов депутатов, вызывающими положительное отношение респондентов, остаются внешние и телесные качества политиков. Такая тенденция, на наш взгляд, обусловлена двумя факторами. Во-первых, поверхностным характером данного аспекта образа, который отвечает за первичный уровень восприятия и, как правило, предшествует формированию в сознании избирателей оценок, характеризующих более сложные и глубокие компоненты образа (моральные, психологические, деловые и политические качества). Во-вторых, на полученные нами результаты влияет и специфика исследовательской методики, которая предполагает использование фотографии политика в качестве стимульного материала, призванного вызвать как рациональные, так и бессознательные вербальные реакции.

Далее мы приведем примеры наиболее показательных рациональных оценок, отмеченных нами в образах депутатов:

- внешних качеств;

«Он достаточно респектабельно выглядит, симпатичный» (С. Найденов);

«Нравится то, что он в галстуке, в белой рубашке, отглаженный, аккуратный, красиво причесанный» (А. Галкин);

«Милое лицо, улыбка приятная» (Л. Демчук).

- морально-психологических качеств;

«Прежде всего, мне нравится её исполнительность. Это человек дела. Что ей скажешь, она всегда выполнит» (Э. Габайдуллина);

«Это добрая и отзывчивая женщина» (В. Давлетханова);

«У человека есть амбиции, есть желание сделать что-то хорошее» (Л. Демчук).

- политических и деловых качеств;

«Детям елку ставит все время, тропинку сделал, асфальт сделал. И мы ходим теперь не по грязи» (Э. Гильмутдинов);

«Хороший человек, откликается на каждую просьбу наших граждан, уверенно решает все насущные проблемы» (И. Бахтеев);

«Он активно посещал, когда я учился в школе, наше заведение. Помогал школе, проводил различные мероприятия, я помню» (А. Четвернин).

- силы;

«Судя по возрасту, имеет большой опыт и представление о жизни. Возможно, хочет что-то поменять, улучшить» (В. Давлетханова);

«Нравится, что он пытается улучшить наш район» (Р. Никитин);

«Уверенный взгляд, чувствуется какая-то сила, как будто он что-то может реально» (С. Селещук).

- активности.

«Мне нравится, что это человек молодой и в её взгляде видно, что она полна энергии и сил для каких-то дальнейших перспектив» (О. Боярская);

«Он много сделал для нашего двора. Приятный парень, детей любит» (Э. Гильмутдинов);

«Хорошо курирует район, занимался фонтаном, когда воды не хватало. Он сделал скважину, чтобы наполнять пруд водой. Ему, возможно, повезло, что были выделены средства для благоустройства» (А. Рябенко).

Негативные качества в образах депутатов

В соответствии с той же тенденцией, о которой шла речь при описании позитивных сторон образов депутатов, нами, прежде всего, отмечается относительно поверхностный уровень политического восприятия представителей депутатского корпуса. Важное отличие состоит в том, что большую роль в массиве негативных оценок начинают играть такие параметры как «политические качества» и «слабость». Для нас очевидно, что данная тенденция сформировалась как следствие вмешательства институционального фактора, а именно скептического, если не сказать более — негативного, отношения избирателей к политическому классу как таковому и, соответственно, к муниципальным депутатам как его представителям. Таким образом, заложенная в концепцию реформы интенция на формирование субэлитной группы, свободной от негативной внегрупповой категоризации (то есть не воспринимаемой в качестве чуждой), вероятнее всего, на практике не оказалась реализованной, и корпус муниципальных депутатов районного не уровня не стал для основной массы челябинцев близкой по духу и статусу группой, обеспечивающей связь между разными уровнями

политической иерархии.

Среди наиболее ярких и показательных негативных оценок в изученных образах депутатов на рациональном уровне восприятия мы можем выделить следующие:

- внешние качества;

«Хитрость в лице» (Э. Габайдуллина);

«Наряд какой-то несовременный, ну знаете, в полосочку пиджак» (А. Четвернин);

«По-моему, фотография показушная... зря он взял ручку» (В. Корнев).

- морально-психологические качества;

«Наглое выражение лица» (С. Селещук);

«В его взгляде чувствуется какая-то неуверенность» (А. Четвернин);

«Здесь я вижу все-таки наигранный настрой, видно, что человек идет на этот пост с неискренними целями» (А. Галкин).

- политические и деловые качества;

«Это же депутат, а депутаты мне в принципе не очень нравятся» (Э. Габайдуллина);

«Ничего не делает, вот видите двор? Когда он его сделает, тоже не понятно. Вот дорога, вот яма. Я живу четвертый год и четвертый год эта яма» (С. Селещук);

«Не нравится то, что он, как я подозреваю, из «Единой России» (С. Найденков).

- слабость;

«Политическая амёбность. Ничего не смог сделать» (Э. Гильмутдинов);

«Они обещают, а после выборов они про нас забывают. Это к любому депутату относится» (В. Давлетханова);

«Разговорчивый, только одно ля-ля-ля и показуху кидает в инстаграмах» (А. Рябенко).

- пассивность.

«Пока сложно сказать. Пока не начала работать и выполнять какие-то обязательства» (Э. Габайдуллина);

«Он действующий депутат? Тогда мне ничего не нравится в нем, потому что он себя никак не проявляет, поскольку нигде не слышно и не видно ничего» (А. Четвернин);

«Не нравится, что я не знаю ничего о его работе» (Р. Никитин).

Атрибуция мотивации стремления депутатов к власти

В дополнение к указанным выше рациональным параметрам образов депутатов, наши данные содержат результаты атрибуции специфических мотивов к их политической деятельности, выявленные нами качественным образом путем кодировки ответов респондентов на вопрос о том, зачем, по их мнению, тому или иному депутату нужна власть.

Далее мы расположим полученные оценки в порядке убывания их значимости, сопровождая каждое выявленное значение цитатами из интервью (методика кодировки допускала присвоение более одного признака, поэтому сумма процентов превышает 100):

• **«власть ради денег» (38 % общего количества оценок):**

«Карманы набить. Они все этого хотят» (А. Галкин);

«Им нужна не власть, а деньги. Они работают только за деньги» (В. Давлетханова).

«Власть — это деньги и прочие удовольствия» (С. Селешук)

• **«власть для самореализации» (31% общего количества оценок):**

«Ну чтобы, наверное, продвигаться по карьерной лестнице» (И. Бахтеев);

«Может быть, хочет самоутвердиться в жизни. Какие-то свои жизненные позиции воплотить. Может быть, какие-то проекты у неё в будущем есть» (Э. Габайдуллина);

«Может, хочет что-то изменить. Надо дать дорогу молодым. Пусть молодые начинают активно воплощать свои идеи» (Э. Гильмутдинов).

• **«власть для дела» (23 % общего количества оценок):**

«Я думаю, что это один из тех людей, которые действительно идут во власть не за деньгами, а просто для того, чтобы сделать жизнь народу лучше» (А. Бодрягин);

«Думаю, что он просто добрый и ему хочется помочь людям» (Р. Никитин);

«Как они всё обещают, дома новые построить, детские сады открыть, школы, пенсионный возраст сделать обратно, как было. Помочь людям» (А. Павлюченко).

• **«власть ради власти» (17% общего количества оценок):**

«Ну, есть такие люди, властелины. Им нужна власть, они хотят выделиться» (О. Боярская);

«А кому она не нужна? Если бы у меня было что-то в голове, то я тоже хотела быть властью» (Э. Гильмутдинов);

«Власть всем нужна. Все стремятся к власти. Все депутаты. Им нужна только одна власть. Больше ничего» (А. Павлюченко).

• **«власть не нужна» (8% общего количества оценок):**

«Посадил его кто-то на этот пост, я думаю. Вряд ли он сам заинтересован» (Э. Гильмутдинов);

«Видимо, не из самых лучших побуждений, раз она ничего не делает. Просто занимает

свою должность и получает свои деньги» (В. Давлетханова).

Бессознательные компоненты образов депутатов

В целом для образов муниципальных депутатов г. Челябинска характерна конгруэнтность рациональных и бессознательных аспектов. Учитывая нечеткий и поверхностный характер образов на рациональном уровне, специфика ассоциативных образов позволяет дифференцировать включенных в наше исследование политиков по критерию их лидерского потенциала. В логике исследований политического восприятия [3] наличие позитивных характеристик на бессознательном уровне может и должно рассматриваться как показатель готовности респондентов к формированию положительных установок в отношении того или иного политика. К числу таких параметров мы относим, прежде всего, ассоциации с крупными и сильными животными, выполняющими ролевые функции «охотника» или «хозяина», светлыми и теплыми цветами, а также приятными и естественными запахами. В то же самое время, наличие в бессознательных оценках образа политика таких признаков, как ассоциации со слабыми животными, чья ролевая модель может быть описана как «жертва», «слуга» или «хранитель норы», а также с тусклыми и холодными цветами, неприятными и техногенными запахами говорит о высокой вероятности существования устойчивых барьеров восприятия, влияние которых препятствует установлению между политиком и его избирателями такой формы взаимодействия, которая предполагала бы поддержку и энтузиазм.

В целом, среди изученных депутатов мы не выявили тех, кому можно было уверенно приписать перспективы позитивной коррекции образа вследствие наличия тех или иных характеристик на бессознательном уровне восприятия.

Обсуждение результатов и выводы

Муниципальная реформа, реализованная в 2014 году в Челябинске, Самаре и Махачкале, была призвана раскрыть потенциал местного самоуправления как низового (grass root) основания демократии в условиях сохранения базовых характеристик российской политической системы. Иными

словами, через активное вовлечение граждан в решение вопросов местного значения предполагалось открыть многочисленные окна возможностей для инициативных людей, направив их энергию на повышение благополучия локальных сообществ, тем самым минимизировав их вовлеченность в протестную активность.

Наша позиция состоит в том, что именно изменение на качественном уровне, эмпирическим референтом которых является обновление политико-психологических характеристик муниципальной субэлиты, может считаться показателем успешности проведенной реформы. В данном случае нашей исследовательской задачей был поиск ответа на вопрос о том, насколько полно был реализован заложенный в концепцию реформы институциональный потенциал. В формальном отношении новая структура органов местного самоуправления в Челябинске была создана и, так или иначе, продемонстрировала свою жизнеспособность. Однако, реальным оправданием необходимости продолжить эксперимент является не сам по себе факт «выживания» институтов, а их соответствие изначально целеполагающей «валидность» полученных в результате такого «эксперимента» данных.

Актуальность полученных нами результатов определяется приближением 2024 года, когда истекут полномочия действующих составов районных Советов депутатов и, на наш взгляд, неизбежно в очередной раз встанет вопрос о целесообразности продолжения функционирования системы местного самоуправления в Челябинском городском округе в формате, учрежденном в 2014 году. Именно сохранение восприятия двухуровневой системы как новой и экспериментальной в риторике самих депутатов и вербальных реакциях избирателей является главным основанием для вывода о том, что внедренная реформой конструкция не дала ожидаемого положительного эффекта. Речь идет о том, что формальные изменения системы местного самоуправления не были дополнены изменениями содержательными, существенными.

Типичный образ депутата районного Совета как человека, находящего на расстоянии вытянутой руки от своих избирателей, погруженного в их реальные повседневные проблемы и при этом представляющего социальные категории, для которых более высокие уровни политической иерархии, как правило, недоступны, оказался скорее гипотетическим конструктом, чем реальным результатом реформы. Причем наши данные

свидетельствуют о том, что это несоответствие имеет, как минимум, два измерения: «внутреннее» и «внешнее».

С одной стороны, в психологических профилях самих депутатов мы видим диспозиции, предполагающие ориентацию на лояльность существующей властной иерархии и иные качества профессиональных политиков (чиновников), для которых статус и полномочия депутата являются, прежде всего, ресурсом для достижения собственных целей в парадигме карьерного роста или продвижения бизнес-интересов. Кроме того, мы явно отмечаем и другой типичный паттерн, сформированный благодаря очевидно существующей практике создания так называемых «депутатских пулов», то есть управляемых команд, в состав которых по инициативе и за счет лидера включаются фигуры, лишенные самостоятельной политической субъектности и в силу этого однозначно неспособные органично чувствовать себя в предусмотренной концепцией реформы роли.

Личностные профили, адекватные образу субэлитного рекрутационного активиста, связывающего локальное сообщество и политический класс, нетипичны и выглядят как исключение из общего правила. Суть которого в том, что реформа, скорее всего, не смогла сформировать из корпуса муниципальных депутатов нечто принципиально новое. В этом смысле можно сказать, что «спящий институт» [4] не вышел из своего базового состояния, и до сих пор характеризуется прежде всего нереализованным потенциалом.

Вторая сторона проблемы обнаруживается при анализе образов муниципальных депутатов в массовом сознании. Наши респонденты, как правило, плохо знают своих избранных, судят об их личностных и политических характеристиках на крайне поверхностном уровне и не выделяют из общего субъектного ряда власть имущих. Иными словами, наше исследование не выявило оснований для уверенного суждения о том, что челябинцы в своей массе смогли разглядеть в муниципальном депутатском корпусе некую принципиально новую сущность, открывающую перед ними ранее недоступные возможности влиять на власть или хотя бы выстраивать с ней относительно эффективную коммуникацию.

Таким образом, перспективы «пробуждения» потенциала двухуровневой системы местного самоуправления в Челябинске представляются нам маловероятными. «Спящий институт» не раскрывается в силу

разных факторов, системный анализ которых выходит за рамки данного исследования. Политико-психологическая перспектива, на наш взгляд, прежде всего позволяет рассмотреть эффективность проведенной реформы в человеческом измерении, на уровне мыслей, чувств и поведенческих реакций, вовлеченных в нее акторов. В контексте сказанного выше мы приходим к выводу, что продолжение эксперимента с выходом на третий цикл требует серьезной проработки вопроса о причинах и факторах, препятствующих раскрытию институционального потенциала районных советов, и, соответственно, разработки комплекса мер по стимулированию активности как самих депутатов, так и избирателей в использовании предусмотренных реформой преимуществ и возможностей. В целом же наш взгляд на перспективы данной институциональной конструкции скорее пессимистичен. Главная проблема — это отсутствие реальных заинтересованных субъектов в усилении гражданской активности и в наличии в распоряжении локальных внутригородских (и внутрирайонных) сообществ инструмента влияния на власть и оперативной связи с нею.

1. Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Разворотнева С., Сиверцев М. Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. М. : Никколо М : Антиква», 1993. 221 с.

2. Власть в малом российском городе / под ред. А. Е. Чириковой, В. Г. Ледяева. М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2017. 414 с.

3. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. книги Е. Б. Шестопа. М. : Весь мир, 2019. 656 с.

4. Выдрин О. В., Зорин В. А. «Спящая реформа»: практики внедрения двухуровневой системы местного самоуправления и формирования депутатского корпуса в городских округах // Политическая наука. 2021. № 2. С. 229—259.

5. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 448 с.

6. Кузнецов И. И. Институциональный подход к исследованию политического лидерства в России // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2011. Т. 11, вып. 2. С. 62—69.

7. Лассуэлл Г. Д. Психопатология и политика. Москва: Издательство РАГС, 2005. 352 с.

8. Ракитянский Н. М. Теоретические аспекты политико-психологического анализа современного политического лидерства // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2012. №1. С. 54—63.

9. Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. Политический лидер в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 18, вып. 2 (№ 71—72). С. 144—151.

10. Современная элита России: политико-психологический анализ / отв. редакторы Е. Б. Шестопа, А. В. Селезнева. М. : АРГА-МАК-МЕДИА, 2015. 448 с.

11. Сотник А. В. Парламентская субэлита российской империи: характеристика и эволюция // Вестник молодых ученых ПГНИУ. 2016. № 6. С. 194—202.

12. Шестопа Е. Б. Политическое лидерство и проблемы личности // Полис. 2011. № 2. С. 53—68.

13. Barber J.D. The Presidential character: predicting performance in the White House. Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1973. 479 p.

14. Bass B. M. Leadership Psychology and Organizational Behavior. New York : Harper, 1960. 548 p.

15. Burns J. M. Leadership. New York : Harper & Row, 1978. 530 p.

16. Davies A. F. Skills, Outlooks and Passions: A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. 522 p.

17. George A. L. Power as a Compensatory Value for Political Leaders // Journal of Social Issues. 1968. Vol. 24:3. P. 29—49.

18. Hermann M. Explaining Foreign Policy Behavior Using the Personal Characteristics of Political Leaders // International Studies Quarterly. 1980. Vol. 24. P. 7—46.

19. Stogdill R.M. Handbook of Leadership: A survey of theory and research. New York : The Free Press, 1974. 613 p.

20. Winter D.G., Hermann M.G., Walker S.G., Weintraub W. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy // Political Psychology. 1991. Т. 12. P. 215—243.

References

1. Abashkina E., Egorova-Gantman E., Kosolapova Ju., Razvorotneva S., Sivercev M. (1993) Politikami ne rozhdajutsja: kak stat' i ostat'sja jeffektivnym politicheskim liderom. Moscow, Nikkolo M, Antikva, 221 p. [in Rus].

2. Vlast' v malom rossijskom gorode (2017). Moscow, Izdatel'skij dom Vysshej shkoly

jeconomiki, 414 p. [in Rus].

3. Vlast' i lidery v vosprijatii rossijskich grazhdan. Chetvert' veka nabljudenij (1993—2018) (2019). Moscow, Ves' mir, 656 p. [in Rus].

4. Vydrin O.V., Zorin V.A. (2021) «Spjashhaja reforma»: praktiki vnedrenija dvuhurovnevoj sistemy mestnogo samoupravlenija i formirovanija deputatskogo korpusa v gorodskih okrugah. *Politicheskaja nauka*, no. 2, pp. 229—259 [in Rus].

5. Gaman-Golutvina O.V. (2006) Politicheskie jelity Rossii: vehi istoricheskoy jevoljucii. Moscow, ROSSPJeN, 448 s. [in Rus].

6. Kuznecov I.I. (2011) Institucional'nyj podhod k issledovaniju politicheskogo liderstva v Rossii [Institutional approach of Russian political leadership research]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Sociologija. Politologija»*, vol. 11, no. 2, pp. 62—69 [in Rus].

7. Lasswell G.D. (2005) Psihopatologija i politika. Moscow, Izdatel'stvo RAGS, 352 p. [in Rus].

8. Rakitjanskij N.M. (2012) *Sovremennaja social'naja psihologija: teoreticheskie podhody i prikladnye issledovanija*, no. 1, pp. 54—63 [in Rus].

9. Samsonova T.N., Shpuga E.S. (2012) Politicheskij lider v jepohu globalizacii. *Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo*, vol. 18, no. 2 (71—72), pp. 144—151 [in Rus].

10. *Sovremennaja jelita Rossii: politiko-psihologicheskij analiz* (2015). Moscow, ARGAMAK-MEDIA, 448 p. [in Rus].

11. Sotnik A.V. (2016) Parlamentskaja subjelita rossijskoj imperii: harakteristika i jevoljucija. *Vestnik molodyh uchenyh PGNIU*, no. 6, pp. 194—202 [in Rus].

12. Shestopal E.B. (2011) Politicheskoe liderstvo i problemy lichnosti [Political leadership and personality problems]. *Polis*, no. 2, pp. 53—68 [in Rus].

13. Barber J.D. (1973) *The Presidential character: predicting performance in the White House*. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 479 p. [in Eng].

14. Bass B.M. (1960) *Leadership Psychology and Organizational Behavior*. New York, Harper, 548 p. [in Eng].

15. Burns J.M. (1978) *Leadership*. New York, Harper & Row, 530 p. [in Eng].

16. Davies A.F. (1980) *Skills, Outlooks and Passions: A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 522 p. [in Eng].

17. George A.L. (1968) *Journal of Social Issues*, vol. 24:3, pp. 29—49 [in Eng].

18. Hermann M. (1980) *International Studies Quarterly*, vol. 24, pp. 7—46 [in Eng].

19. Stogdill R.M. (1974) *Handbook of Leadership: A survey of theory and research*. New York, The Free Press, 613 p. [in Eng].

20. Winter D.G., Hermann M.G., Walker S.G., Weintraub W. (1991) *Political Psychology*, vol. 12, pp. 215—243 [in Eng].

For citing: Zorin V.A. Political leadership in the context of local self-government reform in Chelyabinsk: political and psychological analysis // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 55—68. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68.

UDC 316.46

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-55-68

POLITICAL LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORM IN CHELYABINSK: POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

Vasily A. Zorin,
Chelyabinsk State University,
Head of Political Science
and International Relations Department,
Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vaszorin@mail.ru

Abstract

Introduction. The paper contains political and psychological profiles of the local self-government deputies in the city of Chelyabinsk.

The purpose of the study is to examine how municipal reform in 2014 influenced institutional opportunities for creating a new model of political leadership in terms of its effectiveness on political and psychological level.

Methods. The author's approach is based on the combination of political and psychological techniques, such as qualitative content analysis, psychobiography and in-depth interview (for assessing politicians' images in mass consciousness).

Scientific novelty. The author presumes that political leadership is a complex phenomenon based on institutional and psychological factors. Its institutional framework for the purpose of the research is determined by the municipal reform. The deputies' psychological profiles are viewed as individual patterns of political behavior shaped as a result of adopting individual psychological characteristics to the demands of political role presumed by the reform's conceptual foundations.

Results. The data contain evidence that political and psychological profiles of the deputies under analysis in general lack features which make it possible to uncover the institutional potential of the reform. A new model of political leadership presumed by the reform's conception was supposed to possess such attributes as: 1) widening political representation; 2) enhancing effectiveness of communication between leaders and followers; 3) depoliticizing agenda. The analysis shows that deputies elected under reform on the "inner" level are rigid and reproduce inertial model of political behavior. On the "outer" level their perception is superficial and does not have explicit potential to improve due to revealed unconscious parameters.

Conclusions. Two electoral cycles within the reform did not fully reveal the leadership potential of the deputies. Therefore, the perspectives of its prolongation are viewed by the author as highly problematic.

Keywords:

political leadership,
sub-elite,
local self-government reform,
political personality,
political and psychological profile,
political perception,
politician's image

Для цитирования: Выдрин О. В.
 Электоральная конкуренция на выборах
 представительных органов
 местного самоуправления в г. Челябинске:
 до и после реформы 2014 г. //
 Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 69—82.
 DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82.

УДК 324

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ВЫБОРАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В Г. ЧЕЛЯБИНСКЕ: ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 2014 Г.¹

Выдрин Олег Владимирович,
 Челябинский государственный университет,
 старший преподаватель кафедры
 политических наук и международных
 отношений.
 Челябинск, Россия.
 E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье на примере формирования представительных органов местного самоуправления в г. Челябинске исследуется динамика электоральной конкуренции на протяжении четырех электоральных циклов с 2005 по 2019 гг.

Особенное внимание уделяется влиянию на электоральную конкуренцию перехода Челябинска в 2014 г. к двухуровневой модели формирования органов местного самоуправления.

Цель. Целью исследования является изучение динамики электоральной конкуренции на муниципальных выборах в Челябинске до и после реформы 2014 г.

Методы. Эмпирическую основу исследования составила база данных «Электоральная конкуренция на выборах муниципальных депутатов Челябинска (2005—2019)», включающая 414 единиц наблюдения. Анализ эмпирического материала осуществлен по методике треугольника относительных размеров Г. В. Голосова, предложенной им для классификации партийных систем и адаптированной для анализа выборов в одномандатных округах.

Научная новизна. Научная новизна исследования состоит в предложении автором методики анализа электоральной конкуренции на выборах в одномандатных округах. Впервые анализируется феномен «управляемой конкуренции» на материале 4 циклов муниципальных выборов.

Результаты. Проведенный анализ позволяет говорить о колебаниях электоральной конкуренции, ее снижении в 2009 и 2014 гг. по сравнению с выборами 2005 г.

и нарастании к выборам 2019 г.

Выводы. «Управляемая конкуренция» сформировалась в Челябинске в период, предшествующий реформе 2014 г. Реформа ввела уровень местного самоуправления, эффективность и необходимость которого неочевидна при существующем дизайне избирательной системы. В ходе реформы окончательно закрепились принципал-агентская модель отношений между органами местного самоуправления и органами государственной власти. Реформа способствовала консервации «управляемой конкуренции».

Ключевые слова:

реформа местного самоуправления, выборы, избирательные системы, электоральная конкуренция, двухуровневая модель, муниципальное политическое лидерство, треугольник относительных размеров Голосова

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-41-1-740004 «“Спящая реформа”: институциональные и психологические факторы трансформации муниципального политического лидерства в Челябинском городском округе».

Введение

На протяжении первых двух десятилетий XXI в. электоральное пространство России претерпело существенную трансформацию, выраженную как в эволюции избирательно-го законодательства, так и в меняющейся роли партийного фактора. Подобные изменения коснулись не только принципов формирования федеральной и региональной власти, но и не в меньшей степени, затронули уровень местного самоуправления. При этом эксперты, в целом отмечая снижение электоральной конкуренции и предсказуемость российских выборов [2; 15], считают, что есть достаточное количество примеров, свидетельствующих о сохранении политической конкуренции на выборах в органы местного самоуправления (далее МСУ) [23].

Для анализа влияния реформирования избирательной системы на характер электоральной конкуренции информативным кейсом, на наш взгляд, оказывается г. Челябинск, который, являясь ядром крупной городской агломерации, испытал на себе все основные последствия реформирования избирательной системы за последние двадцать лет. Значимой вехой на этом пути стало участие Челябинска с 2014 г. в реформе, направленной на формирование двухуровневой модели МСУ в городских округах. Став наряду с Самарой и Махачкалой пилотным участником преобразований, Челябинск накопил электоральный опыт, обращение к которому позволяет оценить эффективность и потенциал реформы [3].

Трансформация российской избирательной системы является заметным объектом научного интереса, распадающегося на исследования изменений законодательных основ выборов и работы, анализирующие региональные и локальные практики применения разных избирательных систем. По мнению специалистов в сфере нормативной стороны выборов, законодательство, регулирующее деятельность политических партий и организацию избирательного процесса, эволюционировало, исходя из внутренней логики, связанной со стремлением власти удержать свои позиции в условиях меняющейся конъюнктуры [11; 20]. Анализ поправок в избирательное законодательство позволяет зафиксировать их весомый вклад в резкое ограничение политической конкуренции. Одними из главных выделяются поправки, ограничивающие свободный и равный доступ к выборам посредством сужения круга участников избирательного процесса [19]. На неоправданно высокие ба-

рьеры для вхождения в электоральный процесс, равно как и заведомо неравный доступ его участников к ресурсам (от финансовых до медийных) в электоральном пространстве современной России обращает внимание В. Я. Гельман. Он указывает на «изначально несправедливые “правила игры”, призванные обеспечить победу инкубентов независимо от предпочтений избирателей» [4, с. 66].

Оценивая влияние законодательных изменений на характер электоральных процессов, исследователи фиксируют дрейф электорального пространства «от высокого уровня репрезентативности к ограниченному межпартийному соперничеству» [24, с. 43, 51]. «Ужесточение избирательного законодательства» приводило к снижению институциональной ценности партий и их роли в политической системе [16]. Различные избирательные тенденции, существовавшие в России первых десятилетий XXI в., представлены исследователями И. С. Пасхиной и К. О. Телиным в виде периодизации, включающей 4 этапа: 2003—2008 гг. — ужесточающие избирательные реформы; 2009—2010 гг. — «принудительная партизация»; 2011—2013 гг. — либерализация электоральных норм; 2014 г. — по н. в. — тренд к управляемой конкуренции. Таким образом, отмечается, что современная российская политическая система постепенно переходит в состояние «управляемой конкуренции» [24, с. 47].

Исследования избирательных систем и электоральных процессов на муниципальном уровне касаются как общего дизайна системы выборов на местном уровне [27], так и разбирают отдельные кейсы, связанные с электоральной конкуренцией на местах [22, 23; 25 и др.]. Результаты муниципальных выборов в Челябинске и Челябинской области, проанализированные в ряде исследований, касаются отдельных электоральных циклов [9; 10] и на данный момент не позволяют получить общее представление об особенностях электоральной конкуренции на муниципальном уровне. Изменения в электоральных процессах на муниципальном уровне рассматриваются Р.Ф. Туровским через призму концепции локальных политических режимов, в которой муниципальный уровень власти оценивается с точки зрения пространственной дифференциации общенационального политического режима и с учетом специфических черт локального уровня политики [28].

Целью нашего исследования является изучение динамики электоральной

конкуренции на муниципальных выборах в Челябинске до и после реформы 2014 г., в ходе которой была введена двухуровневая модель МСУ. Предметом исследования стали результаты избирательных кампаний 2005, 2009, 2014 и 2019 гг. Оценка динамики электоральной конкуренции требует выбора и обоснования ее репрезентативных измерителей, а также анализа изменения норм избирательного законодательства, которое определяет дизайн местных выборов. Мы попытаемся не только проанализировать основные типы электоральной конкуренции в ходе формирования муниципальных органов власти в Челябинске, но и ответить на вопрос о влиянии электоральной конкуренции на сменяемость муниципальной политической элиты.

Электоральная конкуренция как научная дефиниция. Измерители электоральной конкуренции. Методы и материалы исследования

О конкуренции в политике как важном факторе, влияющем на качество законотворческой деятельности, определяющем эффективность политического представительства и общественного контроля за политическими элитами, поддерживающем устойчивость политической системы пишут многие [7; 12; 14]. В широком смысле политическая конкуренция может трактоваться как совокупность механизмов, обеспечивающих действие основных форм народовластия: референдум, выборы, функционирование представительных органов, порядок формирования исполнительных и судебных органов власти [18, с. 62]. Более детальную характеристику этого явления дают В. Н. Шилов и А. П. Рылкина, понимая под политической конкуренцией символическую борьбу, соперничество за обладание властью, когда результаты соперничества определяет третья сторона [30, с. 179—180, 184]. Таким образом, исследователи, рассматривая политическую (в ряде случаев «межпартийную») конкуренцию как часть политического процесса, сущностной чертой которого является соперничество за различные ресурсы, часто сводят ее проявление к электоральной борьбе [1; 14]. Наконец, в ряде классических исследований электоральная конкуренция, по сути, приравнивается к политической [33; 35].

Понятие электоральная конкуренция имеет две характеристики. Количественная — уровень электоральной конкуренции,

выражающийся в распределении электоральных предпочтений. Качественная — эффективность электоральной конкуренции, выражающаяся в способности электоральных механизмов разрушать монополию отдельных фракций локальной элиты на доступ к важнейшим управленческим позициям [9, с. 69]. Характер связи между ними во многом зависит от дизайна избирательной системы.

В современной исследовательской практике для измерения и оценки уровня электоральной конкуренции применяются различные способы, основанные на данных электоральной статистики. Самыми простыми являются: 1) количество кандидатов (партий) в бюллетене для голосования [8, с. 88]; 2) процент отсева кандидатов при регистрации (разность между числом выдвинутых и числом зарегистрированных кандидатов, деленная на число выдвинутых кандидатов) [17]; 3) разрыв между первым и вторым кандидатом (партиями) [26; 31]; 4) суммарная доля голосов, полученных всеми кандидатами (партиями), кроме победителя [35]; 5) процент мест, подконтрольных второй по величине партии [6].

Вариантом учета ряда электоральных показателей для сравнения конкуренции на выборах трех уровней является индекс, учитывающий сумму процентов голосов, полученных всеми проигравшими кандидатами, количество кандидатов, отрыв победителя (в процентах) и процент голосов, полученных победителем [9, с. 74—75].

Для анализа уровня электоральной конкуренции российскими исследователями применяются и более сложные расчеты, многие из которых используются для измерения партийной фрагментации парламента. Первым из этого ряда следует указать индекс Херфиндаля — Хиршмана (HHI), возникший и используемый в экономической науке [23].

Широкое распространение имеет практика вычисления эффективного числа электоральных партий (кандидатов) как в классическом его варианте (индекс Лааксо — Таагеперы) [21; 24], так и модифицированном — индекс Голосова [32]. Стоит отметить, что весь богатый опыт измерения уровня электоральной конкуренции относится почти целиком к следующим типам избирательных систем: 1) избрание должностного лица по мажоритарной системе; 2) избрание представительного органа по пропорциональной системе; 3) избрание представительного органа по смешанной системе (оцениваются только результаты по пропорциональной системе) [29].

При оценке электоральной конкуренции в ходе избрания представительных органов по плюральной системе в одномандатных округах возникает проблема выведения единого агрегированного показателя для всех округов. Как оценить уровень электоральной конкуренции, если пространство конкуренции представляет собой несколько десятков отдельных распределений электоральных предпочтений?

Способ решения этой проблемы предлагается В. С. Ковиным и Р. И. Петровой посредством расчета эффективного числа кандидатов (по формуле Лааксо — Таагеперы), которое представляется релевантным для выявления уровня конкуренции, но с включением в анализируемые данные доли недействительных бюллетеней [13, с. 25]. Кроме того, ими вводится шкала, по которой округа распределяются по значению эффективного числа кандидатов на следующие типы: неконкурентные округа — до 2,5, слабоконкурентные — от 2,5 до 3,5, среднеконкурентные — от 3,5 до 4,5, высококонкурентные — от 4,5 [13, с. 35]. Для оценки конкуренции в ходе всей избирательной кампании в муниципалитете авторы вычисляют среднее арифметическое от эффективного числа кандидатов всех избирательных округов.

Вычисление среднего эффективного числа кандидатов не всегда позволяет получить корректные результаты ввиду значительного разброса электоральных показателей при большом количестве округов.

Поэтому в рамках данного исследования предлагается адаптация методики треугольника относительных размеров, предложенной Г. В. Голосовым для классификации партийных систем и дополняющей способы вычисления эффективного числа партий [5]. Данная методика предполагает распределение результатов голосования во множестве округов в двумерном пространстве, разбитом на сегменты внутри равнобедренного прямоугольного треугольника. Результаты голосования в каждом отдельном округе визуально представляются в виде точки, имеющей две координаты. Абсцисса вычисляется по формуле $x = (s_2 + s_r) / (s_1 + s_r)$, а ордината — $y = (s_3 + s_r) / (s_1 + s_r)$. Г. В. Голосов выделяет в рамках треугольника три типа партийных систем [5, с. 110]: с доминирующей партией, двухпартийную и многопартийную, каждая из которых имеет два подтипа (рис. 1).

При применении данной методики для анализа электоральной конкуренции при

избрании представительного органа в одномандатных округах требуется терминологическое уточнение (табл. 1).

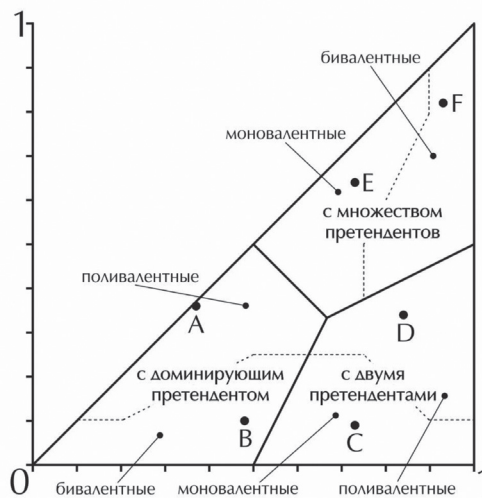

Рис. 1. Треугольник относительных размеров с указанием сегментов

Эмпирическую основу исследования составила база данных «Электоральная конкуренция на выборах муниципальных депутатов Челябинска (2005-2019)». Единицами наблюдения выступили одномандатные округа (по 37 округов в 2005 и 2009 гг. и по 170 округов в 2014 и 2019 гг., итого 414 единицы наблюдения). Набор переменных был обусловлен структурой итоговых протоколов, информация из которых публикуется в информационной системе «Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления» на сайте izbirkom.ru.

Наряду с переменными, взятыми из электоральной базы (фамилии кандидатов, количество голосов и доля голосов полученная каждым кандидатом; число избирателей, внесенных в список на момент окончания голосования; субъекты выдвижения кандидатов), были включены (или вычислены) следующие данные: доля избирателей, принявших участие в голосовании; количество кандидатов в избирательном бюллетене; участие в выборах действующего депутата; победа в округе действующего депутата; делегирование районным советом победителя в округе в городскую думу (для 2014 и 2019 гг.); отрыв (в %) между первым и вторым кандидатом; индекс Лааксо — Таагеперы и индекс Голосова; значения x и y для треугольника Голосова.

Таблица 1

**Соответствие типов партийных систем Г.В. Голосова
типам избирательных округов по уровню конкуренции**

Типы партийных систем (по Г. Голосову)	Типы округов (по уровню конкуренции)	Характеристика	Пример распределения долей (с координатами)
Поливалентная с доминирующей партией	Поливалентный с доминирующим претендентом	У доминирующего претендента несколько равных преследователей	60 %; 14 %; 13 %; 13 % A (0,37; 0,36)
Бивалентная с доминирующей партией	Бивалентный с доминирующим претендентом	У доминирующего претендента один преследователь крупнее остальных	64 %; 29 %; 4 %; 3 % B (0,48; 0,1)
Моновалентная двухпартийная	Моновалентный с двумя претендентами	Один из двух претендентов получает более 50 % голосов	55 %; 40 %; 5 % C (0,73; 0,09)
Поливалентная двухпартийная	Поливалентный с двумя претендентами	Каждый из двух претендентов набирает менее 50 %, остальные значительно отстают	45 %; 36 %; 8 %; 7 %; 4 % D (0,84; 0,34)
Моновалентная многопартийная	Моновалентный с множеством претендентов	Лидирующий кандидат набирает менее 50 %, преследователи отстают	40 %; 25 %; 20 %; 9 %; 6 % E (0,73; 0,64)
Бивалентная многопартийная	Бивалентный с множеством претендентов	Более двух претендентов с близкими результатами	33 %; 30 %; 25 %; 7 %; 5 % F (0,93; 0,82)

Итоги муниципальных выборов в Челябинске и динамика электоральной конкуренции

За период с 2005 по 2019 г. в Челябинске прошли 4 избирательных кампании по формированию представительных органов местного самоуправления — 2005, 2009, 2014 и 2019 гг. При этом в 2005 и 2009 гг. выборы проводились в рамках одноуровневой системы, предполагающей прямые выборы в городскую Думу по 37 одномандатным округам. В 2014 и 2019 гг. в рамках двухуровневой системы прямые выборы стали применяться только для формирования районных советов с дальнейшим делегированием их представителей согласно квоте в городскую Думу.

Подробная информация о кандидатах в органы МСУ и участии политических партий в муниципальных выборах представлена в табл. 2.

Выборы **2005 г.** характеризовались низкой активностью политических партий. Только 4 партии (9,5 %) из 42 приняли участие в избирательной кампании. Даже не все парламентские партии участвовали в выборах, несмотря на отсутствие необходимости сбора подписей для выдвижения кандида-

тов. Это отчасти объясняется продолжением начального этапа институционализации политических партий после принятия закона 2001 г. и введением нормы о необходимости к 1 января 2006 г. каждой партии иметь не менее 50 000 членов в масштабах страны. Наряду с незаинтересованностью партий можно констатировать незначительное влияние партийной принадлежности кандидатов на результаты голосования. Из 205 выдвинувшихся кандидатов только 59 представляли политические партии. Из 146 самовыдвиженцев были зарегистрированы и попали в избирательные бюллетени 109 человек. В ходе кампании 26 мандатов из 37 получили самовыдвиженцы, кандидаты от «Единой России» выиграли в 10 из 18 округов (табл. 2), причем в 4 из 8 проигранных округов кандидаты от «Единой России» получили меньше голосов, чем альтернатива «Против всех кандидатов». Социал-демократическая партия России победила в 1 из 2 округов, где приняла участие. Кандидаты от ЛДПР выдвинулись в 26 округах, КПРФ — в 13, но кандидаты от обеих партий не одержали ни одной победы. В 18 округах второе место по количеству голосов получил вариант «Против всех кандидатов». Доля инкубентов составила 30 % (11 депутатов),

**Участие политических партий
в выборах представительных органов г. Челябинска (2005—2019)**

	2005	2009	2014	2019
Число партий	42	14	69	59
Число партий, участвующих в избирательной кампании	4	6	12	9
Число партий, кандидаты от которых стали победителями	2	1	5	6
Число кандидатов от партий	59	131	545	547
Число кандидатов от Единой России	18	33	166	161
Число победителей от Единой России	10	22	156	133
Число кандидатов-самовыдвиженцев	109	84	514	381
Число победителей-самовыдвиженцев	26	15	8	19
Среднее количество кандидатов в бюллетене	4,54	5,81	6,22	5,46

среднее число кандидатов в бюллетене — 4,54.

В целом на выборах 2005 г. 30 (81,1 %) из 37 округов относились к округам с множеством претендентов, что говорит о высоком уровне конкуренции (рис. 2; табл. 3).

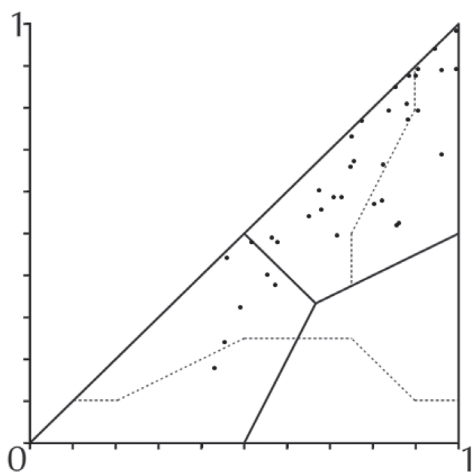

Рис. 2. Распределение 37 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов Городской думы г. Челябинска, 2005 г.

Выборы **2009 г.** проходили в ситуации значительных изменений, которым подверглось партийное и избирательное законодательство. Был отменен порог явки, из бюллетеня для голосования исключена графа «Против всех кандидатов», проявились результаты повышения минимальной численности членов для политических партий. Эти нововведения изменили характер избирательного процесса: привели к сокращению количества политических партий (одновременно увеличив для оставшихся стимулы к участию в муниципальных выборах). Из 252 выдвинувшихся кандидатов

политические партии представляли 148, остальные 104 — самовыдвиженцы. Были зарегистрированы в качестве кандидатов и попали в бюллетени 131 и 84 соответственно. Таким образом соотношение кандидатов от партий и самовыдвиженцев серьезно поменялось, что проявилось и в итогах голосования. Самовыдвиженцы одержали победу в 15 (40,5 %) округах, в остальных 22 мандаты получили кандидаты от партии «Единая Россия» (табл. 2). В целом «Единая Россия» выиграла в $\frac{2}{3}$ округов, в которых выдвигала кандидатов. Кроме нее активное участие приняли следующие партии: «Справедливая Россия» (36 кандидатов), КПРФ (31 кандидат), ЛДПР (28 кандидатов). Партии «Яблоко» и «Патриоты России» приняли символическое участие, выдвинув 1 и 2 кандидатов соответственно. Доля инкубентов в данном созыве составила 65 % (24 депутата), при этом из 22 одержавших победу единоросов 17 являлись инкубентами, причем 9 из них в предыдущем электоральном цикле избирались как самовыдвиженцы. Среднее число кандидатов в бюллетене выросло до 5,81.

По сравнению с 2005 г. на выборах в 2009 г. доля округов с множеством претендентов значительно снизилась — с 30 (81, %) до 17 (46 %). Кроме того, исход выборов позволяет отнести 17 (46 %) округов к округам с доминирующим претендентом (рис. 3; табл. 3). Из них в 15 округах этого типа победа была одержана инкубентами.

К выборам **2014 г.** партийная и избирательная системы подверглись еще большим изменениям, часть из которых произошли на федеральном уровне, другие были обусловлены реализацией в Челябинске реформы МСУ. К этому времени заметной общефедеральной тенденцией стало снижение барьеров для регистрации политических партий, что привело к их активизации на выборах.

Таблица 3

**Распределение одномандатных округов
по типу электоральной конкуренции (2005—2019)**

		Округа с доминирующим претендентом	Округа с двумя претендентами	Округа с множеством претендентов	Итого
2005	N	7	0	30	37
	доля (%)	18,9	0	81,1	100
2009	N	17	3	17	37
	доля (%)	46	8,1	45,9	100
2014	N	97	4	69	170
	доля (%)	57	2,4	40,6	100
2019	N	25	8	137	170
	доля (%)	14,7	4,7	80,6	100

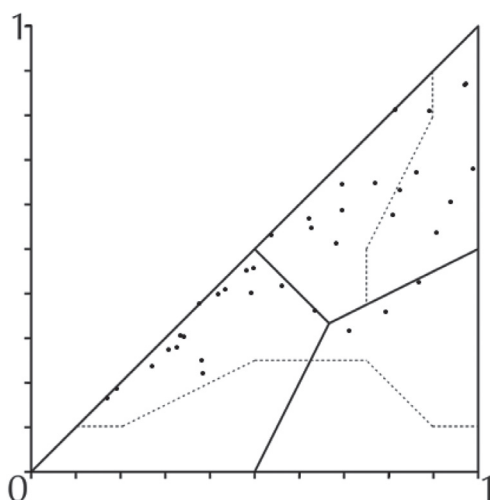

Рис. 3. Распределение 37 одномандатных округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов Челябинской городской Думы, 2009 г.

Из факторов региональной и локальной политики необходимо отметить смену главы региона в 2010 г., которая помимо прочего означала окончание весьма распространенного типа конфликта «губернатор vs мэр административного центра региона». Новый губернатор М. В. Юревич (бывший мэр Челябинска, избранный на второй срок в 2009 г.), опираясь на поддержку большинства в городской думе инициировал переход Челябинска к двуглавой модели МСУ (с сити-менеджером и спикером — главой города). Проблема выбора новой электоральной модели неоднократно возникала в повестке работы Челябинской городской Думы и по отношению к самой себе. Весной 2013 г. последовало решение о переходе от мажоритарной к смешанной системе голосования. Однако к осени 2013 г. после внесения изменений в федеральное и региональное

избирательное законодательство произошел откат назад и стал обсуждаться проект о возврате к избранию муниципальных депутатов по одномандатным округам. Этот проект воплотился в норму в январе 2014 г.¹

Но уже в конце весны 2014 г. был принят и вступил в силу федеральный закон, вносящий изменения в закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Эти изменения передавали региональным законодателям право определения моделей местного самоуправления на территории субъекта РФ и давали возможность создания двухуровневой модели МСУ в городских округах. В июне 2014 г. Законодательное Собрание Челябинской области воспользовалось обеими опциями³: в ходе подготовки к выборам депутатов районных советов в

¹ Изменения в Устав г. Челябинска от 26 марта 2013 г. № 41/4 // Официальный сайт Администрации г. Челябинска. URL: https://chelduma.ru/normatives/archive/files/4Re_dum_2009-2014_41-54.zip (дата посещения: 05.11.2021); Изменения в Устав г. Челябинска от 28 января 2014 г. № 48/3. URL: https://chelduma.ru/normatives/archive/files/4Re_dum_2009-2014_41-54.zip (дата посещения: 05.11.2021).

² Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ. URL: <https://rg.ru/2014/05/30/samoupravlenie-dok.html> (дата посещения: 05.11.2021).

³ Закон Челябинской области «О статусе и границах Челябинского городского округа и внутригородских районов в его составе» от 10 июня 2014 г. № 706-30 // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328978> (дата посещения: 05.11.2021); Закон Челябинской области «Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе» от 10 июня 2014 г. № 703-30 // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328974> (дата посещения: 05.11.2021).

сентябре 2014 г. была проведена перенарезка избирательных округов, количество которых возросло до 170 (по 25 округов в 6 районах и 20 в 1 районе). Для формирования городской думы был выбран механизм делегирования в ее состав депутатов от районных советов с единой квотой 7 депутатов от района. Таким образом, численность городской думы увеличилась с 37 до 49 депутатов. Нужно отметить, что закон допускал и допускает другой способ формирования представительного органа городского округа с внутригородскими районами — муниципальные выборы на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Особенностью выборов по новой схеме стали, по сути, нулевые фильтры при выдвижении и регистрации кандидатов (отсутствие необходимости сбора подписей). Избирательная кампания 2014 г. характеризовалась многократным увеличением числа кандидатов. Причем повышенный интерес к новой системе выборов проявился как со стороны самовыдвиженцев, так и политических партий. Участие в выборах приняли кандидаты от 12 (17,4 %) из 69 политических партий. На выборах в райсоветы выдвинулось 589 (49 %) кандидатов от партий и 614 (51 %) самовыдвиженцев. В избирательные бюллетени попали 545 (51 %) кандидатов от партий и 514 (49 %) самовыдвиженца. При этом среднее число кандидатов в бюллетене выросло незначительно, однако достигло своего максимального значения — 6,22. Отметим, что представители 5 партий получили депутатские мандаты в районных советах. Только в 8 округах (4,7 %) победа была одержана самовыдвиженцами, при этом в думу был делегирован только один районный депутат из числа самовыдвиженцев (табл. 2). В каждом из 7 районных советов «Единая Россия» обеспечила себе квалифицированное большинство, получив от 88 до 100 % мандатов, что позволило ей делегировать в состав городской думы 46 депутатов из своего состава.

Кроме «Единой России» участие в выборах приняли ещё 11 партий, наибольшую активность проявили парламентские партии: ЛДПР в 135 округах, КПРФ — 95, «Справедливая Россия» — 70. Стоит обратить внимание на особенности участия кандидатов от ЛДПР. В силу того, что закон не ограничивает право гражданина выдвигаться в качестве кандидата одновременно на выборах в разные органы власти и МСУ, то целый пул кандидатов от ЛДПР воспользовался этим очень активно. 25 кандидатов выдвинулись одновременно

в двух районах Челябинска, а 2 в трёх районах. В результате 27 человек обеспечили символическое присутствие партии ЛДПР в 56 округах. Нужно заметить, что данная практика не является уникальной и заслуживает отдельного исследования. По итогам голосования ЛДПР победила в 1 округе, а КПРФ — в 3. В целом оппозиционные партии получили 6 мандатов из 170, а самовыдвиженцы — 8. Интересным при таком распределении мандатов в районных советах является делегирование в городскую думу депутатов райсовета от ЛДПР (В. Л. Пашин) и от КПРФ (К.О. Нацевский). Эти два избранных депутата одновременно были кандидатами на выборах главы региона, но не вели активных кампаний и получили суммарно 9,35 % голосов (победитель — кандидат от «Единой России» — Б. А. Дубровский получил 86,37 %). Косвенным свидетельством негласного соглашения между тремя партиями является не только делегирование оппозиционных депутатов в городскую думу при том, что они были единственными представителями своих партий в районных советах, но и выбывание после регистрации кандидатов от «Единой России» в округах, в которых они боролись за мандат депутата районного совета.

Результаты голосования в 2014 г. свидетельствуют о продолжении снижения электоральной конкуренции: доля округов с множеством претендентов сократилась до 40,6 %. Соответственно до 57 % возросла доля округов с доминирующим кандидатом (рис. 4; табл. 3). Из 37 депутатов прежнего созыва 26 депутатов приняли участие в выборах районные советы и стали победителями. Число инкубентов в городской думе составило 19 депутатов из 49 (в силу серьезных изменений в численности и способе формирования городской думы под инкубентами здесь понимаются не переизбранные в своих округах депутаты предыдущего созыва, а депутаты предыдущего созыва, избранные в новый состав Челябинской городской Думы). Из 19 инкубентов — 15 были избраны в 2009 г. от «Единой России», 4 являлись самовыдвиженцами. Еще 7 депутатов городской думы созыва 2009—2014 гг. избралась в районные советы Челябинска, но не были делегированы в городскую думу.

В период, предшествующий выборам 2019 г., правила принципиально не изменились, хотя всерьез рассматривался вопрос о возможности возврата Челябинска к прежней одноуровневой модели. В мае 2019 г. губернатор Челябинской области Алексей Текслер, выступая перед депутатами

регионального Законодательного собрания, поднял вопрос о совершенствовании двухуровневой системы местного самоуправления в г. Челябинске. В преддверии выборов в Советы депутатов внутригородских районов он подчеркнул, что муниципальная реформа стартовала в Челябинске как «пилотный проект с целью максимально приблизить муниципальную власть к людям», но своей цели не достигла. При этом было принято решение дать реформе второй шанс: «В целом у системы «город с внутригородскими районами» существует потенциал, и его стоит попытаться раскрыть. Если мы это сделаем в предстоящем пятилетнем цикле, значит такой системе быть. Если — нет, к следующим выборам мы вернемся к прежней системе, когда депутаты Гордумы избирались жителями Челябинска напрямую»¹.

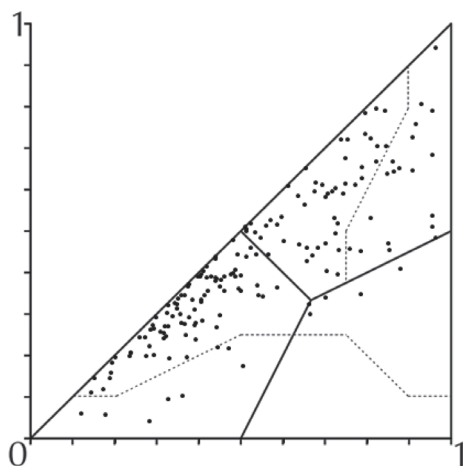

Рис. 4. Распределение 170 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов районных советов г. Челябинска, 2014 г.

Общее количество политических партий с 2014 к 2019 году сократилось с 69 до 59. Из них участие в выборах в Челябинске приняли кандидаты только от 9 (15,3 %). По сравнению с выборами 2014 г. снизилось общее число кандидатов. От партий было выдвинуто 596 кандидатов (547 попали в избирательные бюллетени). Количество самовыдвиженцев сократилось до 431 и 381 соответственно. Среднее количество кандидатов в бюллетене снизилось до 5,46.

¹ Обращение Алексея Текслера к депутатам Законодательного Собрания Челябинской области // Губернатор Челябинской области. Официальный сайт. 2019. 20 мая. URL: <https://gubernator74.ru/news/obraschenie-alekseya-tekslera-k-deputatam-zakonodatelnogo-sobraniya-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 06.11.2021).

В большинстве округов были выдвинуты кандидаты от парламентских партий: «Единая Россия» — 161, ЛДПР — 109, «Справедливая Россия» проявила себя активнее чем в 2014 г. — 106, КПРФ — 100. ЛДПР повторила практику выдвижения одного человека кандидатом одновременно в разных районах: 18 человек обеспечили участие ЛДПР в 37 округах. Участие большинства непарламентских партий носило символический характер. Так, «Родина» выдвинула в каждом из 7 районов по одному кандидату, «Партия пенсионеров» выдвинула 13 кандидатов в округах одного района.

По итогам голосования 19 самовыдвиженцев стали районными депутатами, трое из них вошли в состав городской думы. Из числа кандидатов, выдвигавшихся от оппозиционных партий, представители 6 партий получили 18 депутатских мандатов в районных советах. Лучший результат продемонстрировала «Справедливая Россия» — 8 депутатов (5 было делегировано в городскую думу). Снижение числа победителей наблюдается у партии «Единая Россия» — 133 против 156 на выборах 2014 г. Тем не менее «Единой России» удалось сохранить большинство во всех районных советах (доля мандатов составила от 60 до 90 %) и обеспечить большинство в городской думе — 40 против 46 на выборах 2014 г. (табл. 2).

Конкуренция на выборах 2019 г. увеличилась: до 80,6 % возросла доля избирательных округов с множеством претендентов, округа с доминирующим кандидатом составили менее 15 % (рис. 5, табл. 3).

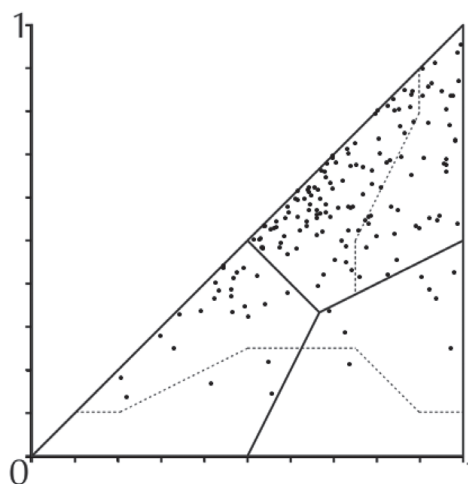

Рис. 5. Распределение 170 округов по типам электоральной конкуренции на выборах депутатов районных советов г. Челябинска, 2019 г.

С одной стороны, результаты голосования свидетельствуют о росте электоральной конкуренции по сравнению с выборами 2014 г. После выборов 2019 г. состав городской думы претерпел существенные изменения (по персональному составу), что отчасти объясняется сменой поколений [3, с. 254]. Из 48 депутатов городской думы (данные на 1 июня 2019 г.): 10 не участвовали в выборах 2019 г., 4 участвовали, но проиграли, 34 победили на выборах в районные советы, но только 18 из них были делегированы в состав городской думы (доля инкубентов — 37 %). Значительные изменения произошли в руководящем составе, в отличие от 2014 г., когда 7 из 11 мест в Президиуме городской думы заняли инкубенты, в 2019 г. таких стало только 3 — новый председатель городской Думы, его заместитель и руководитель фракции «Единая Россия».

На 1 ноября 2021 г. за весь период функционирования Челябинской городской Думы, формируемой по новой модели/(с 2014 г.), было 8 случаев сложения полномочий депутатов городской думы. Причины были разные (от возбуждения уголовного дела до перехода на руководящие должности в органы региональной власти), но в каждом случае сопровождалось сложением полномочий депутата районного совета.

Заключение

Накануне перехода к двухуровневой модели МСУ в 2014 г. в Челябинске уже, по сути, сформировалось состояние «управляемой конкуренции», в условиях которой уровень электоральной конкуренции слабо влияет на ее эффективность. Это выражается в низких возможностях оппозиционных групп оспаривать властные позиции посредством электоральных механизмов.

Это состояние стало возможным не только благодаря изменению в федеральном избирательном и партийном законодательстве, но и сплочению местной и региональной элиты под эгидой партии «Единая Россия». Важной вехой стало наделение полномочиями главы региона М. В. Юревича, что фактически завершило конфликт «губернатор vs мэр административного центра региона».

Наметившийся еще в 2009 г. тренд на утрату кандидатами-самовыдвиженцами своих позиций не удалось переломить и в ходе их резкой активизации на выборах 2014 г., что подтвердилось в ходе следующей избирательной кампании. При этом среднее количество кандидатов в округе продолжает оставаться на достаточно вы-

соком уровне (более 5), что достигается за счет кандидатов от политических партий. При этом оппозиционные партии получили возможность одержать победу главным образом в тех округах, в которых «Единая Россия» по разным причинам отозвала своих кандидатов в ходе избирательной кампании.

Реформа 2014 г. стала важной вехой вписывания МСУ в систему публичной власти не только в Челябинске, где была введена двухуровневая модель МСУ, но и во всей стране вследствие передачи права определения модели и дизайна МСУ от самих муниципалитетов региональной власти. Это фактически окончательно закрепило принципал-агентские отношения между МСУ и органами государственной власти. В Челябинске появление районного уровня МСУ, по сути, не сопровождалось обретением районами самостоятельной роли. Городская власть воспроизводит те же принципы взаимодействия, по которым выстраивает отношения с ней региональная власть. И если городские власти являются агентами трёх принципалов [28, с. 160], то районные власти фактически превращаются в агентов четырех принципалов.

Дизайн избирательной системы, определенный при введении в Челябинске двухуровневой модели МСУ, имеет ряд особенностей.

Во-первых, механизм делегирования в городскую думу менее $\frac{1}{3}$ районных депутатов при небольшом объеме переданных районам полномочий превращает $\frac{2}{3}$ депутатов в коллегии выборщиков, лишенных реальной власти. При этом и в вопросах делегирования депутатов в городскую легислатуру они во многом лишены субъектности. Процедура делегирования не прописана в Уставах районов и регламентах районных советов депутатов и в большей степени регулируется неформальными договоренностями и внутрипартийными процедурами (формально носящими рекомендательный характер). Районные депутаты не играют решающей роли и в вопросах назначения глав районов на конкурсной основе, где большим весом обладает позиция городской администрации.

Во-вторых, актуален вопрос насколько идея двухуровневого устройства МСУ соответствует изначальному замыслу реформы — более гибкого реагирования на потребности городских сообществ через снижение нормы представительства в одномандатных округах? При избранной модели депутаты городской думы представляют

избирателей 29 % округов, избиратели от остальных округов фактически не имеют своего представительства в городской думе. Ситуацию могло бы скорректировать введение принципа периодической ротации состава городской думы в течение одного срока полномочий районных советов. Такая схема была заложена в Самаре в 2015 г., но не была реализована на практике.

Итогом внедрения двухуровневой модели МСУ можно считать консервацию состояния «управляемой конкуренции». Колебание доли конкурентных округов в 2014 и 2019 гг. не влияло на доминирование «Единой России» в районных советах и тем более в городской думе. При этом произошла заметная ротация на уровне персон, являющаяся результатом внутрипартийной внеэлекторальной конкуренции. Поэтому на данный момент смену модели МСУ Челябинска из-за неудовлетворенности региональной власти дизайном избирательной системы можно оценивать как маловероятный сценарий.

1. Алисова Л. Н., Гончаров Л. А. Институт межпартийной конкуренции в структуре современного парламентаризма // Наука. Культура. Общество. 2019. № 1. С. 59—66.

2. Вишневецкий Б. Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3, № 2. С. 287—295.

3. Выдрин О. В., Зорин В. А. «Спящая реформа»: практики внедрения двухуровневой системы местного самоуправления в городских округах // Политическая наука. 2021. № 2. С. 229—259.

4. Гельман В. Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Политика. 2012. № 4 (67). С. 65—88.

5. Голосов Г. В. К классификации партийных систем в демократиях, шаг второй: отнесение единиц к категориям // Г. В. Голосов. Сравнительная политология и российская политика, 2010—2015 : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 65—96.

6. Джанда К. «Governance», верховенство закона и партийные системы // Политическая наука. 2010. № 6. С. 113—142.

7. Елисеев С. М. Институциональный дизайн как фактор развития политической конкуренции в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 3. Ч. I. С. 40—46.

8. Заикин А. А. Политическая борьба и законодательная деятельность в условиях

современного парламентаризма (на примере Законодательного собрания Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2020. 163 с.

9. Зорин В. А. Конкурентность муниципальных выборов в Челябинской области в 2005—2007 гг. // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. Т. 2. Челябинск : Рекпол, 2008. С. 69—78.

10. Зырянов С. Г. Выборы: смена персон и механизмов в системе государственного и муниципального управления в Челябинской области в 2014 году // Социум и власть. 2014. № 6. С. 8—20.

11. Иванова М. В. Эффекты изменения избирательного законодательства и партийное представительство: региональные, национальные и бизнес-элиты // Политическая наука. 2015. № 1. С. 114—127.

12. Кинзерская И. Л. Политическая конкуренция в контексте результатов выборов 2011—2012 гг. // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 2. С. 80—89.

13. Ковин В. С., Петрова Р. И. Методика анализа конкурентности на местных выборах (на примере промышленных «малых городов» Пермского края) // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 4. С. 19—43.

14. Коробов А. А., Чернявский А. И. Политическая конкуренция в контексте теории устойчивости регионального развития // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1 (52). С. 27—33.

15. Курочкин А. В. Укрепление и укоренение политических партий в России: процесс институционализации в условиях ограниченной электоральной конкуренции: монография. Чебоксары : Среда, 2021. 264 с.

16. Кынев А. В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот // Неприкосновенный запас. 2020. № 1 (129). С. 62—75.

17. Кынев А. Управление конкурцией-2020. Политическая конкуренция, итоги выдвижения и регистрации на региональных и местных выборах 13 сентября 2020 года. URL: <https://liberal.ru/reports/7650> (дата обращения: 03.11.2021)

18. Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренции в бизнесе? // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 61—69.

19. Лукьянова Е. А., Порошин Е. Н. Парламент и выборы: парламентские портреты в интерьере избирательного законодательства // Общественные науки и современность. 2019. № 3. С. 102—112.

20. Любарев А. Е., Коргунюк Ю. Г., Михалева Г. М. Законодательство о выборах и партиях: четверть века метаний // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 3. С. 218—225.

21. Любарев А. Е., Шпагин С. А. Партийная реформа и динамика межпартийной конкуренции на региональных выборах 2012—2018 гг. // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2018. № 4. С. 189—207.

22. Мархинин В. В. (мл.) Политический плюрализм и итоги реформы региональной избирательной системы в электоральном цикле 2016 г. (по материалам обследования местных избирательных кампаний в УрФО) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, вып. 2. С. 217—227.

23. Мухаметов Р. С. Политическая конкуренция на муниципальных выборах (на примере Екатеринбурга) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 3 (143). С. 68—74.

24. Пасхина И. С., Телин К. О. "Партия ноль": российские выборы через призму эффективного числа партий // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43—53.

25. Петров Ю. Д., Григорьев Н. А. Электоральная конкуренция на региональных и муниципальных выборах в Республике Саха (Якутия) // Власть. 2018. Т. 26, № 7. С. 105—112.

26. Петров Н., Титков А. Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. URL: <https://carnegie.ru/2013/12/25/ru-pub-55853> (дата обращения: 03.11.2021)

27. Трудолюбов А. С. Эволюция моделей местного самоуправления на поселенческом уровне в современной России // Политическая наука. 2019. № 2. С. 95—123.

28. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России как агент в принципал-агентских отношениях с государственной властью // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12. С. 159—167.

29. Туровский Р. Ф., Корнеева Е. М., Васеленко О. С. Электоральная активность на муниципальных выборах в посткоммунистических странах // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 10. С. 121—132.

30. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика.

Информатика. 2011. № 13 (108). Вып. 19. С. 176—184.

31. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Динамика политической конкуренции в России в постперестроечный и постсоветский периоды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 164—175.

32. Шпагин С. А. Электоральный цикл 2012 — 2016 гг. и партийные системы в российских регионах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 2 (56). С. 263—273.

33. Dahl R. A. Polyarchy: participation and opposition. New Haven : Yale University Press, 1971. 257 p.

34. Sakwa R. Party and power: between representation and mobilisation in contemporary Russia // East European politics. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 310—327.

35. Vanhanen T. Democratization: a comparative analysis of 170 countries. London: Routledge, 2003. 302 p.

References

1. Alisova L.N., Goncharov L.A. (2019) *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 1, pp. 59—66 [in Rus].

2. Vishnevskij B.L. (2007) *POLITEKS*, vol. 3, no. 2, pp. 287—295 [in Rus].

3. Vydrin O.V., Zorin V.A. (2021) *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 229—259 [in Rus].

4. Gel'man V.Ya. (2012) *Politiya*, no. 4 (67), pp. 65—88 [in Rus].

5. Golosov G.V. (2016) *Sravnitel'naya politologiya i rossijskaya politika, 2010—2015*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 668 p. [in Rus].

6. Dzhandan K. (2010) *Politicheskaya nauka*, no. 6, pp. 113—142 [in Rus].

7. Eliseev S.M. (2012) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, iss. 3, part. I, pp. 40—46 [in Rus].

8. Zaikin A.A. (2020) *Politicheskaya bor'ba i zakonotvorcheskaya deyatel'nost' v usloviyah sovremennogo parlamentarizma (na primere Zakonodatel'nogo sobraniya Sankt-Peterburga)*. Thesis. St. Petersburg, 163 p. [in Rus].

9. Zorin V.A. (2008) *Trudy kafedry novejshej istorii Rossii Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol 2. Chelyabinsk, Rekol, pp. 69—78 [in Rus].

10. Zyryanov S.G. (2014) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 8—20 [in Rus].

11. Ivanova M.V. (2015) *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 114—127 [in Rus].

12. Kinzerskaya I.L. (2012) *POLITEKS*, vol. 8, no. 2, pp. 80—89 [in Rus.].
13. Kovin V.S., Petrova R.I. (2016) *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no. 4, pp. 19—43 [in Rus.].
14. Korobov A.A., Chernyavskij A.I. (2016) *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, no. 1 (52), pp. 27—33 [in Rus.].
15. Kurochkin A.V. (2021) Ukreplenie i ukorenenie politicheskikh partij v Rossii: process institucionalizacii v usloviyah ogranichennoj elektoral'noj konkurencii. *Cheboksary, Sreda*, 264 p. [in Rus.].
16. Kynev A.V. (2020) *Neprikosnovennyj zapas*, no. 1 (129), pp. 62—75 [in Rus.].
17. Kynev A. (2020) Upravlenie konkurenciej-2020. Politicheskaya konkurenciya, itogi vydvizheniya i registracii na regional'nyh i mestnyh vyborah 13 sentyabrya 2020 goda, Available at: <https://liberal.ru/reports/7650>, accessed 03.11.2021. [in Rus.].
18. Luk'yanova E.A. (2007) *Sovremennaya konkurenciya*, no. 3, pp. 61—69 [in Rus.].
19. Luk'yanova E.A., Poroshin E.N. (2019) *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 102—112 [in Rus.].
20. Lyubarev A.E., Korgunyuk Yu.G., Mihaileva G.M. (2018) *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanij*, no. 3, pp. 218—225 [in Rus.].
21. Lyubarev A.E., Shpagin S.A. (2018) *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovanij*, no. 4, pp. 189—207 [in Rus.].
22. Marhinin V.V. (ml.) (2018) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 2, iss. 2, pp. 217—227 [in Rus.].
23. Muhametov R.S. (2015) *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, no. 3 (143), pp. 68—74 [in Rus.].
24. Paskhina I.S., Telin K.O. (2017) *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 43—53 [in Rus.].
25. Petrov Yu.D., Grigor'ev N.A. (2018) *Vlast'*, vol. 26, no. 7, pp. 105—112 [in Rus.].
26. Petrov N., Titkov A. (2013) Rejting demokratichnosti regionov Moskovskogo Centra Karnegi: 10 let v stroyu. Available at: <https://carnegie.ru/2013/12/25/ru-pub-55853>, accessed 03.11.2021 [in Rus.].
27. Trudolyubov A.S. (2019) *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 95—123 [in Rus.].
28. Turovskij R.F. (2013) *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, no. 12, pp. 159—167 [in Rus.].
29. Turovskij R.F., Korneeva E.M., Vaselenko O.S. (2020) *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 10, pp. 121—132 [in Rus.].
30. Shilov V.N., Rylkina A.P. (2011) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 13 (108), iss. 19, pp. 176—184 [in Rus.].
31. Shilov V.N., Rylkina A.P. (2013) *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, no. 15 (158), iss. 27, pp. 164—175 [in Rus.].
32. Shpagin S.A. (2020) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 2 (56), pp. 263—273 [in Rus.].
33. Dahl R.A. (1971) *Polyarchy: participation and opposition*. New Haven, Yale University Press, 257 p. [in Eng.].
34. Sakwa R. (2012) *East European politics*, vol. 28, iss. 3, pp. 310—327 [in Eng.].
35. Vanhanen T. (2003) *Democratization: a comparative analysis of 170 countries*. London, Routledge, 302 p. [in Eng.].

For citing: Vydrin O.V. Electoral competition in the elections of the representative local self-government bodies in Chelyabinsk: before and after the 2014 reform // *Socium i vlast'*. 2021. № 4(90). P. 69—82. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82.

UDC 324

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-69-82

ELECTORAL COMPETITION IN THE ELECTIONS OF THE REPRESENTATIVE LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN CHELYABINSK: BEFORE AND AFTER THE 2014 REFORM

Oleg V. Vydrin,

Chelyabinsk State University,
Senior Lecturer of the Department Chair
of Political Sciences and International Relations.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vydrin.oleg@gmail.com

Abstract

Introduction. The article examines the dynamics of electoral competition over four electoral cycles from 2005 to 2019 as exemplified by forming representative bodies of local self-government in the city of Chelyabinsk. Particular attention is paid to the impact that the transition of Chelyabinsk to a two-tier model of forming local self-government bodies in 2014 had on the electoral competition. The purpose of the paper is to study the dynamics of electoral competition in municipal elections in Chelyabinsk before and after the 2014 reform.

Methods. The empirical basis of the study is the database “Electoral competition in the elections of municipal deputies of Chelyabinsk (2005—2019)”, which includes 414 observation units. The analysis of the empirical material is carried out according to the method of G.V. Golosov’s triangle of relative sizes, proposed for classifying party systems and adapted for analyzing elections in single-mandate constituencies.

Scientific novelty. The author suggests a methodology for analyzing electoral competition in single-mandate constituencies. For the first time, the phenomenon of “controlled competition” is analyzed on the basis of 4 municipal elections cycles.

Results. The analysis makes it possible to speak about fluctuations in electoral competition, its decline in 2009 and 2014 compared to the 2005 elections and increasing by the 2019 elections. **Conclusions.** The “controlled competition” was formed in Chelyabinsk in the period preceding the reform of 2014. The reform introduced a level of local self-government, the effectiveness and necessity of which is not obvious with the existing design of the electoral system. In the course of the reform, the principal-agent model of relations between local self-government bodies and state authorities was finally consolidated. The reform contributed to conserving the “controlled competition”.

Keywords:

local government reform,
elections,
electoral systems,
electoral competition,
two-tier model,
municipal political leadership,
Golosov’s triangle of relative sizes

Для цитирования: Гордеев С. С.,
Кочеров А. В., Меркер В. В.
Анализ трансформации «зеленых зон»
неоднородного социального пространства:
на примере агломерации Челябинска
и городского бора //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 83—93.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-83-93.

УДК 332.12

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-83-93

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ «ЗЕЛЕННЫХ ЗОН» НЕОДНОРОДНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: НА ПРИМЕРЕ АГЛОМЕРАЦИИ ЧЕЛЯБИНСКА И ГОРОДСКОГО БОРА¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
заведующий лабораторией моделей
пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Кочеров Андрей Валерьевич,

Южно-Уральский государственный университет,
начальник Управления
международного сотрудничества,
Челябинск, Россия.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Меркер Вера Викторовна,

Челябинский государственный университет,
директор Ботанического сада,
кандидат биологических наук,
Челябинск, Россия.
E-mail: VMerker@rambler.ru

Аннотация

Исследование посвящено проблемам трансформации сложной неоднородной пространственной системы — городской агломерации с уникальным природным комплексом. В работе во взаимосвязи затронуты вопросы ограниченного пространственного развития, зонирования территорий, преобразования поселенческого каркаса, социальных трансформаций, интеграции наиболее значимых градообразующих объектов. Для прогнозирования преобразований в такой системе рассматривается сложная многоуровневая модель — «биосферное ядро vs окружающая городская среда». Формирование такой модели для анализа перспективного развития территории предполагает обновление методологии системного социо-эколого-экономического анализа развития неоднородных пространственных систем, интеграции картографической и цифровой информации, адаптации информационных технологий визуализации, в том числе инструментария «неогеографии». В исследовании на примере развития городской среды Челябинской агломерации с уникальной «зеленой зоной» (Челябинский городской бор) дан анализ основных перспектив пространственного развития территории как сложной многоуровневой социально-экономической системы. Основные результаты исследований создадут предпосылки для существенного расширения возможностей анализа перспектив устойчивого социо-эколого-экономического развития сложных пространственных систем с уникальными природными объектами и эффективного управления региональным развитием.

Ключевые слова:

регион,
устойчивое развитие,
пространственная трансформация,
агломерация,
биосферная среда,
неогеография,
визуализация

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00964 (в части исследований по формированию моделей устойчивого развития территорий). Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области, грант № 20-44-740008 (в части изучения особенностей естественного лесного покрова).

Введение в проблему пространственной трансформации Челябинской агломерации с «биосферным ядром» Челябинского городского бора

В исследовании трансформации социального пространства в качестве основных факторов традиционно рассматривались социально-экономические. В общем случае социальное пространство представляется как неоднородное множество взаимосвязанных векторных объектов, отражающих распределение различных видов капитала на определенной территории (экономического, социального, культурного и др.).

Однако по мере роста значимости вопросов окружающей среды в развитии ряда территорий на первый план стали выходить экологические факторы. Подобными объектами в неоднородном социальном пространстве прежде всего являются особые экологические рекреационные зоны. В таких условиях *экологические оценки пространственного развития* приобретают особое значение.

Глобальные структурные изменения в экономике и трансформации социального пространства традиционно приводят к росту нагрузки на окружающую среду. Такие изменения все более заметны на многих территориях. Исторически унаследованная траектория пространственных преобразований часто существенно меняется с непредсказуемыми экологическими, социальными и экономическими последствиями. Далее неизбежно быстрое устаревание стратегий развития, генеральных планов и территориальных схем. Проектирование пространственного развития городских систем в подобных условиях существенно затрудняется.

Неэффективность пространственного развития особенно заметна при существенных и необратимых нарушениях природной среды. Особые проблемы возникают у территорий, где степень антропогенной нагрузки (величина прямого или косвенного воздействия людей и их хозяйственной деятельности на компоненты природных систем) многократно превышает допустимую. Множество разнообразных проблем, связанных с существенным превышением антропогенной нагрузки, наблюдается в большинстве индустриально развитых территорий.

Проблемно-ориентированное проектирование развития территорий позволяет в подобных ситуациях минимизировать негативные последствия и обеспечить сба-

лансированное изменение основных параметров развития систем (уменьшить риски внутренних противоречий системы). При этом обеспечиваются лучшие социально-экономические результаты и снижаются отрицательные последствия «техногенеза» (нежелательные изменения ландшафтов под воздействием производственной деятельности человека).

В последнее время особое значение приобретают ограничения устойчивого природопользования (гарантирующие, что эксплуатация ресурсов может осуществляться неограниченно долго). Подобные ограничения (условия) обычно рассматриваются в рамках проблемы устойчивого развития (sustainable development).

В проблеме устойчивого развития рассматривается множество категорий и трактовок на уровне как глобальных, так и локальных пространственных систем. Вопросы устойчивого развития особенно значимы для неоднородных пространственных систем со сложными и специфическими взаимосвязями экономических, социальных и экологических факторов.

В последнее время все больше целей устойчивого развития связано с вопросами преобразований окружающей среды. Изменение окружающей среды и соответственно условий социо-эколого-экономического развития очевидны для особых пространственных систем — городских агломераций. На территориях агломераций возрастают угрозы превышения допустимого антропогенного воздействия на биосферу и необратимых последствий.

Любая агломерация во многом уникальна и имеет свою пространственную специфику. Существенные различия могут быть также в уровне антропогенной нагрузки на отдельные элементы природного каркаса агломерации. Очевидны также угрозы выхода многих социально-экономических процессов за исторически сложившиеся региональные и муниципальные административные границы.

Агломерации как динамичные быстро трансформирующиеся пространственные системы при развитии коммуникаций интегрируют множество объектов городской среды, связанных с высоким экономическим ростом и нагрузкой на окружающую среду. Агломерации могут включать различные природные, в том числе уникальные, объекты и часто становятся «драйвером» региональных преобразований. Агломерации расширяются и постепенно меняют траекторию развития других окружающих территорий.

Сложные взаимосвязи процессов, определяющих развитие агломерации как сложной системы, предъявляют дополнительные требования к построению моделей трансформаций. В подобных условиях особое значение приобретает построение моделей развития ключевых регионообразующих объектов агломераций. Среди них на особом месте уникальные объекты природопользования.

В моделях устойчивого развития города и мегаполисы обычно рассматриваются как однородные пространственные (точечные) объекты с большим числом показателей, хотя их целесообразно рассматривать как гораздо более сложные неоднородные системы [7].

Расширение возможностей исследования трансформации сложных, неоднородных городских пространственных систем (при рассмотрении множества объектов) связано с качественным обновлением информационного обеспечения, применением компьютерных геоинформационных технологий и новых источников данных. В подобных исследованиях особое место занимает использование *проблемно-адаптированной компьютерной графики — моделей визуализации пространственного развития*.

Далее в статье рассматриваются результаты исследования по формированию модели устойчивого развития системы «биосферное ядро и окружающая городская среда». Такая сложная система образуется в центральной части (ядре) агломерации индустриального центра Урала — Челябинска (с численностью населения более миллиона человек). Ключевой объект природного рекреационного каркаса системы — *Челябинский городской бор* (далее — бор).

Бор принадлежит к числу крупных городских лесопарков площадью более тысячи гектаров (размером 2,5 на 5 км). В ядре Челябинской агломерации бор является единственным масштабным лесным и одновременно парковым массивом, расположенным в 3 км от центра мегаполиса и с высотной жилой застройкой у границ. Бор как остаток реликтового соснового леса (общей площадью около 12 кв. км), сохранил часть своих первичных биосферных особенностей. Бор является уникальным рекреационным объектом окружающей городской системы и обеспечивает высокую капитализацию прилегающих территорий. Однако в условиях высокой антропогенной нагрузки бор теряет часть своих биосферных свойств и имеет неоднозначные перспективы.

Городская среда одного из наиболее экологически проблемных городов Рос-

сии — Челябинска — отличается высоким уровнем техногенного загрязнения. Последствия необратимых изменений бора (выхода биосистемы бора за границу устойчивого развития) неизбежно отражаются на перспективах развития мегаполиса и прилегающих территорий.

Далее в статье на примере системы «бор — городское пространство агломерации» рассматриваются результаты исследования трансформации сложной, неоднородной по структуре территории в условиях роста антропогенной нагрузки. Масштаб и острота внутренних противоречий такой системы делает ее эталонным объектом для исследования проблем устойчивого развития. Ключевую роль в исследовании приобретает *проблемная адаптация геоинформационных технологий, связанная с зонированием территорий* по различным признакам, что существенно расширяет возможности анализа перспектив.

Методы визуализации в моделях трансформации неоднородных пространственных систем: анализ устойчивости и технологии «неогеографии».

Специфика рассматриваемой системы требует обновления ряда положений междисциплинарного системного анализа пространственных трансформаций и адаптации соответствующего ИТ-инструментария [21].

В условиях существенных перемен универсальную модель трансформации даже ограниченного класса пространственных систем построить нереально (с достаточной для практического использования степенью детализации и точности). При качественном различии основных объектов природно-ресурсного каркаса агломерации число рассматриваемых факторов и сценариев развития многократно возрастает.

Далее сюда добавляются проблемы формализации и недостатка информации. Подобные условия определяют *процедуру последовательного многоэтапного исследования вопросов трансформации агломерации* как сложной системы (при формировании информационной базы с максимальным отражением местной специфики).

Первый этап процедуры анализа связан с определением основных характеристик агломерации (в рамках требований устойчивого развития). Затем следует классификация основных составляющих (включая природные) и определение основных параметров преобразования системы. Далее следует систематизация наиболее значимых закономерностей трансформации, определение траекторий возможного развития как

пространственной системы в целом, так и ключевых объектов — пространственных «драйверов развития».

Возможности качественно нового решения многих задач пространственного развития связаны с новыми источниками все возрастающего объема информации о поверхности Земли (данные дистанционного зондирования Земли). Новые геоинформационные данные, дополняя существующие источники информации, позволяют существенно расширить представление о текущем состоянии и взаимосвязях пространственных объектов.

Первичным источником геоинформационных данных выступают данные космических и аэрофотоснимков. Они доступны в информационных системах широкого пользования (геопространственный сервис Google Earth и др.). Обработка снимков связана с подготовкой соответствующего инструментария (распознавание образов, Big Data, искусственный интеллект и др.). Подобное дополнение управленческих технологий рассматривается в качестве важного компонента нового направления управления региональным развитием [1].

Создание новой геоинформационной среды (с увеличившимися на несколько порядков объемами данных) позволяет выделить новый класс математических моделей регионального развития — «моделей *neogeography*» [23]. Важными свойствами этого класса моделей являются: применение растрового (не векторного) представления географической информации, интеграция разнокачественных слоев пространства. Далее следует разграничение зон *по определенному набору социальных, экологических и экономических индикаторов*. Эти качества моделей неогеографии особенно важны в рассматриваемом исследовании. Построение таких моделей имеет ряд особенностей и ограничивается возможностями геопространственного сервиса [9; 11].

Рассматриваемый класс моделей непосредственно связан с визуализацией и агрегированием разнокачественной информации. Среди графических моделей, отображающих территориальный объект на разных уровнях абстрагирования и формализации, подобные модели занимают свое определенное промежуточное место между классическими картами и абстрактными схемами. Такие модели отражают развитие технологий использования проблемно-ориентированной графической информации и формируют базу для дополняющих цифровых оценок.

Графическая основа рассматриваемых моделей может существенно отличаться от обычных и цифровых географических карт и географических информационных систем. Например, в формате «картоидов» или «geographical cartogram» [5; 15].

В рамках моделей неогеографии картографическая основа дополняется цифровыми данными с возможностью расширения границ исследования. Определение основных параметров модели неогеографии для специфического объекта, каким является большая «зеленая» зона в ядре агломерации, связана с адаптацией ряда устойчивого развития. В рассматриваемом случае адаптация определяется системой ограничений и приоритетов по трансформации лесного массива и окружающей его территории (при оценке множества факторов, определяющих антропогенную нагрузку).

В первоначальной постановке проблема устойчивого развития базируется на очевидном утверждении — замкнутая система, использующая ограниченные ресурсы, не может расти бесконечно. Пределы роста системы обусловлены объемами этих ресурсов и требованием удовлетворения потребностей без ущерба для возможности будущих поколений (в редакции World Commission on Environment and Development).

Многие общие положения устойчивого развития глобального уровня требуют уточнения при исследовании отдельных зон. Устойчивость развития рассматривается объединяющим моментом в управлении экономическими, экологическими и социальными процессами с развернутой системой целей [6; 17]. Однако при рассмотрении целей устойчивого развития в реальной многоуровневой системе управления с имеющимися институтами неизбежно возникает ряд противоречий.

Вопросы развития экономики экстерриториальны в рамках национальной экономики. Управление многими социальными процессами жизнедеятельности находится в ответственности регионов. Многие экологические вопросы (природопользования и охраны окружающей среды) концентрируются на местном, муниципальном уровне. В региональных системах возможности управления экологическими, социальными и экономическими процессами существенно различаются, а дисбаланс интересов (национальных, региональных и муниципальных) в подобных системах неизбежен.

В общесистемных основах устойчивость — это фундаментальное свойство,

характеризующее способность систем к существованию, и если система принципиально неустойчива, то она не может существовать (У. Эшби [16]). В рамках системной парадигмы (Я. Корнаи [8]) национальная экономика всегда находится в состоянии равновесия и имеет множество вероятных, «нормальных» состояний системы. В условиях разнонаправленного действия множества факторов и появления новых траектории трансформации подобных систем в определенные моменты могут быть нестабильными. Сюда добавляются условия недостатка данных и противоречивой нестабильной динамики.

В подобной ситуации для моделей региональной системы (исходя из ее специфики) необходимо определить ряд дополнительных уточняющих положений устойчивого развития.

- В условиях противоречий поиск решений во многом определяется эффективностью компромисса (соотношением потерь и выигрышей).
- Период прогнозирования определяется параметрами развития основного объекта территории (в нашем случае биосферными характеристиками лесного массива).
- Вопросы сохранения окружающей среды рассматриваются в пределах допустимого антропогенного воздействия на биосферу (до границы необратимых последствий). Далее они выступают в форме ограничений (например: сохранение биологического разнообразия является обязательным).
- Вокруг любого продолжительно действующего пространственного объекта рассматриваемой системы неизбежно формируется относительно устойчивый комплекс других объектов, меняющих его характеристики.
- В проблематике устойчивого развития присутствует множество социальных вопросов (общественного здоровья, социальной стабильности и др.), определяемых спецификой развития соседних территорий.
- Возможности быстрого «разворота» трендов пространственной динамики ограничены инерционной составляющей развития («Path Dependence» [2]).

Рассмотренные положения устойчивого развития локальной системы затрагивают множество вопросов корректной оценки трансформации неоднородной пространственной системы. Большинство таких вопро-

сов оценки междисциплинарные. Они специфичны и далеки от полной методической проработки.

Подобные оценки связаны с рассмотрением математических основ различных форм устойчивости, рассмотрением некоторой области фазового пространства, возвратом в исходную точку (Ж. Лагранж, А. Ляпунов). Адаптация инструментария оценок устойчивости для региональных систем неизбежно связана с интеграцией как классического математического аппарата, так и междисциплинарных основ и системного анализа [9; 22]. Приняв во внимание изложенные выше основы анализа трансформацию подобных систем целесообразно рассматривать с точки зрения междисциплинарных *основ развития неравновесных структур* в рамках «философии нестабильности» (И. Пригожин [3; 13]). Ряд важных моментов рассматриваемой «временной нестабильности» (нелинейность процессов, неоднородность рассматриваемой среды, факторы синергетики и др.) непосредственно определяет классификацию объектов.

В подобных условиях неизбежно сочетание нескольких принципов оценки устойчивости в многоэтапной процедуре анализа. Организация подобных процедур предполагает обновление основ анализа пространственного развития на базе методологии «мягких систем» — применения системного мышления к несистематическим ситуациям [18]. Диапазон возможных решений при организации процедур здесь весьма широк. Визуализация в подобной процедуре становится одним из ключевых элементов процедуры анализа [10; 20] (см. формирование слоев графической основы, разграничение зон и др.).

Визуализация в модели трансформации неоднородных систем формата «биосферное ядро vs окружающая городская среда» непосредственно связана с многоуровневым проблемно-ориентированным зонированием и проводится на нескольких уровнях с нарастающей детализацией.

Первый — уровень окружающей городской среды (характеристики качества жилой среды и инфраструктуры),

второй — уровень территории бора (различных участков и других объектов).

На первом уровне рассматриваются факторы антропогенной нагрузки в окружающей городской среде:

- изменение рекреационных зон,
- транспортная доступность, концентрация населения на прилегающей территории,

- снижение антропогенной нагрузки за счет формирования альтернативных парковых зон и др.

На втором уровне рассматриваются:

- состояние биосферной среды территории бора;
- выделение участков наиболее ценной (значимой) преимущественно хвойной составляющей (на фоне насаждений лиственных пород);
- отдельные зоны пустот (поляны, пустыри);
- анклавы городских поселений, влияющие на различные хозяйственные объекты;
- участки повышенной антропогенной нагрузки и др.

Оцифровка соответствующих зон в соответствии выделенными приоритетными требованиями устойчивого развития (при учете нелинейности основных зависимостей) обеспечивает создание качественно новой основы для рассмотрения сценариев трансформации как территории бора, так и прилегающего городского пространства.

Использование технологий визуализации с элементами «неогеографии» в сочетании с «мягкой» итеративной процедурой исследования, адаптация к условиям специфики неоднородной окружающей среды (городской агломерации) предопределяет развитие методологии системного анализа развития подобных сложных систем.

В совокупности это открывает качественно новые возможности для постановки и решения новых задач устойчивого пространственного социо-эколого-экономического развития.

Использование рассмотренных основ системного анализа и соответствующего инструментария представлено далее на примере моделей «биосферное ядро vs окружающая городская среда» для Челябинской городской агломерации.

Результаты анализа перспектив развития территории городского бора и окружающей городской среды

Построение модели устойчивого развития «зеленого» ядра (Челябинского городского бора) во взаимодействии с городской средой Челябинской агломерации позволило выявить и классифицировать ряд важных особенностей пространственной трансформации такой системы (с большим числом факторов влияния, внутренних неоднородностей и противоречий).

Общий вид системы в формате «городская среда — бор» Челябинской агломерации представлен на рис. 1. Территория бора и зоны его получасовой транспортной доступности (во многом определяющей антропогенную нагрузку) представлены на различной картографической основе.

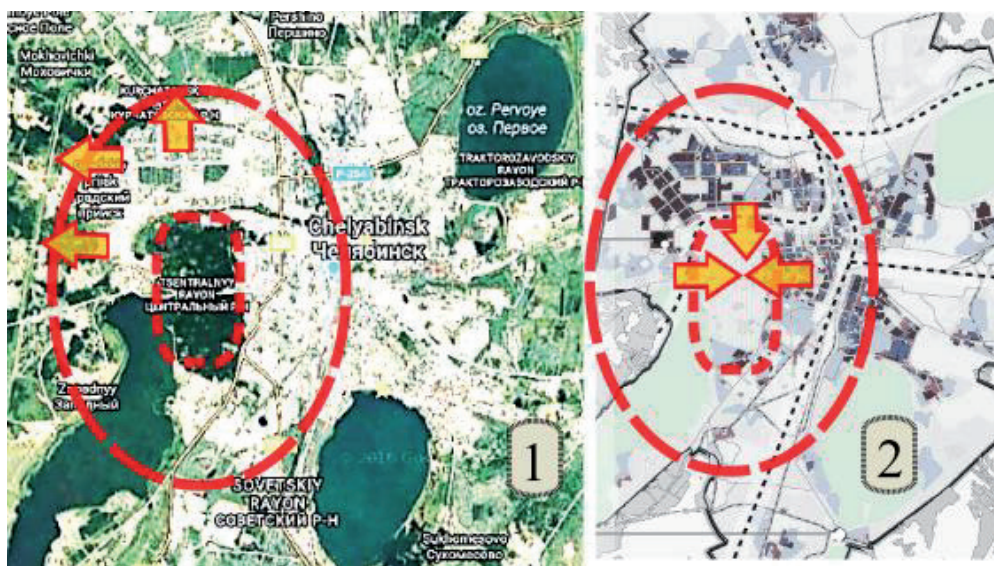

Рис. 1 Общий вид системы «городская среда — бор» в Челябинской агломерации — территория бора и зона получасовой транспортной доступности:

(1) на фоне фотоснимка территории,
(2) на фоне схемы распределения жилой застройки и плотности населения

На основе фотоснимка территории (рис. 1, 1) показаны направления для снижения антропогенной нагрузки при создании альтернативных рекреационных «зеленых» зон (с выходом за территорию города).

На основе схемы жилой застройки и распределения населения (рис. 1, 2) показаны основные направления роста антропогенной нагрузки (при росте концентрации населения на прилегающих территориях). Плотность населения по зонам жилой застройки отмечена заливкой по мере роста, от светлой к темной.

Также определены следующие особенности городской среды. Особая значимость бора для городской среды (как пространственного градообразующего объекта) обусловлена недостатками природного ресурсного каркаса Челябинска.

- Обеспеченность зелеными насаждениями общего пользования в городе в три раза ниже проектной нормы. Неравномерное размещение лесных, лесопарковых и парковых зон преимущественно на городских окраинах и за границами города.
- В зоне получасовой транспортной доступности от бора проживает более 600 тыс. человек, что при отсутствии других заметных рекреационных зон создает предпосылки многократного роста антропогенной нагрузки на бор (рис. 1, 2). Повышение концентрации населения на прилегающих территориях за счет массового многоэтажного жилищного строительства (при ограниченности инфраструктуры) обуславливает нелинейность роста угроз бору.
- Дополнительной оценки требуют динамичные факторы, быстро меняющие текущую ситуацию в городском пространстве. Среди них: сокращение охраняемой «буферной» зоны бора, строительство на оставшихся рекреационных территориях (включая жилое) и др. Отдельно следует отметить перераспределение части антропогенной нагрузки на «внешние» лесные массивы «зеленого кольца» при преобразовании городского и пригородного пространства Челябинска (рис. 1, 1).

Проблема трансформации бора определяется в первую очередь не внутренними, а внешними факторами пространственного развития городской среды в отрыве от ее рекреационных возможностей.

- Несбалансированность городской окружающей городской среды по

многим показателя устойчивого развития (начиная с наличия зон отдыха и «зеленых зон») создает неконтролируемый рост антропогенной нагрузки с неизбежными потерями для лесных массивов.

- Неконтролируемые потери бора в перспективе (худший сценарий — частичное или полное исчезновение лесного массива уже в обозримом будущем) неизбежно приведут к снижению капитализации всей городской территории с потерями для качества жизни населения.

Результаты зонирования распределения растительности на территории бора по данным фотоснимков (после обработки по специализированному авторскому алгоритму) представлены на рис. 2. Три варианта растительности бор отражают:

- 1) общий вид территории бора с различными типами растительности;
- 2) основные зоны лесного массива сосны обыкновенной (в т. ч. на участках смешанного леса без пустырей полей, зарослей кустарников, нового «вторичного» лиственного леса);
- 3) сохранившиеся зоны «темного» полноценного соснового леса (без отдельно стоящих групп деревьев).

Структура территории бора рассматривается в контексте последних территориальных преобразований. Наблюдается частичное изменение границ лесного массива и все более явное деление территории на отдельные зоны. По общим оценкам текущего состояния доля наиболее ценной части насаждений преимущественно хвойной породы (сосны обыкновенной) на фоне остальной территории (разнородных насаждений лиственных пород, полей, пустырей и прочих объектов) составляет немногим более 50 % (рис. 2, 2).

Сохранившиеся зоны полноценного «темного» соснового бора еще на треть меньше (рис. 2, 3). Общая оценка указывает на тенденцию сокращения наиболее ценной, «преимущественно хвойной части» лесных насаждений (на 7—10 % за последние 5 лет). Причин здесь несколько. Основные из них: расширение полей, приграничное «сжатие», развитие сторонних объектов на территории лесного массива, замещение соснового леса лиственным. Подобные изменения создают риски угрозы потери основных качеств соснового леса в течение 20—25 лет (полупериод средней продолжительности жизни сосны обыкновенной) и дальнейшего распада территории бора

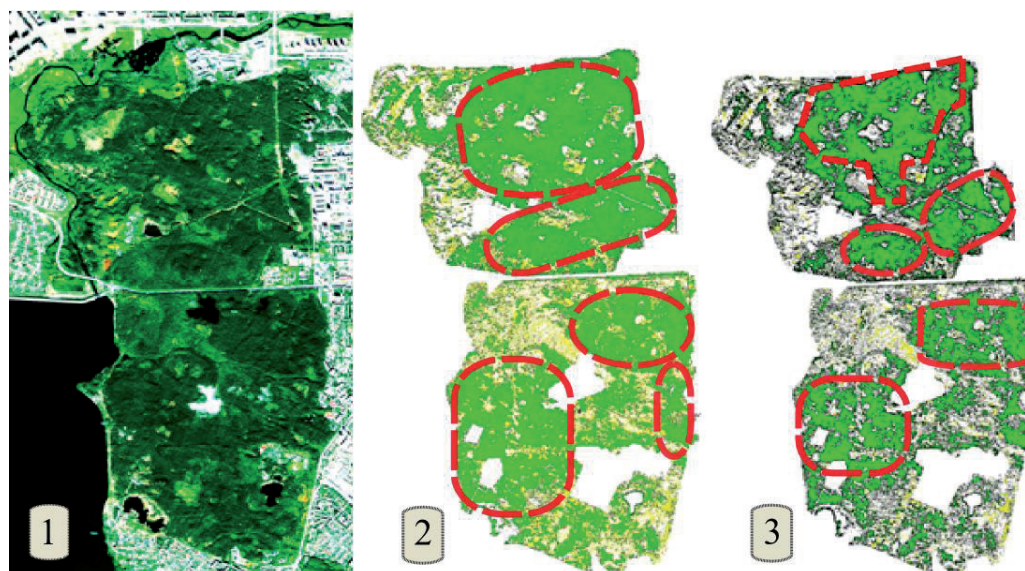

Рис. 2. Пространственное распределение растительности по территории бора по данным фотоснимков:
 1 — общий вид территории с различными типами растительности,
 2 — основные зоны лесного массива (сосновый и смешанный лес),
 3 — сохранившиеся зоны полноценного «темного» соснового бора

на отдельные полупарковые зоны. Далее реален проблемный сценарий остаточного существования соснового леса (разрушения структуры лесного массива в течении 50 лет с неизбежной потерей качества биосферной среды).

Отдельной оценки требует появление «пустот» на фоне насаждений лиственных пород (поляны, пустыри, анклавы городских территорий), фактически потеря участков наиболее ценной преимущественно хвойной части леса. Неоднородная, фрагментарная структура значительной зоны оставшегося «преимущественно хвойной части насаждения» повышает угрозы самовосстановления.

Смена текущих негативных тенденций эволюции бора предполагает реализацию комплекса мероприятий. Они направлены на смену трендов унаследованной траектории и решения проблемы ухода от «эффекта колеи» [2; 14]. В данном случае решение проблемы усложняется сложными и специфическими взаимосвязями между биологическими и социальными процессами.

Учитывая существенную неоднородность лесного массива и большое число сторонних объектов, альтернативный сценарий развития территории бора связан с выделением зон покоя на фоне рекреационных зон общего назначения. Подобное

деление связано с адаптацией ряда положений формирования биосферного резервата и обеспечивает лучшую сохранность пространства наиболее ценной (значимой) части бора. Расширение зон далее становится важным элементом практики самовосстановления соснового леса при обеспечении устойчивого состояния биосферной среды.

В перспективе устойчивое развитие территории бора совместно с прилегающими территориями становится условием развития всей региональной системы, роста капитализации городской среды и качества жизни населения.

Заключение: возможности использования моделей «биосферное ядро vs окружающая городская среда»

Рассмотрение условий устойчивого развития территории на обновленной инструментально-методической базе открывает новые возможности в решении задач пространственных трансформаций. Новые возможности связаны детализацией приоритетов развития городской среды (прежде всего инфраструктурных) и биосферных объектов (с сохранением биологического разнообразия).

Подобная детализация открывает новые возможности многоуровневого зонирования, проведения более глубоких и пространственных адресных биосферных исследований. При сложных социо-эколого-экономических взаимосвязях городского пространства и территории бора обеспечение сбалансированности траекторий развития открывает дополнительные возможности и перспективы синергии при развитии системы.

Специфичность развития Челябинского городского бора и городской среды во многом определяется масштабом и остротой противоречий Челябинской агломерации [4]. Схожие проблемы развития подобных систем характерны для многих индустриальных районов Урала и Сибири, а также множества других территорий. Рассмотренные в исследовании основные закономерности пространственной трансформации, как и элементы используемого инструментария, во многом универсальны. Они легко адаптируемы для многих неоднородных систем формата «биосферное ядро vs окружающая городская среда».

1. Акбердина В. В., Тюлин А. Е., Чурсин А. А., Юдин А. В. Влияние кросс-индустриальных информационных инноваций космической отрасли на экономический рост в регионах России // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 228—241.

2. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

3. Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 28—37.

4. Глазычев В., Стародубровская И. и др. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. 278 с.

5. Гордеев С. С. Оценка устойчивости пространственного социо-эколого-экономического развития в среде геоинформатики // Вестник ЧелГУ. 2016. С. 37—49.

6. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135—145. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>.

7. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О. Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник

Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9—18.

8. Корнаи Я. Системная парадигма// Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 4—22.

9. Ляпунов А. М. Общая задача об устойчивости движения : собр. соч. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 7—271.

10. Нейтан Я. Искусство визуализации в бизнесе. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

11. Основы геоинформатики / под ред. В. С. Тикунова. М. : Академия, 2004

12. Попов Р. А., Пузанов А. С. Проблемы управления городскими агломерациями в современной России. // Городской альманах. Вып. 4. М. : Фонд «Институт экономики города», 2008.

13. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46—52.

14. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—642. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-4.8.

15. Тикунов В. С. Классификации в географии: ренессанс или увядание? Опыт формальных классификаций. Смоленск : Изд-во Смолен. гуманитар. ун-та, 1997.

16. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М. : КомКнига, 2005. 432 с.

17. Bobylev S. N., Solovyeva S. V Sustainable development goals for the future of Russia// Studies on Russian Economic Development. 2017. Т. 28, № 3. С. 259—265 DOI: 10.1134/S1075700717030054.

18. Checkland P. Soft Systems Methodology: A Thirty Year Retrospective // Systems Research and Behavioral Science. 2000. № 17. P. S11—S58. DOI: 10.1002/1099-1743(200011)17.

19. Eremchenko E., Gorin S., Tikunov V., Radevski I. Digital earth as next step in cartography // International Scientific Conference GEOBALCANICA 2017 : conference proceedings. 2017. P. 121—126 DOI: 10.18509/GBP.2017.17.

20. Gray J., Bounegru L., Milan S., Ciuccarelli P.). Ways of seeing data: towards a critical literacy for data visualizations as research objects and research devices. // Innovative Methods in Media and Communication Research. 2017. London, U. K. : Palgrave Macmillan. P. 227—252. DOI: 10.1007/978-3-319-40700-5_12.

21. Gordeev S., Kocherov A., Merker V. Visualization of the sustainable development model of the green core of the agglomeration: the neogeography of the Chelyabinsk urban pine forest // Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial

Region”, E3S Web of Conferences 258, 12002/2021. DOI: 10.1051/e3sconf/202125812002.

22. Remco I. L. The historical development of classical stability concepts: Lagrange, Poisson and Lyapunov stability // *Nonlinear Dynamics*. 2010. Vol. 59, no. 173. DOI: 10.1007/s11071-009-9530-z.

23. Turner A. Introduction to Neogeography. Short Cuts, O'Reilly Media. 2006.

References

1. Akberdina V. V., Tjulín A. E., Chursin A. A., Judin A. V. (2020) *Jekonomika regiona*, vol. 16, iss. 1, pp. 228—241. DOI: 10.17059/2020-1—17 [in Rus].

2. Auzan A.A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika*, no. 1, pp. 3—17 [in Rus].

3. Vasil'eva L.N. Nasledie I.R. (2009) *Sociologicheskie issledovanija*, no. 6, pp. 28—37. [in Rus].

4. Glazychev V., Starodubrovskaja I. i dr. (2008) Cheljabinskaja aglomeracija: potencial razvitija. Cheljabinsk, 278 p. [in Rus].

5. Gordeev S. S. (2016) *Vestnik ChelGU*, pp. 37—49 [in Rus].

6. Zubarevich N.V. (2019) *Voprosy jekonomiki*, no. 1, pp. 135—145. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145> [in Rus].

7. Zyrjanov S.G., Gordeev S.S., Pon'kina A.O. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovanija*, no. 2, pp. 9—18 [in Rus].

8. Kornai Ja. (2002) Sistemnaja paradigm. *Voprosy jekonomiki*, no. 4, pp. 4-22 [in Rus].

9. Ljapunov A.M. (1956) Obshhaja zadacha ob ustojchivosti dvizhenija. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, t. 2, pp. 7-271 [in Rus].

10. Nejtan Ja. (2013) *Iskusstvo vizualizacii v biznese*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 352 p. [in Rus].

11. *Osnovy geoinformatiki* (2004) . Moscow, Akademija [in Rus].

12. Popov R.A., Puzanov A.S. (2008) Problemy upravlenija gorodskimi aglomeracijami v

sovremennoj Rossii. *Gorodskoj al'manah*. Iss. 4. Moscow, Fond «Institut jekonomiki goroda» [in Rus].

13. Prigozhin I. (1991) *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 46—52 [in Rus].

14. Rastvorceva S.N. (2018) *Zhurnal jekonomicheskoy teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642. DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-4.8 [in Rus].

15. Tikunov V.C. (1997) Klassifikacii v geografii: renessans ili uvjadanie? Opyt formal'nyh klassifikacij. Smolensk, Izd-vo Smolen. gumanitar. un-ta [in Rus].

16. Jeshbi U.R. (2005) *Vvedenie v kibernetiku*. Moscow, KomKniga, 432 p. [in Rus].

17. Bobylev S.N., Solovyeva S.V (2017) *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, no. 3, pp. 259—265. DOI: 10.1134/S1075700717030054 [in Eng].

18. Checkland P. (2000) *Systems Research and Behavioral Science*, no. 17, pp. S11—S58. DOI:10.1002/1099-1743(200011)17 [in Eng].

19. Eremchenko E., Gorin S., Tikunov V., Radevski I. (2017) Digital earth as next step in cartography. *International Scientific Conference GEOBALCANICA 2017*. Pp. 121—126. DOI: 10.18509/GBP.2017.17 [in Eng].

20. Gray J., Bounegru L., Milan S., & Ciuccarelli P. (2017) Ways of seeing data: towards a critical literacy for data visualizations as research objects and research devices. *Innovative Methods in Media and Communication Research*, London, U. K., Palgrave Macmillan. P. 227—252 DOI:10.1007/978-3-319-40700-5_12 [in Eng].

21. Gordeev S., Kocherov A., Merker V. Visualization of the sustainable development model of the green core of the agglomeration: the neogeography of the Chelyabinsk urban pine forest. *Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region", E3S Web of Conferences 258, 12002. 2021. DOI: 10.1051/e3sconf/202125812002 [in Eng].*

22. Remco I.L. (2010) *Nonlinear Dynamics*, vol. 59, no. 173. DOI: 10.1007/s11071-009-9530-z [in Eng].

23. Turner A. (2006) Introduction to Neogeography. Short Cuts, O'Reilly Media [in Eng].

For citing: Gordeev S.S.,
Kocherov A.V., Merker V.V.
Analyzing the transformation of “green zones”
in a heterogeneous social space:
as exemplified by the agglomeration
of Chelyabinsk and the city pine forest //
Socium i vlast'. 2021. № 4 (90). P. 83—93.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-83-93.

UDC 332.12

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-83-93

**ANALYZING
THE TRANSFORMATION
OF “GREEN ZONES”
IN A HETEROGENEOUS
SOCIAL SPACE:
AS EXEMPLIFIED
BY THE AGGLOMERATION
OF CHELYABINSK
AND THE CITY PINE FOREST**

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch
Head of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Cand. Sc. (Economics).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Andrey V. Kocherov,

South Ural State University,
Head of the International Cooperation Department,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: kocherov.andrey@gmail.com

Vera V. Merker,

Chelyabinsk State University,
Director of the Botanical Garden,
Cand. Sc. (Biology),
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: VMerker@rambler.ru

Abstract

The research is focused on the problems of transforming a complex heterogeneous spatial system, urban agglomeration with a unique natural complex. The paper touches upon the following issues: restrictions on spatial development, zoning of territories, transformation of the settlement framework, social transformations, and integration of the most significant city-forming objects. To predict transformations in such a system, a complex multilevel model is considered — “the biosphere core vs. urban environment”. Forming such a model to analyze the prospective development of the territory involves updating the methodology aimed at the systemic socio-ecological-economic analysis of developing heterogeneous spatial systems, integration of cartographic and digital information, adaptation of IT visualization technologies, including the “neogeography” toolkit.

In the study the authors analyze the main prospects for the spatial territory development as exemplified by developing the urban environment of the Chelyabinsk agglomeration with a unique “green zone” (Chelyabinsk urban forest), complex multi-level socio-economic system. The main research results create the prerequisites for a significant expansion of the possibilities for analyzing the prospects for sustainable socio-ecological-economic development of complex spatial systems with unique natural objects and effective management of regional development.

Keywords:

region,
sustainable development,
spatial transformation,
agglomeration,
biosphere environment,
neogeography,
visualization

Для цитирования: Гордеев С. С.,
Зырянов С. Г., Аверьянова Д. В.
Визуализация миграционных процессов
в городах Южного Урала:
от трансформации социального пространства
к его деформации//
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 94—106.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-94-106.

УДК 332.1 + 314.7

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-94-106

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОРОДАХ ЮЖНОГО УРАЛА: ОТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА К ЕГО ДЕФОРМАЦИИ¹

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал
заведующий лабораторией
моделей пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
главный редактор научного журнала
«Социум и власть»,
старший научный сотрудник
лаборатории моделей пространственного
развития,
доктор политических наук, профессор.
Челябинск, Россия.
E-mail: ziryarov-sg@ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий лабораторией
прикладной политологии и социологии.
Челябинск, Россия.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Аннотация

Представлены результаты исследования миграционных процессов как одного из факторов, обуславливающих трансформацию регионального социального пространства. Использование показателей миграции для оценки перспективных пространственных изменений предполагает проведение многофакторного анализа развития сложных неоднородных систем. Представленный вариант применения проблемно-ориентированных средств визуализации значительно расширяет возможности такого анализа. Оценка, систематизация и последующая классификация характеристик миграции рассматриваются в рамках многоэтапной процедуры графического цифрового анализа. Рассмотренные проблемы динамики миграции характеризуют ряд проблем начинающейся деформации социального пространства. Основные положения и результаты исследования представлены на примере пяти крупнейших городских территорий Челябинской области. Ключевые противоречия, порождаемые процессами региональной миграции, представлены для различных городских территорий одного из ведущих индустриальных регионов Урала. Это противоречия: динамики притока — оттока населения; соотношения сальдо миграции и потоков миграции и др. Результаты исследования позволяют перейти к построению более сложных моделей пространственной реконструкции и устойчивого развития территорий. Рассмотрение таких моделей создает предпосылки для перехода к управляемой трансформации в пространственном развитии территорий и купирования появившихся признаков деформации социального пространства.

Ключевые слова:

пространственная трансформация,
устойчивое развитие,
миграция,
регион,
модели,
анализ,
визуализация

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00964 «Моделирование и визуализация сценариев пространственного развития трансграничного макрорегиона на примере Урала и Северного Казахстана».

Введение. Миграционные процессы и проблемы пространственной трансформации

Миграционные процессы становятся одной из важных предпосылок пространственной трансформации. На фоне обострения общенациональной демографической проблемы, вызванной ковидокризисом, в ряде регионов все более быстро меняются характер миграционных процессов и тренды миграции. Смена региональных трендов миграции меняет ситуацию на рынке труда и нагрузку на социальную и пространственную инфраструктуру. Этим обстоятельством затрагиваются также экономические конкурентные преимущества территорий. Возрастают угрозы нарастания разбалансированности основных пропорций социальной динамики и качества жизни. В совокупности подобные изменения предопределяют трансформацию социально-экономического (далее социального) пространства и риски для устойчивого эффективного развития территорий.

Последствия ковидокризиса создают новые противоречия в демографической и миграционной динамике. По итогам восьми месяцев 2021 года (Челябинскстат, «Социально-экономическое состояние Челябинской области за январь — сентябрь 2021 года») в Челябинской области заметен ряд негативных тенденций.

Продолжает расти естественная убыль населения. Она составила 12,9 тыс. чел., что на 26,7 % больше аналогичного периода прошлого года.

Смертность выросла на 10,1 %. Всего умерло более 35,2 тысяч человек (прирост к уровню аналогичного периода предшествующего года 20 %). Число родившихся выросло незначительно до 22,3 тыс. чел. (прирост 0,52 тыс. чел. или 2,3 %).

Миграционный прирост в 1,08 тыс. чел., во многом обусловлен ростом числа прибывших из других стран, в основном государств — участников СНГ (в 3,5 раза). По линии межрегиональной миграции наблюдалось снижение численности населения в регионе на 3,5 тыс. чел., число выбывших увеличилось (до 21,2 тыс. чел.), а число прибывших сократилось (до 17,7 тыс. чел.)¹.

Подобная текущая динамика существенно не меняет ранее сформировавшиеся проблемные доковидные тренды, а только увеличивает масштаб уже существовавших проблем и требует отдельного рассмотрения по итогам ковидокризиса.

¹ Естественная убыль населения выросла почти на 27 %. Коммерсантъ. 2021. № 207. 16 нояб.

Существенные региональные изменения в численности и структуре населения и обусловленные ими последующие пространственные трансформации неизбежно влияют на перспективы развития муниципальных территорий Челябинской области. Традиционно более серьезные негативные последствия падения численности населения прежде были характерны для сельской местности и социально проблемных малых городов. Однако сейчас при росте естественной убыли населения почти на 27 % проблемы оттока населения затрагивают крупные города и весь регион в целом.

Проблемны последствия изменения численности населения характерны для большинства территорий России, в том числе Южного Урала. Нарастающая депопуляция муниципальных территорий обуславливает возникновение множества разнообразных проблем преобразования социального пространства территории, их пространственной трансформации [6].

Мультидисциплинарное понятие «трансформация» (от позднелат. *transformatio* «преобразование, превращение, метаморфоза») во многих сферах знаний имеет множество определений. В сфере управления социально-экономическим пространственным развитием под трансформацией традиционно понималось планомерное и постепенное преобразование социального пространства. Традиционно трансформация развития (роста) связана с различными закономерностями роста. Среди них как тренды экстенсивного развития роста (расширения) географических, площадных характеристик территорий, так и тренды интенсивного развития связанного с ростом показателей качества жизни социума. В последнее время альтернативой планомерной трансформации роста все чаще проявляется пространственное сжатие.

Более сложные формы проблемной пространственной трансформации одновременно как роста, так и сжатия (по различным аспектам развития) далее следует рассматривать как явление пространственной деформации. Деформация связана с ростом сложных проблем пространственной социально-экономической несбалансированности. На практике отличительным признаком деформации социального пространства является неуправляемая, противоречивая, нестабильная динамика социально-экономических процессов.

В случае пространственно неоднородных городских территорий, особенно при наличии специфических сопутствующих

условий и проблем (например, высокая степень загрязнения окружающей среды), при уменьшении в них численности населения вместо классического сценария однородного пространственного сжатия наблюдаются более сложные процессы асимметричных пространственных социально-экономических трансформаций. Подобные преобразования рассматриваются и оцениваются нами как *деформация социально-экономического пространства, в том числе с преобладанием трендов сжатия*. Помимо разнонаправленных количественных изменений, происходящих по различным аспектам (уровням) социально-экономического пространства, визуализация позволяет зафиксировать не менее существенные качественные перемены, менее заметные при традиционных способах анализа.

Множество сложных взаимосвязей социальных процессов в сочетании со специфической развития отдельных территорий существенно затрудняет оценку последствий смены трендов миграции на трансформацию социального пространства. В общем случае трансформация социального пространства региона определяется взаимодействием множества уже изученных факторов. Среди них: проблемы устойчивости [14], условия нестабильности [3], смены трендов и нелинейной динамики роста [20], различные аспекты «эффекта колеи» («Path Dependence») [1; 13; 19], специфика регионального расселения [10], взаимосвязи территорий центра и периферии [2] и др. В таких условиях целый ряд факторов неизбежно накладывается друг на друга, и возникает некое новое качество изменений, которое терминологически уже можно обозначить как деформацию социального пространства.

В настоящее время для определения перспектив пространственной трансформаций одними из базовых становятся характеристики процессов миграции по территориям. В условиях традиционных информационных проблем корректного и репрезентативного отражения социальных процессов *показатели миграционных процессов выступают одним из ключевых индикаторов возможных изменений в региональном социальном пространстве*. Использование показателей миграции для исследования социума в различных региональных условиях неизбежно предполагает адаптацию основ многофакторного системного анализа развития сложных региональных систем и соответствующих средств ИТ.

**Методология и методы:
развитие основ многоэтапного
анализа противоречий
региональной миграционной
динамики в проблемно-
ориентированной
графической цифровой среде**

Основы анализа противоречий региональной, да и муниципальной миграционной динамики связаны с исследованием сложной и во многом специфической «картины» миграционных последствий. Для этого она далее рассматривается нами с использованием ИТ визуализации [12; 18]. В данном случае визуализация обеспечивает формирование *проблемно-ориентированной графической среды*, характеризующей миграционные процессы и их последствия. Именно графическая информация в подобных условиях отражает так называемые неявные, «мягкие» или «слабые» взаимосвязи между цифровыми характеристиками объектов анализа. Интеграция цифровой и графической информации образует основу для многоаспектного системного анализа *трансформаций социального пространства региона как сложной неоднородной и динамичной структуры* [16].

При большом числе рассматриваемых факторов подобные исследования предполагают многоэтапную процедуру анализа, совмещенную с проблемно-ориентированной обработкой цифровой и графической информации. Организация подобной многошаговой процедуры связана с адаптацией технологий анализа в рамках методологии «мягких систем» — применения системного анализа к несистематическим ситуациям [15]. Визуализация в рамках проблемно-ориентированных аналитических алгоритмов в особых форматах упрощает систематизацию и выявление множества перемен в структуре социума. Подобная презентация информации позволяет дифференцированно по территориям рассматривать основные параметры изменений и выявлять противоречия социально-экономического и пространственного развития, связанные с процессами миграции. Здесь неизбежно затрагиваются как методы оценки региональной, муниципальной динамики, так и адаптация инструментария визуализации. Проведению анализа предшествуют проблемно-ориентированная обработка информации и адаптация технологий визуализации.

Некоторые результаты исследования миграционных процессов далее представлены

в рамках *многоэтапной процедуры графического цифрового анализа*. Основные положения и результаты подобного исследования рассматриваются на примере пяти крупнейших городских территорий Челябинской области: это городские округа Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Златоуст, Копейск. На долю этих городских муниципальных территорий, во многом определяющих региональное социально-экономическое развитие, приходится более 60 % численности населения Челябинской области, одного из ведущих индустриальных регионов России, и ещё больший процент валового регионального продукта.

Основными, ключевыми этапами подобного исследования является *сопоставление противоречий динамики* по следующим этапам анализа.

1. Анализ составляющих роста численности населения — «*демографический прирост населения vs прирост миграции*».
2. Анализ закономерностей миграции — «*траектории оттока vs траектории притока населения*».
3. Анализ текущих трендов миграции — «*тренды оттока vs тренды притока населения*».
4. Анализ неравномерностей притока и оттока населения — «*равномерность vs нестабильности роста*».
5. Анализ потока миграции — «*сальдо миграции vs оценки потока миграции*».

**Результаты:
обзор закономерностей
и противоречий
миграционной динамики
крупнейших городов
Челябинской области**

Результаты анализа противоречий миграционной динамики далее представлены в графическом виде, характеризующим наиболее значимые результаты исследования. Анализ роста численности населения и миграции (здесь и далее данные Росстата) связан с рассмотрением основных составляющих прироста численности населения по наиболее стабильной динамике доковидных трендов, в период 2012—2018 годы

1. *Анализ составляющих роста численности населения — «демографический прирост населения vs миграции».*

Первичный анализ составляющих роста численности населения связан с рассмотрением динамики сальдо миграции (приток

минус отток населения) и динамики демографического прироста численности населения (рис. 1).

Для рассматриваемых городских территорий (городских округов) Южного Урала, в изменении численности населения очевидно *доминирование региональной миграционной динамики над демографической*. Влияние миграции на рост численности населения в разы превосходит демографические параметры (см. различия на рис. 1).

Также очевидно, что в 2014—2015 произошло становление так называемой *падающей миграционной динамики*. Это проявляется в том, что изменения численности населения по всем рассматриваемым городским территориям все более определяются миграцией. К 2018 году, несмотря на специфику траекторий по всем рассматриваемым городским территориям, очевиден уход трендов в отрицательную зону. Уход всех траекторий в отрицательную зону (сокращение численности населения) как из-за демографических, так и из-за миграционных факторов отражает появление предпосылок существенной пространственной трансформации (в форме пространственного сжатия).

2. *Анализ баланса миграции — «траектории оттока vs траектории притока населения».*

Анализ характера траекторий составляющих региональной миграции оттока и притока населения указывает на принципиальное различие динамики притока и оттока населения (рис. 2).

Следует отметить:

- однородность и схожесть траекторий оттока населения,
- индивидуальность, нестабильность траекторий притока населения.

Сравнительно однородные и схожие между собой траектории оттока указывают на общие тенденции и закономерности дальнейшего уменьшения численности населения. Логично предположить, что подобие траекторий оттока отражает общность *социально-экономических предпосылок, предопределяющих отток населения*.

Существенное различие траекторий притока населения отражает заметное влияние специфических территориальных факторов, к тому же их действие нестабильно во времени.

3. *Анализ текущих трендов миграции — «тренды оттока vs тренды притока населения».*

Оценка текущих трендов притока-оттока населения образует основы для прогнозирования происходящих изменений

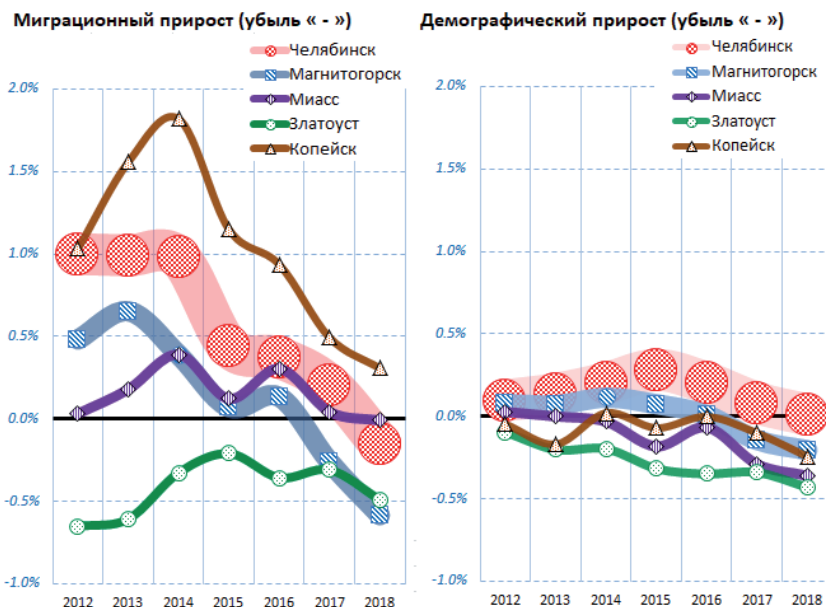

Рис. 1. Доминирование миграционных над демографическими процессами: траектории миграционной и демографической составляющих прироста (убыли) и уход значений отрицательную зону, % от численности населения

Здесь и далее данные Росстата: База данных показателей муниципальных образований // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst75/DBInet.cgi#1> дата обращения: 15.10.2021).

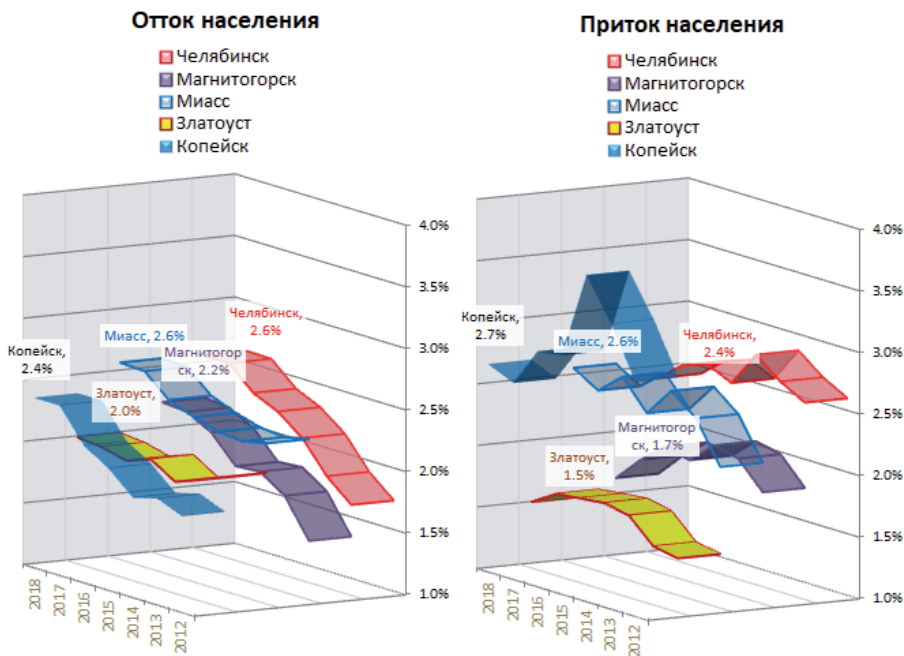

Рис. 2. Различие траекторий оттока и притока населения, % от численности населения: обобщающая «картина» направленности и стабильности траекторий, итоговые значения конечной точки траектории

в региональном социуме, которые можно рассмотреть в качестве предпосылок для предстоящей трансформации социально-экономического пространства. Тренды текущей динамики оттока и притока населения по городским территориям (% от численности населения) и оценки аппроксимации приведены на рис. 3.

По рассматриваемым городам тренды текущей динамики притока и оттока с 2016 года населения действуют отчётливо разнонаправленно. В динамике оттока очевидны *тенденции роста оттока*. В динамике притока очевидны *тенденции сокращения притока населения*. Сокращение притока и численности населения наиболее заметны в крупнейших городах региона — Челябинске, Магнитогорске, прежде традиционных центрах притяжения и, соответственно, роста населения [16].

Итак, по темпам роста оттока населения во всех случаях наблюдается рост, при этом максимальные показатели в Копейске — увеличение на +0,25 за три года, а минимальные в Златоусте — увеличение на +0,1. А вот темпы притока населения в трёх городах устойчиво отрицательные, а в двух городах — Магнитогорске и Копейске волнообразные — снижение меняется ростом. При этом максимальное снижение притока населения имеет место в Магнитогорске (-0,4), а минимальное снижение притока населения наблюдается в Копейске (-0,05).

4. Анализ неравномерностей притока и оттока населения — «равномерность vs нестабильности роста».

Последующий анализ неравномерностей притока и оттока населения с детализацией составляющих миграции представлен в форме таблицы — в *матрицах классификации роста и динамика миграции* (рис. 4). Такой анализ прежде всего ориентирован на поиск, систематизацию и классификацию закономерностей нестабильной и неоднородной динамики региональных миграционных процессов по территориям.

В рассматриваемых матрицах таблицы оттока — притока (в процентах от численности населения) дополнены ценками классификации изменений — четыре класса, исходя из масштаба прироста.

1. Без выделения значения ограниченного (базового) роста.
2. «Легкой заливкой» выделены значения умеренного роста.
3. «Плотной заливкой» и шрифтом выделены значения существенного роста.
4. Значками выделены отдельные точки высокого роста (резкие изменения создающие «ступени» и «пики» на траектории).

Специфика динамики оттока: прежде всего наблюдается наличие «ступеней» роста оттока населения с дальнейшим повышением уровня траектории оттока. Подобные «ступени», на наш взгляд, связаны с резким увеличением у потенциальных мигрантов отрицательных оценок перспектив жизни и трудоустройства, прежде более привлекательных территорий. Для отдельных социальных групп в эти моменты

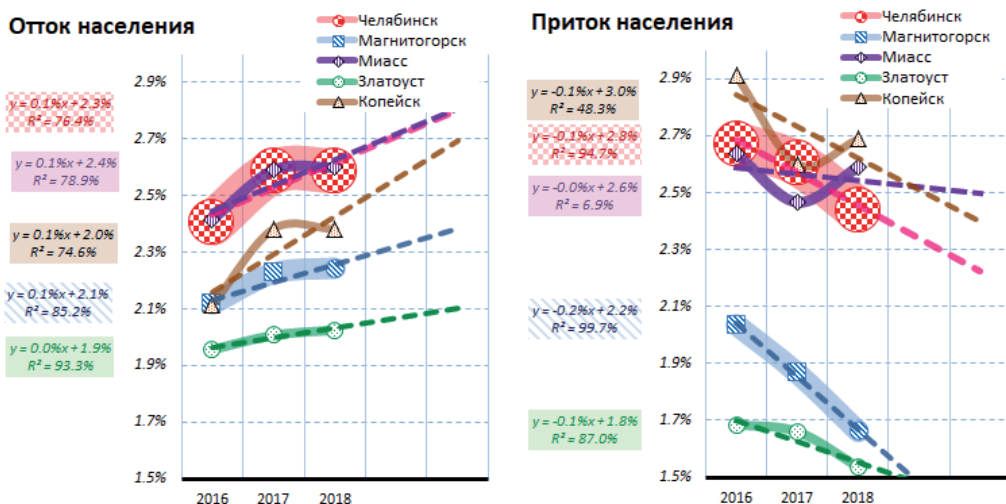

Рис. 3. Разнонаправленность трендов текущей динамики оттока и притока населения, % от численности населения и оценки аппроксимации

Отток населения	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Челябинская область	2.59%	2.66%	2.65%	2.75%	2.80%	2.89%	2.90%
Челябинск	1.74%	1.91%	2.16%	2.31%	2.40%	2.58%	2.59%
Магнитогорск	1.48%	1.79%	1.92%	1.90%	2.12%	2.23%	2.24%
Миасс	2.30%	2.26%	2.28%	2.34%	2.42%	2.59%	2.60%
Златоуст	2.06%	1.98%	1.91%	2.03%	1.96%	2.01%	2.03%
Копейск	1.79%	1.87%	1.81%	1.99%	2.11%	2.38%	2.38%

Приток населения	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Челябинская область	2.58%	2.71%	2.82%	2.74%	2.83%	2.70%	2.64%
Челябинск	2.60%	2.71%	2.87%	2.58%	2.67%	2.60%	2.44%
Магнитогорск	1.91%	2.12%	2.17%	1.99%	2.04%	1.87%	1.66%
Миасс	2.14%	2.48%	2.64%	2.40%	2.64%	2.47%	2.59%
Златоуст	1.44%	1.47%	1.67%	1.71%	1.69%	1.66%	1.54%
Копейск	2.91%	3.32%	3.65%	2.94%	2.91%	2.60%	2.69%

Рис. 4. Матрицы ежегодных оценок миграции с отражением закономерностей и особенностей нестабильной динамики оттока («ступени» роста) и притока («пики» роста) населения по территориям (классификация по величинам ежегодного прироста), % от численности населения

очевидны потери конкурентных преимуществ данной территории относительно других. Такие изменения характерны для большинства рассмотренных региональных экономических центров (см. Челябинск, Магнитогорск, Миасс, Копейск). Исключение здесь — относительно равномерная динамика оттока населения (см. Златоуст). Подобная ситуация характерна только для традиционно проблемной и во многом депрессивной территории, имеющей уже существенное отрицательное сальдо миграции и стабильно, в течение долгого времени, падающую численность населения.

Специфика динамики оттока. Нестабильная динамика притока населения и «пики» роста в отдельные моменты связаны прежде всего, по мнению авторов, с изменениями на рынке труда наблюдаемых территорий и проявляются они при появлении каких-либо точек экономического роста. Возможны даже многократные «пики» заметного роста притока населения, связанные с появлением тех или иных краткосрочных экономических факторов (см. Челябинск, Миасс). Сравнительно равномерная динамика притока населения, как высокая (см. Копейск), так и низкая (см. Златоуст), видимо, отражает отсутствие в краткосрочной перспективе заметных социально-экономических перемен. Ну а относительно высокая динамика

притока населения в Копейском городском округе обусловлена его статусом города-спутника Челябинска, тем, что он стал строительной площадкой более дешёвых, чем в Челябинске квартир в строящихся там жилых массивах.

5. Анализ потока миграции — «сальдо миграции vs оценка потока миграции».

Существенные изменения, «деформации» структуры социума как результат роста миграционных потоков определяются итоговыми изменениями в социально-демографической структуре населения, обусловленные как его притоком, так и его оттоком. Эта величина, характеризующая масштаб миграции, превышает сальдо миграции и максимально может равняться сумме притока и оттока населения. Для рассматриваемых городских муниципальных территорий поток миграции может в разы превышать незначительное положительное сальдо миграции (менее процента) (см. рис. 5). В Челябинской области при отрицательном сальдо миграции за 2018—2021 годы, составившем только -0,5 %, максимум ежегодного «брутто-нетто» потока миграции достигает 5,5 % (сумма притока и оттока населения). Реальный итоговый поток миграции из-за возврата части убывшего населения будет меньше.

	сальдо миграции	максимум потока миграции
Челябинская область	-0.5%	5.5%
Челябинск	-0.1%	5.0%
Магнитогорск	-0.8%	3.9%
Миасс	-0.4%	5.2%
Златоуст	-0.9%	3.6%
Копейск	0.1%	5.1%

Рис. 5. Сальдо миграции и оценка ежегодного максимально возможного обновления населения, % от численности населения (2018 год)

Фактор миграционного обновления и последующие из-за него качественные изменения социума муниципалитетов будут возрастать по мере роста потоков миграции. Об этом свидетельствует, например, появление в школах классов, где до половины численности учеников составляют дети мигрантов. Количественная сбалансированность притока — оттока населения (нулевое сальдо миграции), однако, не снимает проблем, порождаемых миграционным обновлением социума и неизбежной далее «деформации» социально-экономического пространства. Необходимо учитывать и тот факт, что часть мигрантов остаётся жить в городе, практически на ПМЖ, образуя растущий кластер иноязычных жителей.

Концептуально следствием проблемы роста потоков миграции и миграционного обновления населения с переменами в структуре социума становится «деформация» социального пространства, связанная с проблемами количественных и качественных изменений (меняются: характеристики не только численности, но и структуры населения, например, возрастающая нагрузка по всем элементам социальной инфраструктуры и др.). Возможно также скрытое накопление разнообразных социальных последствий с большим или меньшим временным лагом их проявления. Они связаны с отложенными угрозами возникновения точки бифуркации в совокупности происходящих социальных процессов на данной территории, и, как следствие, потерей локальной устойчивости в определенный момент её развития.

Очевидно, что подобные итоги динамики миграции во многом отражают неоднознач-

ное отношение населения к перспективам развития своих городов. Угрозы проблемных миграционных процессов по опросам населения достаточно очевидны даже в региональном центре — относительно более благополучном и социально устойчивом мегаполисе — Челябинске. По результатам социологического опроса жителей города, Челябинск среди центров других региональных столиц более комфортным для жизни признали только 13 % опрошенных, а менее комфортным — 40 %, что в три раза больше (см. рис. 6). Однозначное желание остаться в Челябинске выразило только, 59 % опрошенных, а покинуть город по различным причинам могут до 40 % опрошенных (см. рис. 7). Подобные результаты указывают на значительный потенциал роста миграционных процессов и социально-экономических угроз, а также политических рисков в среднесрочной перспективе.

На фоне не уходящих и не уменьшающихся проблем региональной депопуляции при возрастающем масштабном миграционном обновлении социума, рассматриваемые городские муниципальные территории приобретают новые проблемы, связанные с «миграционным транзитом» населения. Проблемы «миграционного транзита, меняющего структуру социума, обостряются по мере неконтролируемого нарастания миграционных потоков и оседания части мигрантов на долгие годы жизни. Далее при последующей неоднородной пространственной трансформации социального пространства (как в случае пространственной деформации, так и пространственного сжатия) возникают новые угрозы и риски, связанные с фактором пространственной нестабильности,

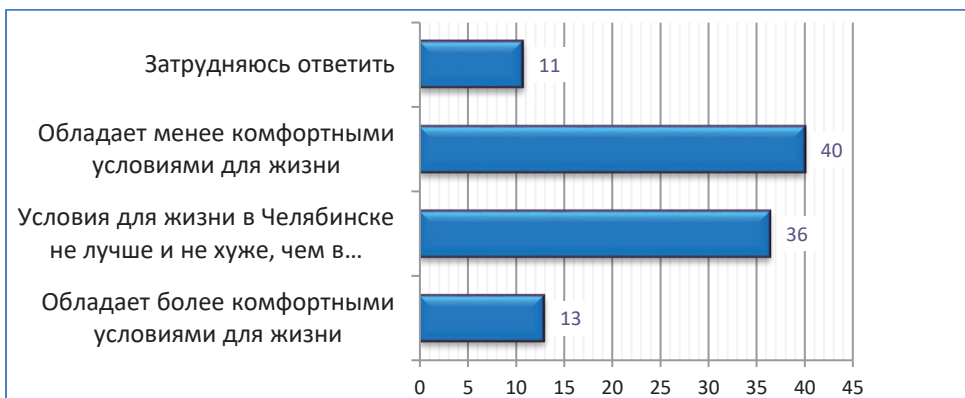

Рис. 6. Оценки условий жизни в Челябинске населением (Вопрос в анкете: «Как вы считаете, на фоне других региональных столиц России, Челябинск...?»), % от общего числа опрошенных

Данные социологического опроса населения города Челябинска, 2017 года, Челябинский филиал РАНХиГС. Даты проведения опроса: 26—31 мая 2017 г. Объем выборочной совокупности: 700 респондентов. Статистическая погрешность данных: ± 4 %. URL: <https://chel.ranepa.ru/nauka/sots-issledovaniya.php>.

Рис. 7. Оценки желания населения уехать из Челябинска, % от общего числа опрошенных (Вопрос в анкете: «Хотели бы Вы сменить место жительства и переехать из Челябинска?»)

Данные социологического опроса населения города Челябинска, 2021 год. Челябинский филиал РАНХиГС. Даты проведения опроса: 07—12 сентября 2021 г. Объем выборочной совокупности: 700 респондентов. Статистическая погрешность данных: ± 4 %. URL: <https://chel.ranepa.ru/nauka/sots-issledovaniya.php>.

неустойчивости *дальнейшего* социально-экономического развития.

**Заключение.
Перспективы перехода
к управляемой трансформации
и моделям пространственной
реконструкции**

Исследование миграционных процессов создает предпосылки для выявления перспектив обновления системы моделей

возможного пространственного развития территорий. Среди них рассматриваются как модели реновации, сохраняющие основы пространственной структуры территории, так и более сложные *модели пространственной реконструкции региона*, предполагающие существенные структурные преобразования. Система моделей пространственной реконструкции региона в той или иной степени затрагивает множество других моделей регионального

развития, образующих соответствующую базу для построения новых [4; 8; 9].

В настоящее время, по мнению авторов, альтернативы пространственной реконструкции для многих муниципальных территорий практически отсутствуют. Попытки минимизация негативных последствий оттока населения за счет увеличения притока населения (миграции) без рассмотрения его качественных характеристик бесперспективны. При этом накапливаются не менее разрушительные, но до поры скрытые, латентные угрозы сбалансированности и устойчивости регионального развития. Среди них:

- понижение трудового потенциала с просчитываемыми негативными последствиями для осуществления модернизации и внедрения высокотехнологичного производства;
- угрозы, связанные с изменением нагрузки на социальную инфраструктуру;
- риски, порождаемые сменой социокультурных характеристик регионального и городских социумов. При политике «открытых дверей» для мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья у регионального и муниципального социума возникает только краткосрочная и иллюзия появления социально-экономической устойчивости.

Специфика социального пространства муниципальных территорий предопределяет индивидуальность в разработке моделей их *пространственной реконструкции*, но в рамках общих положений обеспечения устойчивости развития и движения к сбалансированности основных параметров территорий. Здесь территория рассматривается как пространственная неоднородная и динамичная система с множеством возможных сценариев развития. При разработке индивидуальных моделей в них будут отражаться другие структурные преобразования: в региональном инвестиционном процессе, на региональном рынке труда, в особенностях социальной политики в появлении разрушительных по своим последствиям «чёрных лебедей» типа Covid-19 и др. Трансформация важнейших городских муниципальных территорий будет неизбежно затрагивать региональный пространственный поселенческий каркас. При формализации условий пространственной реконструкции как для сферы экономики, так и для социальной сферы особое значение приобретают оценки перспектив

роста качества жизни, в том числе развернутые многокритериальные [17].

В Челябинской области, исходя из отрицательной динамики роста численности населения и роста мигрантов, уже с 2018 года становятся все более очевидными признаки *пространственного сжатия*. Решение проблем пространственной реконструкции усложняется специфическими условиями территорий Южного Урала, складывавшимися на протяжении трёх столетий [7]. Новые приоритеты пространственной реконструкции вступают в противоречие с «унаследованными» концептуальными положениями, реализовавшимися в предшествующий исторический период. Здесь очевидно влияние «эффекта колеи» в аспекте социально-экономического развития региона [5].

Масштабный переход к пространственной реконструкции затрагивает принципиальный момент — необходимость обновления управленческой парадигмы, используемой для обеспечения устойчивого социально-экономического развития территорий [11]. Такое обновление связано в том числе с переходом к *«управляемой трансформации»*, которая становится пока действующей альтернативой эволюции пространственных преобразований. Сюда добавляются реализуемые национальные проекты, агломерационные факторы, трансграничные процессы и др.

Отметим, что проделанный анализ позволяет видеть и классифицировать происходящие процессы не как трансформацию роста (или сжатия), а именно как деформацию — изменение социального пространства. Практическая реализация *возврата к «управляемой» поэтапной пространственной трансформации взамен неуправляемой деформации* предполагает реализацию широкого комплекса мер. Для активизации пространственных преобразований и нивелирования негативных последствий неизбежно будут затрагиваться как экономические, так и социальные региональные процессы. Проведение исследований по дальнейшему изучению миграционных и других масштабных социальных процессов является необходимым условием разработки и реализации таких мер.

1. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3—17.

2. Бархатов В. И., Плетнёв Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.

3. Васильева Л. Н. Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009 № 6. С. 28—37.

4. Гордеев С. С. Визуализация в системе моделей пространственного развития: на примере трансграничной территории Урала и северного Казахстана // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2019. № 1 (3). С. 9—29.

5. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Подопригора А. В. «Эффект колеи» в развитии социально-экономического пространства региона. Часть 2. Кризисная трансформация «эффекта колеи» и её последствия для Челябинской области // Социум и власть. 2020. № 1 (81). С. 30—43.

6. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135—145.

7. Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Понькина А. О. Интеграционные приоритеты пространственного развития муниципальных образований в условиях формирования цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 2. С. 9—18.

8. Клейнер Г. Б. Государство — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 1 // Экономика региона. 2015. № 2. С. 50—52.

9. Клейнер Г. Б. Государство — регион — отрасль — предприятие: каркас системной устойчивости экономики России. Часть 2 // Экономика региона. 2015. № 3. С. 9—17.

10. Козлова О. А., Макарова М. Н. Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 1. С. 84—96.

11. Маркварт Э., Киселевой Н., Фербер И. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях : учеб. пособие. М., 2018. 282 с.

12. Нейтан Я. Искусство визуализации в бизнесе. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.

13. Растворцева С. Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития // Журнал экономической теории. 2018. Т. 15, № 4. С. 633—642.

14. Bobylev S. N., Solovyeva S. V. sustainable development goals for the future of rus-

sia // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28, № 3. P. 259—265.

15. Checkland P. Soft Systems Methodology: a Thirty Year Retrospective // Systems Research and Behavioral Science. 2000. № 17. P. S11—S58.

16. Gordeev. S. S. Visualization of the regional migration dynamic and change of models of sustainable development // Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region” (UESF-2021). E3S Web Conf. Vol. 258, 2021.

17. Gordeev S. S., Zyryanov S. G. Municipalities community references vector and management digitalization practice // 1st International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). Paris : Atlantis Press, 2019. P. 298—302.

18. Gray J., Bounegru L., Milan S., Ciuccarelli P. Ways of seeing data: towards a critical literacy for data visualizations as research objects and research devices // Innovative Methods in Media and Communication Research, 2017. London Palgrave Macmillan, 2017. P. 227—252.

19. Martin R. Path Dependence and the Spatial Economy: Putting History in Its Place // Fischer M., Nijkamp P. (eds) Handbook of Regional Science. Springer, Berlin : Heidelberg, 2020.

20. Remco I. L. The historical development of classical stability concepts: Lagrange, Poisson and Lyapunov stability // Nonlinear Dynamics. 2010. № 59 (173). DOI: 10.1007/s11071-009-9530-z.

References

1. Auzan A.A. (2015) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika*, no. 1, pp. 3—17 [in Rus].

2. Barhatov V.I., Pletnjov D.A., Kapkaev Ju.Sh. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Rus].

3. Vasil'eva L.N. Nasledie I.R. (2009) *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 28-37 [in Rus].

4. Gordeev S.S. (2019) *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 1 (3), pp. 9—29 [in Rus].

5. Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Podoprigo-ra A. V. (2020) *Socium i vlast'*, no. 1 (81), pp. 30—43. [in Rus].

6. Zubarevich N.V. (2019) *Voprosy jekonomiki*, no. 1, pp. 135—145 [in Rus].

7. Zyryanov S.G., Gordeev S.S., Pon'kina A.O. (2018) *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya*, no. 2, pp. 9—18 [in Rus].

8. Klejner G. B. (2015). *Jekonomika regiona*, no. 2, pp. 50—52 [in Rus].

9. Klejner G. B. (2015) *Jekonomika regiona*, no. 3, pp. 9—17 [in Rus].
10. Kozlova O. A., Makarova M. N. (2020) *Jekonomika regiona*, vol. 16, iss. 1, pp. 84—96. [in Rus].
11. Markvart E., Kiseleva N., Starodubovskaya I. (2018) Upravljenje prostanstvenimi izmenenijami na regional'nom i municipal'nom urovnjah. Moscow, 282 p. [in Rus].
12. Nejtan Ya. (2013) *Iskusstvo vizualizacii v biznese*. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 352 p. [in Rus].
13. Rastvorceva S.N. (2018) *Zhurnal jekonomicheskoj teorii*, vol. 15, no. 4, pp. 633—642. [in Rus].
14. Bobylev S.N., Solovyeva S.V. (2017) *Studies on Russian Economic Development*, vol. 28, no. 3, pp. 259—265 [in Eng].
15. Checkland P. (2000) *Systems Research and Behavioral Science*, no. 17, pp. S11-S58. [in Eng].
16. Gordeev. S.S. (2021) Visualization of the regional migration dynamic and change of models of sustainable development // Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region" (UESF-2021). E3S Web Conf. Volume 258. [in Eng].
17. Gordeev S.S., Zyryanov S.G. (2019) Municipalities community references vector and management digitalization practice. 1st International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2019). Paris, Atlantis Press, pp. 298—302. [in Eng].
18. Gray J., Bounegru L., Milan S., Ciuccarelli P. (2017) Ways of seeing data: towards a critical literacy for data visualizations as research objects and research devices. *Innovative Methods in Media and Communication Research*. London, Palgrave Macmillan, pp. 227—252. [in Eng].
19. Martin R. (2020) Path Dependence and the Spatial Economy: Putting History in Its Place // Fischer M., Nijkamp P. (eds) *Handbook of Regional Science*. Springer, Berlin, Heidelberg. [in Eng].
20. Remco I.L. (2010) *Nonlinear Dynamics*, no. 59 (173). [in Eng].

For citing: Gordeev S.S., Zyryanov S.G., Averyanova D.V. Visualizing migration processes in the Southern Urals' cities: from the social space transforming to its deforming // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 94—106. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-94-106.

UDC 332.12 + 314.7

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-94-106

VISUALIZING MIGRATION PROCESSES IN THE SOUTHERN URALS' CITIES: FROM THE SOCIAL SPACE TRANSFORMING TO ITS DEFORMING

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch
Head of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Cand. Sc. (Economics).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Sergey G. Zyryanov,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Editor-in-chief of the Scientific Journal
"Socium i vlast'",
Senior Researcher of the Laboratory
of Spatial Development Models,
Doctor of Political Science, Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ziryryanov-sg@ranepa.ru

Daria V. Averyanova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Laboratory of Applied Political Science
and Sociology.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Abstract

The authors present the results of studying migration processes as one of the factors that determine the transformation of the regional social space. Applying migration indicators to assessing prospective spatial changes presupposes a multivariate analysis of developing complex heterogeneous systems. The version of applying problem-oriented visualization tools presented by the authors significantly expands the possibilities of such an analysis. Assessment, systematization and subsequent classification of migration characteristics are considered within the framework of a multi-stage graphical digital analysis procedure. The problems of migration dynamics characterize a number of problems of the incipient deformation of social space. The main provisions and results of the study are presented as exemplified by the five largest urban areas of the Chelyabinsk region. The key contradictions generated by the processes of regional migration are presented for various urban areas of one of the leading industrial regions of the Urals. These are contradictions: dynamics of population inflow — outflow; the ratio of the balance of migration and migration flows, etc. The results of the study make it possible to proceed to more complex models of spatial reconstruction and sustainable development of territories. Considering such models lays the groundwork for passing on to a controlled transformation in the spatial development of territories and reducing the signs of social space deformation.

Keywords:

spatial transformation,
sustainable development of development,
migration,
region,
models,
analysis,
visualization

Для цитирования: Погорельская Е. Ю.,
Чернов Л. С. Философия мастерства
(на примере наследия П. П. Бажова) //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 107—119.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-107-119.

УДК 130.2

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-107-119

ФИЛОСОФИЯ МАСТЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ НАСЛЕДИЯ П. П. БАЖОВА)

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,

Уральский государственный
горный университет,
доцент, доцент кафедры философии
и культурологии,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация

Работа посвящена философии мастерства, представленного в сказах уральского писателя Павла Петровича Бажова. В качестве основания феномена мастерства выступает классическая философия Платона в её сократическом варианте. Авторы статьи видят своей целью доказательство тесной взаимосвязи практического ремесленного уральского творчества, представленного в мифологии и литературе П. П. Бажова, и классических метафизических установок

европейской философии. Личность и фигура мастера становится цементирующим звеном между миром природы и миром культуры. Мастерство в его философском и практическом виде выступает опорой естественному отношению к природе, искусству, к человеку вообще. Авторы расшифровывают феномен мастерства в сказах П. П. Бажова, анализируют его модусы и специфику проявления. Уральские сказы П. П. Бажова в описании феноменов мастерства и подлинного творческого отношения к природе повторяют структуру классического отношения к миру и логически соответствуют структуре творческого отношения мастера-поэта к создаваемому им предмету. Специфика уральского творчества-мастерства заключена в том, что личность мастера воплощена не в идеологе, не в религиозном проповеднике, не в интеллектуале, а в мастере, который максимально конкретно и тесно взаимодействует со стихией природы. Работа погружает сказы П. П. Бажова, написанные в советский период русской истории, в общемировой контекст исследования природы подлинного живого творчества, а также акцентирует в уральском мастерстве региональный и совершенно особенный конкретный аспект.

Ключевые слова:

сказы Бажова,
философия ремесла,
природа вещи,
мастер,
техническое,
талант,
любовь,
подлинное,
Хозяйка Медной горы,
Данило-мастер

*В полмира снег, сугробы и метели,
сплошная ледяная благодать...
Ну где ещё о Греции мечтаешь,
когда бы не Россия.
В самом деле... [10, с. 9]*

Майя Никулина

Введение

Урал — особое географическое место, называемое в России Каменным поясом и Каменным хребтом. Эти именованья относятся и к географии, и к культурной характеристике Урала. Здесь ценно мастерство, умение обращаться с камнем, чугуном, железом, и в первую очередь как ценность отмечают именно его. Ремесленничество, мастерство, творчество, описанные и проанализированные в уральских сказах П. П. Бажова, имеют под собой философские основания, которые не являются сугубо уральскими, местными, а представляют специфическое региональное воплощение базовых философских идей мастерства, ремесленничества, творчества вообще. К данному предмету — связи уральского мастерства в творчестве уральского писателя Павла Петровича Бажова и философии мастерства — обращаются авторы этой статьи. Как ни странно, именно ремесло-мастерство по своим задачам и основаниям оказывается ближе всего к философии. Это естественно, ибо философия онтологически анализирует происхождение творчества и сама является при этом специфическим видом творчества. Основная идея работы заключается в том, что в философии, прежде всего в философских диалогах Платона, даны основные идеи, которые помогают нам осмыслить глубину наследия, отраженного в уральских сказах П. П. Бажова. И хотя сегодня такие литературоведы, как Д. Быков, могут позволить себе провокативные высказывания, дескать, «Бажов изобрёл Урал с нуля»¹, мы же будем исследовать логику и факты, а не «придумывать» новые теории. Связь философии Платона, философии как особого вида творчества вообще и природы уральского мастерства оказываются очевидными.

Работа состоит из двух частей: в первой большее внимание уделяется Платону, во второй — П. П. Бажову.

¹ В Екатеринбурге в детском театре «Щелкунчик» Д. Быков 02.02.2018 прочитал лекцию «Сказ о том, как Бажов изобрёл Урал», краткий конспект этой лекции см.: <http://культура.екатеринбург.рф/articles/676/i235252/?cecutient=1>.

Основы философии мастерства

При исследовании мастерства в первую очередь исследуется *techne*, техническое, которое есть способ извлечения особых смыслов из предметов. *Techne* — искусство мастера в его взаимодействии с природой вещи. Оно может рассматриваться одним из способов отношения к природе вообще и к природе вещи в частности. Например, к природе (натуре, естественному, вещи) можно относиться созерцательно, умозрительно, прагматически, уважительно, чувственно, религиозно и т. д. Техническое представляет собой один из множества способов отношения человека к природе, и этот способ исторически трансформировался с того времени, когда техническое стало посредником между человеком и природой.

Если мы посмотрим на представление о природе вещей в античную эпоху, то обнаружим следующее: природа у каждой вещи своя, и она является неким барьером, загадкой для мастера. Прежде чем что-то с вещью делать, как-то её использовать или изменять, необходимо разобраться с тем, что на самом деле находится перед тобой. Мастер здесь — со-творец Богу, он высвобождает природу вещи из её собственных оков. М. Хайдеггер пишет: «Нам следовало бы научиться сознать, что вещи сами суть места, а не только принадлежат определённому месту» [18, с. 98]. Работать с вещью в таком случае — значит работать с самим пространством и это не то же, что считать пространство некой условностью или же вместительным всех вещей.

Первичные технические способности человека определяются не столько пользой, прагматикой, сколько любовью, сочувствием к вещи, пониманием её природы, желанием эту природу раскрыть и оформить, доделать, достроить. Мир для греков представлен волшебным сосудом (кувшином, пещерой, сокровищницей) с драгоценностями: некоторые из них можно просто рассматривать и любоваться, а некоторые требуют дополнительной работы по выявлению их потаённой сущности. Такой мир рождает удивление и потому философия как вид познания и мастерство ремесленника не противоречат друг другу.

Мастер — особый человек, через свое дело видящий и понимающий красоту места, в котором он живет, и вещей, которые рядом. Если взять цикл сказов П. П. Бажова о Даниле-мастере, то мы увидим особый строй души человека, который с малых лет отличается специфической задумчивостью

и вниманием к красоте земного. Данилушко, будучи еще ребенком, отличается от своих сверстников отсутствием обычной житейской прагматики и хватки, находясь изначально в двух мирах: и в божьей коровке, и в крошечном соцветии он видит красоту и изящество. Этот особый эстетический и философский взгляд на мир под влиянием учительства Прокопьяча, старого мастера-камнереза, угрюмого, придирчивого старика, превратил Данилушку в настоящего мастера. У Прокопьяча до Данилы было много нерадивых и бесталанных учеников, но никому он своё умение обращаться с камнем не передал. Мастер в этом смысле сам является той специфической «вещью», которая только и может быть трансформирована, раскрыта. Только к ней следует прилагать усилия, ибо лишь она потенциально способна к развитию. Как из деревянного полена получается Буратино, но не Железный Дровосек, так и Данило-мастер получается из такого рода Данилки, а не из кого-либо другого, не из всякого, кто хотя бы и заплатил за учение. Интересно, что до Прокопьяча Данилко работал слугой в доме, выгоды в той работе не увидел, был бит, но в итоге на него махнули рукой — «блаженный» [2, с. 49].

Подлинный мастер может быть «изготовлен» учителем только из добротного «человеческого материала». В этом смысле раскрытие природы вещи идет рука об руку с формированием самого мастера. Учительство Прокопьяча здесь сродни «повивальному ремеслу» платоновского Сократа.

Платон в диалоге «Тезетет» рассказывает об особенностях повивального ремесла, которому Сократ научился у своей матери повитухи Фенареты. Как повитухи помогают беременным женщинам родить ребенка, так и платоновский Сократ помогает тем, кто «не пуст», разродиться истиной. Сократ может разными способами попытаться «рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» [14, с. 202]. В ходе философской беседы с кем-либо Сократ может угадать¹ [17, с. 41—44], когда мысль собеседника рождает вздор и помочь выбросить «из головы» пустое. Сократ также может содействовать в произведении на свет настоящего шедевра; разница зависит от того, чем наполнен человек, с которым Сократ имеет дело. Истина рождается, она производится отношением и

¹ О настроении угадывания, как фундаментальной характеристике «другого начала» европейской истории пишет М. Хайдеггер, сам находящийся внутри сократического стиля философствования. См. Хайдеггер М. К философии (о событии) М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2020. § 6. С. 41—44.

потому крайне важно, кто вступает в отношение — здоровый или больной, талант или бездарь. «Значит, всё, что по своей природе может что-то производить, сталкиваясь со здоровым Сократом, будет взаимодействовать с одним человеком, а когда я болен, то как бы с другим» [14, с. 213]. То, что возникло в результате отношения, также влияет своим появлением на то, что его произвело, не оставляя прежним. В этом фиксируется созидательный процесс рождения/творения. Вместе с рождением истинного знания рождается истинный человек, а вместе с рождением ложного мнения, создается лжец.

Повивальное искусство в античной традиции суть ремесло. Извлечь из души вопрошаемого при помощи наводящих философских вопросов можно разное. В диалоге «Софист» Платон говорит о том, что если извлечение происходит, согласуясь с идеей прекрасного, то создается образ. Но если извлечение идет по иным канонам, то может возникнуть призрак, подобие бытия. Подобие/призрак тоже появится в мире, возникнет, но он начинает существовать как подобие/призрак. Иное/призрак всегда существует по отношению к бытию/подлинному. Иное не самодостаточно: «из существующего одно считается существующим само по себе, другое же лишь относительно другого»² [14, с. 327].

Мастер в сказках П. П. Бажова углубляется в природу вещи, стремясь разглядеть её красоту, закрытую от глаз непосвящённых, и находит полноту своего стремления в горе у Хозяйки. Подлинный мастер найдет в горе богатство, а «гнилой мастер», лукавый и плут богатства не добудут. Эта логика соответствует тому, о чем пишет Платон, когда акцентирует внимание на том, кто ищет истину. Истина жива, она не всякому дается, а потому часто вместо истины в диалоге между автором и творением появляется призрак, а вместо богатства — только смрадный дух. Ваньке Соченю не изумруды достались от Хозяйки Медной горы, а то, что «по его характеру»: «И тут такой, слышко, дух пошел, — терпеть нельзя. Ровно палую лошадь либо корову затащили» [3, с. 88]. Талант мастера — особый дар, а служение таланту позволяет добыть истину о вещи. Крайне важно, что владеть этой истиной нельзя, можно только любить её и радоваться. А если захочет кто-то ей завладеть, «на себя примерить», так и обернется

² Отметим, что подобного рода логику в отношении источника зло позднее восприняли неоплатоники и ещё позднее христиане, в частности Августин.

истина «убытком». В сказе «Тяуткино зеркальце» барыня «немецких кровей» затребовала у горных мастеров вырезать зеркало, что в горе обнаружилось. И хотя говорили ей мастера, что нельзя этого делать, обвал будет, но разве барыне заморской это интересно? «Хочу, чтоб это зеркало у меня стояло, потому что я хозяйка этой горы» [3, с. 109]. Смысл того, чем заканчивается «стяжательство не своего» знаком нам с детства из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Смысл этот основан на естественной иерархии мирового устройства: у всякого места есть хозяин, и на чужое не стоит метить, добром такое не кончится. Заграничная барыня из «Тяуткина зеркальца» с тех пор, как при ней «рудой из зеркала плюнуло», всё «дураков рожала», а зеркало в горе осыпалось.

Повторим — подлинное (божественное) искусство производит живые тела и неживые предметы, а также тени от этих тел и предметов, которые Платон называет естественными призраками. «Есть два произведения божественного творчества: сама вещь и образ, её сопровождающий» [14, с. 342]. Образом, сопровождающим вещь, является тень, которая есть иное вещи или тела, поэтому Платон и говорит: «Небытие явилось у нас как один из родов, рассеянных по всему существующему» [14, с. 334]. Небытие существует, но именно как подобие бытия, как тень. Природа же вещи — то, что, с одной стороны, определяет вещь, делает её собой, но с другой стороны природа вещи до определенной степени пластична, то есть поддается влиянию.

Любые природы между собой могут до определенной степени перемешиваться. Новое производится благодаря отношению, в которое вступают различного рода природы вещей. Если в отношении вступает здоровое и больное или истинное и ложное, то плод этого отношения будет с неизбежностью носить отпечаток «обоих родителей». Ремесло мастера, который справедлив и заботится о природе вещи, с необходимостью принесет/доставит в мир истинное. Мастер привлекает, очищает, проясняет природу вещи. Мастерство здесь связано с тайной вещи, ибо понимать вещь может только влюбленный, видящий «особыми очами».

В основе платонического творчества и ремесла-мастерства в том виде, в котором его описывает П. П. Бажов, находится любовь. Именно любовь позволяет мастеру распознать подлинную красоту и вывести её наружу, прояснить. Любовь, согласно Платону, бывает небесной и пошлой. Разные типы

любви дают нам разные способы отношения к предмету страсти. Небесная любовь связана с Афродитой, которая родилась от Урана (Неба) без матери. Любовь пошлая произошла от Зевса и Дионы и это «та любовь, которой любят люди ничтожные» [14, с. 90]. Любовь небесная требует от мастера заботы о нравственном совершенстве предмета любви, она требует от мастера раскрытия красоты и силы в любимом предмете. Пошлая любовь вторична по происхождению, она не связана с прекрасным, а являет собой воплощение плотских интересов; по сути, это и есть тень любви небесной.

Платон в диалоге «Государство» доказывает, что подлинное ремесло врача — заботиться о болящем человеке, и заключается оно в том, чтобы выпустить на волю «логос здоровья» — сделать человека здоровым. И мастерство пастуха, например, заключается в том, чтобы сохранить в лучшем состоянии стадо, то есть заботиться о стаде, дать ему лучшее. Справедливым будет прилагать умение/мастерство к предмету, заботиться о предмете. «Всякое искусство, Фрасимах, это власть и сила в той области, где оно применяется... Следовательно, любое искусство имеет ввиду пригодное не сильнейшему, а слабейшему, которым оно руководит» [13, с. 55]. Несправедливым, соответственно, будет извлечение выгоды из предмета заботы. Например, лечение человека не для обретения им здоровья, а для получения с него денег. Или — управление государством не ради процветания его граждан, не ради счастья народа, а ради собственных интересов, или — создание вещи только ради продажи и выгоды. Возможность смешения бытия и его иного (небытия) позволяет родиться призракам и призрачным отношениям, которые со-существуют с остальными предметами и вступают с ними в связь.

Мастер имеет дело с подлинным и потому мастер — «категория нравственная», — говорил поэт [9]. Мастер — не простой человек, а наученный; здесь речь не идет о профессионализме, как о фонде освоенных образцов. Мастер обладает даром, особым талантом, плата за который достаточно сурова, поскольку талантом, даром нельзя пренебречь, он требует самоотречения, «священной жертвы». Библейская притча о талантах повествует о том, как господин, уезжая, дал таланты (меры серебра) своим рабам с наказом — умножить, причем каждому таланты даны были по силе его. Тот, кому дали пять талантов — пустил их в дело, которое принесло прибыль, в пять раз превышающую исходную сумму. Тот, кото-

рому досталось два таланта — умножил их своим старанием в два раза. А тот, которому достался один талант — испугался неудачи, растраты и, не веря в благость господина, закопал талант в землю, чтобы впоследствии вернуть тому, кто в его глазах представлялся несправедливым и жестоким. Согласно притче, рабы, которые с умом распорядились своей долей талантов, получили от господина сполна и одобрение, и, собственно, результат своей «заботы», то есть прибыль от умноженных, приращенных талантов. У нерадивого и трусливого раба было забрано то, что имелось, и сам раб брошен был в темницу. Отсюда и известная поговорка — «нельзя закапывать талант в землю», которую можно понимать буквально как то, что если у человека есть дар/талант свыше, то он требует обязательного служения, поскольку «придут и спросят». Талант в этом смысле связан с риском, ведь творить-служить гораздо сложнее, чем просто создавать, как сейчас говорят, нечто новое, которое вовсе не укоренено в служении.

В уральских сказах П. П. Бажова мастер «не совсем от мира сего», а как бы только наполовину, поскольку мысль и душа мастера находится не среди людских желаний и забот, она всегда стремится к потустороннему, к красоте неземной, к тому, что мастера зовет. «Чаша мне покою не дает, — говорит Данилушко, — охота так её сделать, чтобы камень полную силу имел» [3, с. 35]. Существование запредельного/трансцендентного мира для мастера обязательно. Без этого мастерство не понять, поскольку равняется мастер всегда не на земное, а на то, что в обычной жизни образца не имеет. Подлинное искусство мастера отличается от обычного ремесла/поделки; никто из настоящих мастеров не будет подлинную вещь ни исправлять, ни чинить, даже если её и поломали, поскольку сделана она «не по земным фасонам».

Идеальный мир не всякому позволяет себя увидеть, а лишь тому, кто заслужил этого, не испугался. «Видно, Хозяйка смелость мою пытается. Это, говорят у неё первое дело» [3, с. 73], — смекнул Андрюха, когда под камнем лестница открылась в гору. А в горе — тепло, светло, лес каменный: деревья высокие стоят, а в ногах травы разноцветные, и колокольцы в них малахитовые с золотыми пчелками.

Трансцендентный мир, с которым онтологически связан мастер, являет Благо и потому дает образец для жизни. Трансцендентное у Платона представлено миром, куда

напрямую дороги нет и только деятельный влюбленный ум философа способен преодолеть оковы повседневной жизни и выйти на свет Блага. Идея Блага дает меру бытия вещи, само же Благо для человека непостижимо, чудесно. «В том, что познаваемо, идея блага — это предел, и она с трудом различима, но стоит только её там различить, как отсюда напрашивается вывод, что именно она — причина всего правильного и прекрасного» [13, с. 407]. Обычному человеку подлинное бытие трудно рассмотреть, но особенность философа и мастера в том, что истинное бытие к себе зовет. Мастер-каменерез у П. П. Бажова всегда отмечен особым знаком такого рода зова. Данило-мастер в прямом смысле слова одержим творчеством, как уже отмечалось выше — он с детства был особенным ребёнком, «блаженным». Такого же рода зов слышит и его сын Митя из сказа «Хрупкая веточка».

Невозможно иметь подлинную связь с трансцендентным, «кормиться» от него, использовать его и при этом не выполнять его указов. В сказе «Про Великого Полоза» рассказывается о том, как двум малолетним братьям, у которых умер старик-отец, открылось богатство, что показал им Великий Полоз, имеющий власть над всем уральским золотом. Одно только требование было у Полоза: «Чур, не жадничайте... Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, чтобы один человек другого утеснял» [3, с. 122]. С тех пор братья жили более-менее безбедно. Но благополучие человеческое всегда заметно со стороны, а у иных людей и зависть вызывает. Увидел приказчик, что сироты живут неплохо, вот и решил денег с них затребовать по пять сотен с души, за жизнь вольную. Деньги, возможно, такие и были у братьев, да только помнили они наказ Семёныча, богатство своё «не светить», вот и решили, что сначала один из братьев выкуплен будет, а затем и второй. Младший Костька хитрее старшего Пантелея, младшего и выкупили, а старший брат пошел работать на барина на Крылатовский прииск и дожидаться, пока его младший выкупит. Но Костька забыл зарок «не жадничать и не притеснять», стал думать только о себе. Трансцендентное проявилось в сказе через рыженькую девчонку, которая спросила Костьку: «Отчего ты брата не выкупишь?» Этот вопрос — явное предупреждение и одновременно совет, напоминание о правильном поступке. В итоге умер хитрый Костька, а Пантелей выкупился сам.

Произведения искусства, сделанные мастерами, можно рассматривать как

символы трансцендентной реальности, присутствующей в мире людей. Символ — связь миров, свидетельство того, что трансцендентный мир существует. «Представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [7, с. 191].

Мастер в этом смысле совершает символическое действие с самим собой, своей внутренней жизнью и сам является связующей силой между миром людским и миром Горы (миром земных недр и богатства, в случае сказов П. П. Бажова). Если проводить аналогию между мастерством камнереза и иконописца, то мы знаем, что первые древние иконы не имеют авторства. Или же авторство в них не выпячивается, хотя автор может быть и известен: школа Андрея Рублёва, новгородская школа, невьянская икона. Настоящая икона делается многими людьми, её в прямом смысле слова пишут «соборно»: так трудно и важно подобрать дерево, приготовить краску, выбрать время для начала нанесения краски, сделать левкас, паволоку, склеить доски правильными шпонками и т. д. В итоге, как пишет П. А. Флоренский, через икону открывается окно в иной мир. Окно в этом смысле — вещь, произведение мастера (иконописца, художника, ремесленника, камнереза, литейщика, поэта), соединяющее собой мир человеческий и мир потусторонний.

Мастер существует между этими мирами, неся в мир человеческий неземную красоту, обогащая его. У Платона такой человек называется гением. Задача гения «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью... Не соприкасаясь с людьми, боги общаются и беседуют с ними только через посредство гениев — и наяву и во сне. И кто сведущ в подобных делах, тот человек божественный...» [14, с. 112—113]. Платон считает, что одним из гениев является Эрот, воплощенная любовь к прекрасному, поэтому «Эрот не может не быть философом, то есть любителем мудрости, а философ занимает промежуточное положение между мудрецом и невеждой» [14, с. 114]. Удивительным образом в творчестве П. П. Бажова такого рода гением явился мастер-камнерез, мастер-добытчик, мастер-ювелир. Казалось бы, что люди такого

рабочего, низкого сословия не могут быть посредниками между миром платоновских идей и миром земли, но в ситуации уральского ремесленничества так и происходит. Не приказчик, не барин, не учёный инженер, не хозяин, а именно мастер является тем «гением», о котором пишет Платон за две с половиной тысячи лет до того, как уральского мастера описал П. П. Бажов.

Конечно, существует идеологический соблазн прочитать сказы о народных мастерах согласно социалистическому мифу или мифу народническому. Однако если такую попытку осуществлять, то в её рамках и границах крайне сложно будет ответить на вопрос «почему мастер не позволяет эксплуатировать природу», достать из неё всё, что можно, преобразовать её, видоизменить. Социалистический миф и народническая идеология в самом широком виде подчинены парадигме просвещения. А для Просвещения природа, как правило, служит подсобным материалом, подручным средством достижения общественных целей. В случае П. П. Бажова остаётся непонятным — зачем мастер допускает существование и власть Хозяйки, Великого Полоза, Серебряного Копытца, — всех тех существ, лиц, «мифологических персонажей», которые диктуют мастеру законы и правила поведения?

Мастерство в этом смысле близко изобретательству. Оно как дар требует от своего владельца-мастера не только раскрытия таланта, умножения, служения, но и его почтения, которое связано с пониманием того, что тайну этого дара нельзя передавать «пустым людям», кому попало. Ремеслу обучаются, но само ремесло имеет секреты. Без секрета мастер не мастер. Сказ «Коренная тайность» повествует о загадке аносовского булата, придуманного мастерами уральского города Златоуст. И хотя знаменитый аносовский булат был описан в русских журналах первой половины XIX века, тем не менее варил его сначала только мастер-металлург Николай Швецов, а потом его сын Павел. Но некому было передать тайну мастерства булатной аносовской стали, и потому секрет её был утерян. Николай Швецов учил, что «тайность» булатного дела можно передавать только перед смертью и только надежному человеку. Эту тайность нельзя купить за деньги, «её добром отдают, только не всякому» [4, с. 287]. Вспомним, Сократ сам ничего не писал, передавая свою мудрость устно.

Подобного рода отношение к мастерству как к дару возможно, допустимо и необхо-

димо. Плоды работы мастер несёт в мир, они не принадлежат ему самому и потому особого богатства от них получить нельзя. Мастерство само по себе как дар и есть богатство, Благо, а точнее — проявление Блага в конкретном человеке, проявление Блага как таланта. Талант как таковой здесь нельзя передать, он не подлежит экспорту. При этом тайный рецепт, рожденный талантом, украсть можно. Попав в «случайные руки», это знание может принести много бед, поскольку пользоваться им будут люди с непонятными целями, а не в служении своему дару как таковому. «Что такое Тяга, Дар, не знает даже сам одаренный, но принимает его как знак избранничества и высокой судьбы» [9, с. 106]. Вспомним, что уже Пифагор запрещал своим ученикам рассказывать математические секреты (уравнения, формулы) простым людям, не входящим в пифагорейский союз. Знание о природе вещей не может принадлежать всякому, это знание нужно заслужить, быть достойным его.

Талант мастера позволяет создавать новые миры и здесь он, как творец, конечно же, является законодателем, поскольку творит новый мир, и в этом смысле он абсолютно свободен. «Самокатающееся колесо», — говорит о таком человеке Ф. Ницше; ребенок, устанавливающий новые правила.

Символом Урала является камень. Любой подлинный символ суггестивен; находясь на границе миров пространственных и временных, он влечет к себе людей, смыслы и события как воронка, как любая дверь, которая всегда предполагает выход в иное. Недаром сказочный камень стоит на перекресте дорог. Камень в пещеру затворяет вход, но убрав камень, в пещеру можно войти. Камень на шее уведёт в омут, но именно камень закладывают в основании Храма как свидетельство прочной основы. Камень может стоять на могиле как свидетельство нерушимой памяти, но каменное сердце ничего не чувствует. Можно быть нерушимым как камень, стоять насмерть, защищая город, но можно камнями закидать невиновного. Очевидно, что камень амбивалентен, как любой древний культурный символ. Уральский камень все вышеперечисленные признаки и качества камня усиливает. Если использовать образ платоновской пещеры, то оказывается, что в мире теней, внутри пещеры, в горе — есть нечто, что в темноте даёт нам знание о свете, о Благе, о красоте, о том, что Платон называл миром идей. Понять и увидеть это — значит, не выходя из пещеры, знать об этом мире.

Мастерство в сказах П. П. Бажова

Акцентируем первую часть работы конкретными примерами сказов П. П. Бажова. Используем такие известные, как «Каменный цветок», «Горный мастер», «Медной горы Хозяйка», «Малахитовая шкатулка», «Хрупкая веточка». Усилим аспекты феномена мастерства примерами классической художественной традиции, которая восходит к базовым положениям платоновской философии. Выделим элементы избранничества, жизни, припоминания и любви как системообразующие для характеристики феномена творческого мастерства-ремесленничества в том виде, как их описывал П. П. Бажов.

Избранничество. Мастером может быть не всякий, и избрание происходит не по внешнему качеству, а по качеству гениальности/таланта. К гениальности прибавляется обычная человеческая порядочность/совесть. Степан Петрович выбран Хозяйкой Медной горы (сказ «Медной горы Хозяйка») без его ведома, но для подтверждения избранничества ему даётся два испытания — назвать приказчика «душным козлом» и выбрать невестой Настю, а не Хозяйку. После этих испытаний Хозяйка помогает всю жизнь Степану, его жене и дочери. Конец сказа «Малахитовая шкатулка» повествует о соединении Танюшки с Хозяйкой. Так избранничество мастера Степана и симпатия к нему Хозяйки (у него мёртвого в руке её слёзы) оборачивается отождествлением потомства Степана, его крови с самой Хозяйкой. Отметим, что Танюшка сама прекрасная мастерица, девушка гордая и умная. Та шутка, с которой Хозяйка обращается к Степану: «берёшь меня замуж али нет?» оборачивается символическим удочерением Танюшки. Хозяйка относится к ней, как к дочери, так, будто Степан согласился и взял Хозяйку в жёны. Хозяйка в образе странницы мастерицы прямо называет Танюшку «дитяткой и доченькой», а Танюшка «к этой женщине так и льнёт, так и льнёт». Такого рода избрание, выделение из многих сродни чуду, необъяснимому выбору тебя без твоего ведома.

Однако избранничество мастером осознано. Поэт обращается к «поэту»: «Ты царь, живи один дорогою свободной // Иди, куда влечёт тебя свободный ум, // Усовершенствовав плоды любимых дум, // Не требуя награды за подвиг благородный, // Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд»¹. Так, пушкинский не избранный Сальери не может понять, почему Моцарт безответственно относится к своему творчеству, поэтому

¹ См. Пушкин А.С. — сонет «Поэту» 1830 года

и упрекает: «Ты, Моцарт, недостойн сам себя». Так мастера каменщики восхищаются чашами Данилы, сделанной по чертежу и сделанной по дурман-цветку. Он же, автор, одну разбивает, а в центр другой плюёт. Эти две вещи не соответствуют его осознанному избранничеству.

Осознанность (рефлексивность) избранничества хорошо иллюстрирована в эпизоде ухода Данилы «в гору» (сказ «Каменный цветок»). Данило в детстве был «недокормышом», казался блаженным, не умел прислуживать и даже не мог сторожить заводское стадо, так заигрывался на рожке. Едва выжив после наказания, Данило становится учеником Прокопьяча. Ранее Прокопьяч не брал никого в ученики, а в Даниле увидел печать избранничества. Перед уходом «в гору» на несколько лет Данило разбивает чашу, сделанную по дурман-цветку. Чаша ему самому не нравится, и он ночью после вечеринки у невесты слышит, как кашляет старый Прокопьяч: «Кашлем-то этим Данилушку, как ножом по сердцу, резануло. Всю прежнюю жизнь припомнил. Крепко жаль ему старика стало» [2, с. 65]. Такой поступок (разбить красивую дорогую уникальную чашу) имеет смысл жертвы, как платы за ученичество. Данило понимает, что без наставничества и участия старого мастерства неизвестно кем бы он сам стал. Избран Митюнька из сказа «Хрупкая веточка». Митюнька — сын Данилы и Кати с горбиком, меченный, а с детства сообразительный, смыслённый такой, что и взрослые к его советам прислушиваются. Митюньке невидимым образом помогает Хозяйка и в мастерстве, и в побеге от барина и приказчика.

Избранничество подчёркивается противоположностью, ситуацией претензии на избранничество. Чаша по чертежу от приказчика Даниле-мастеру не нравится. Такая чаша претендует на красоту и не показывает подлинную силу камня; главная её ценность — денежная. Жена приказчика Пороти не может примерить на себя украшения из малахитовой шкатулки. Они и волосы рвут, и мочки ушные разрывают, и пальцы так заковывают, что не снять. После смерти Степана слёзы Хозяйки, которые были камнями, в его руке «рассыпались в пыль» (сказ «Медной горы Хозяйка»), а её собственные украшения превратились в капельки, похожие на слёзы и кровь (сказ «Малахитовая шкатулка»). Эти превращения сокровища в прах, в пыль подчёркивают, что избранничеством нельзя владеть объективно предметно, как предметом-объектом, деньгами или чем-либо подобным.

Живое. Вновь отметим, что творчество, связанное с камнем — подлинно живое, как живы подлинная поэзия, музыка, литература, живопись¹ [1; 8]. То, что образец-идеал для мастера находится в горе, не должно пониматься как «внизу», «под землёй». Каменное не значит мёртвое, и каменное не противостоит естественному, природно живому. Классическая логика сохранена — мир вещей суть копия мира подлинной красоты, справедливости. Так Данила делает свой цветок по дурман-цветку и видит, что цветок «не живой стал и красоту потерял» (сказ «Каменный цветок»). Живое для мастера — значит сильное, сам мастер говорит: «Видно, не подняться мне выше-то, не поймать силу камня». Согласно логике сказов «выше» — значит «глубже». Это направление вниз не должно смущать читателя. Как верх и низ пространственно меняются местами, так и время, прошлое и будущее, могут меняться местами в мире описываемых событий. Классический пример пространственного превращения низа и верха мы видим в «Божественной комедии», когда в Тридцать четвёртой песне Ада автор и проводник сначала спускаются вниз, а потом неизъяснимым образом оказываются наверху: «Я ждал, глаза подьменя к Сатане, // Что он такой, как я его покинул, // А он торчал ногами в вышине» [6, с. 181]. Спускаясь в глубины ада по телу Люцифера, герои неожиданно обнаруживают себя идущими вверх к Чистилищу. Яркий пример временного превращения видим у Н. Гумилёва в «Заблудившемся трамвае»: «В красной рубашке, с лицом, как вымя, // Голову срезал палач и мне, // Она лежала вместе с другими // Здесь, в ящике скользком, на самом дне» [5, с. 334]. Палач только срезал голову тому, кто пишет стих, а она уже лежала в ящике: спрашивается, а кто пишет? Согласно мифологической логике стиха, голова уже лежала в ящике до того, как её срезали и описывает срезание головы тот, кому она принадлежит. Как будто он точно знает, что в конечном счёте будет так. Настоящее, прошедшее и будущее смешаны в единое целое. Подобного рода инверсий верха и низа, прошлого — настоящего —

¹ Проблема подлинно живого анализируется в современной философии Д. Агамбенем. Агамбен Д. *Homosacer*. Суверенная власть и голая жизнь / пер. с ит. М. Велижев, О. Дубицкая, С. Козлов, И. Левина, П. Соколов. М.: Европа, 2011. 256 с. Также в лекциях о Прусте М. К. Мамардашвили неоднократно подчёркивает, что выделение живого и мёртвого является существенной философской проблемой настоящего времени. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: AdMarginem. 1995. 545 с.

будущего мы во множестве наблюдаем в волшебных сказках, древних мифах и в культуре в целом. Здесь сказы П. П. Бажова — не исключение. Хозяйка в сказе «Малахитовая шкатулка» начинает двоиться, её одновременно видят в разных местах. Пространство, место и время смешиваются, перестают подчиняться естественным причинно-следственным событиям.

В «Каменном цветке» Хозяйка говорит Даниле: «Камень будет тебе по мыслям твоим». Подобного рода фраза возможна в логике Парменида — Платона — Гегеля, исходя из которой мысль (идеальное) первичнее, т. е. живее вещи и между мыслью и идеальной вещью в предельном смысле слова существует тождество.

Существенное доказательство подлинной живости, жизненности мира Горы и всего подземного в сказках мы обнаруживаем через элемент смеха. Смеховое в культуре является ярким показателем границы между миром живых и мёртвых. Хозяйка медной Горы часто обозначается семантически принижено «девкой». И эта «девка» много и часто смеётся, что для мира загробного, мёртвого, неживого — невозможно. Хозяйка шутит, надсмехается, испытывает людей смешными испытаниями; она смеётся много, часто, порой «хохочет-заливается» (сказ «Малахитовая шкатулка»). Подобного рода поведение не свойственно миру неживому, наоборот — в нём присутствует запрет на смех. Как пишет В. Я. Пропп: «Живые видят, говорят, зевают, спят, смеются. Мёртвые этого не делают» [15, с. 231; 16, с. 105; 19, с. 65; 20]. Естественно, что смеющаяся девка, каковой является внешне строгая и холодная Хозяйка в прямом смысле слова «тёплая», «горячая». Перед прощанием со Степаном (сказ «Медной горы Хозяйка») она плачет, и свои слёзы-кашечки отдаёт Степану: «Кашечки холодные, а рука, слыш-ко, горячая, как есть живая и трясётся маленько».

Крайне важно, что посмотреть Каменный цветок Хозяйка приглашает Данилу не в огород, не в лес, не в подземный город, а в сад. Сад — архаический символ Эдема, первого в истории человечества сада. Деревья в этом саду хоть и каменные: «Ну, всякие <...> только живые, с сучьями, с листочками» (сказ «Каменный цветок»). Этот сад для Данилы суть архетипический живой образец для всех его возможных творений. Чтобы он ни делал в миру, он будет только приближаться к тому, что может увидеть здесь, в саду у Хозяйки.

Припоминание. В сказе «Малахитовая шкатулка» купившая шкатулку с драгоцен-

ными украшениями женщина не может заставить мастеров подогнать кольца и серьги под неё лично. Они не берутся исправлять то, что сделано настоящим мастером. «Тягаться с ним всем нашим не по плечу», — говорит один из местных. Память в этом смысле — источник творчества. Необходимо помнить, что есть образец, архетипический символ, воплощённый идеал, к которому следует стремиться. Этот образец можно никогда не увидеть, но стремиться к нему нужно и нужно помнить, что он есть, пусть даже в модусе возможности. Т. е. может быть. Мы помним, что Данило-мастер так и не видит Каменный цветок, хотя приходит к Хозяйке именно за ним. Хозяйка показывает ему свой сад, в котором и «змейки трепыхаются», и «зелёные колокольцы малахитовые», и деревья из змеевика-камня, и многие другие чудеса, а Каменного цветка нет. Каменный цветок так и остаётся недостижимым, невидимым идеалом, который служит источником и ресурсом творчества, движения вперёд. Это закон мифологической логики — для движения вперёд нужно помнить исток. Без истока всё новое, придуманное «из головы» или же созданное «ради интереса» — теряет фундамент, основу. Цель возможна сама по себе, если есть основа; у Аристотеля мы видим соединение цели и причины в феномене «энтелехии». М. Хайдеггер пишет радикально: «Поиск сам есть цель» [17, с. 38].

Например, перед тем как показать каменный сад, Хозяйка предупреждает, что, кто увидит цветок, «ко мне же и ворочается» (сказ «Каменный цветок»). Здесь мастер находится в апории — без цветка он не может жить, а увидев цветок — не сможет жить в мире. Такая апория соответствует идее платоновского анамнесиса как познания — припоминания. Я уже нечто знаю и потому всё новое суть припоминание старого. Но знать своё старое я могу, только припоминая его через вещи этого мира, через новое. Память актуализируется здесь, а направлена в прошлое, которое одновременно является источником движения, т. е. целью, находящейся в будущем. Вот слова Хозяйки: «Пусть у Данилы всё моё в памяти останется. Только вот это накрепко забудет! — И полянка с диковинными цветами сразу потухла». Таким образом, до конца не ясно, что Данило забудет, а что у него в памяти останется. А перед самым уходом Данилы из горы она произносит самое загадочное: «сам он пришёл за тем, что теперь забыл».

После возвращения в мир людей Данила-мастер становится авторитетным

камнерезом в кругу своих товарищей, поскольку память о времени «в горе» даёт ему ресурс и творческую энергию для работы. Однако она же становится источником его грусти, творческого и жизненного беспокойства. Напомним, перед своим уходом в гору, перед тем, как разбить чашу «по дурман-цветку», Данила веселился с парнями и девушками на празднике, который мы бы сейчас назвали венчанием. После этой вечеринки Катерина становится невестой Данилы, и именно эта роль помогала ей долгие годы ждать жениха. На этом же празднике девушки пели песни «по покойнику»: молодые умирали для прошлой неженатой жизни и начинали новую замужнюю жизнь. П. П. Бажов акцентирует внимание на обряде провожания. Смерть присутствует здесь в прямом смысле слова, а в соединении с разбитой чашей и пропажей Данилы на несколько лет она, смерть, прямо указывает на то, что мастер, тот, кто видит красоту и тот, кто избран — мертв для мира людей. А значит, жив для настоящей жизни.

Запрет говорить о том, что находится по ту сторону мира, в мире подлинной красоты — жизни, действует не потому, что Хозяйка запретила, а потому, что понять это может только тот, кому есть что вспоминать. Со всеми другими о такого рода припоминании говорить нет смысла. Здесь припоминание связано с избранничеством и они представляют собой единое целое. Если же произносить правильные слова, о которых ты ничего не помнишь, т. е. которые не наполнены для тебя внутренним содержанием — значит лгать.

Любовь. Данило-мастер одержим Каменным цветком (творческим предметом) так, как бывают одержимы страстью, любовным чувством. У Платона мы находим множество подобного рода сравнений. Душа пушкинской Татьяны Лариной «ждёт кого-нибудь», и это ожидание воплощается в Онегине. Действительно, потустороннее любить «в чистом виде» невозможно, как невозможно любить вообще. Необходим предмет, вещь, символ, через которые и в которые эта любовь была бы воплощена. В этом смысле «любовь мастера» противоположна любви Ромео и Джульетты, любовь которых при всей её интенсивности и драматичности в итоге бесплодна. У. Х. Оден анализирует любовь этой шекспировской трагедии: «Если приравнять влюблённость к любви, это приведёт к неистовству косметики, двуспальным кроватям и т. д. Любовь — это другое» [11, с. 93]. У. Х. Оден прозорливо отмечает в отношении Ромео и Джульетты, что они «обожают друг

друга, это и подводит их к самоубийству» [11, с. 95]. Мастер в этом смысле обязан свидетельствовать о мире ином; собственно, его ремесленническое свидетельство и является земным воплощением иного. Каменный цветок там, в горе, но здесь, на камнерезном станке и в руках умельца, он обязан воплотиться, иначе исчезает само мастерство. Так Петрарка в воображаемом диалоге с Августином оправдывается в своей любви к земной Лауре и защищает свою любовь: «Любовь к ней, несомненно, побуждала меня любить Бога» [12, с. 407].

Барин Турчанинов и приказчик Поротя влюбляются в Татьяну-Хозяйку, и это является любовью в чистом виде, они влюблены в идеал (сказ «Малахитовая шкатулка»), поражены им. Но они оба бесплодны, и их личностные качества противоположны личностным качествам мастера. Будучи мастерицей в самом широком, природном смысле слова (как демиург у Платона), Хозяйка оценит внимание только мастера и никого иного.

Однако творческая любовь не противостоит и не замещает любовь земную. Повторим, Степан Петрович выбирает Настю, а не Хозяйку. Данило-мастер после нескольких лет жизни в горе возвращается к Кате. Катя ждёт Данилу, отказывает всем парням, дерзит Хозяйке, буквально требуя жениха обратно. Хозяйка называет Катю «дурой», и эта характеристика точна, поскольку «дурак», как и мастер, соединяет собой два мира, мир нормальный и мир ненормальный. Здесь земная девичья любовь «дурочки» возвращает мастера в мир людей. Сам Данило перед выбором — остаться в горе или уйти к людям — говорит про Катю: «...я её каждую минуту помню» (сказ «Каменный цветок»). Живя в двух мирах, мастер любит и обычной любовью, и любовью к источнику творчества, к первоисточнику. А девическая любовь, хоть и кажется простой, но интуитивно основана на чувствовании мастерства. Так, в сказе «Хрупкая веточка» мастер Митюнька с горбом откровенно некрасив и даже ухаживать за девками боится, но мастерство пересиливает внешние признаки. Нашлась одна «девчонка», которая и ухаживания Митюньки приняла и «куда-то делась» с ним после ссоры барина с мастером.

Заключение

Таким образом, подводя общий итог, мы делаем вывод о тесной связи мастерства ремесленного, сугубо практического, и того типа творчества, который представля-

ет собой философия. Являясь мастерством в онтологическом, глубинном смысле слова, философия обеспечивает понимание и сопровождение творчеству мастера-ремесленника. Два, казалось бы, совершенно противоположных вида деятельности, два вида работы — умственная и практическая — тесно соединены и помогают понять друг друга. Мастерство уральского ювелира, рабочего-камнера оказывается сродни классическому высокому творчеству всей европейской культуры.

1. Агамбен Д. *Homosacer. Суверенная власть и голая жизнь* / пер. с итал.: Велижев М., Дубицкая О., Козлов С., Левина И. Соколов П. М. : Европа, 2011. 256 с.

2. Бажов П. П. *Уральские сказы*. М. Советская Россия, 1987. 352 с.

3. Бажов П. П. *Уральские сказы* : сборник. М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2017. Т. 1. 265 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=460615>— ISBN 978-5-4467-0910-6.

4. Бажов П. П. *Уральские сказы* : сборник. М. : Агентство ФТМ, Лтд, 2017. Т. 2. 287 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=460616>— ISBN 978-5-4467-0911-3.

5. Гумилев Н. Стихи. Поэмы. Тбилиси : Мерани. 1988. 494 с.

6. Данте А. *Божественная комедия* / пер. М Лозинского. М. : Правда, 1982. 640 с.

7. Лотман Ю. М. *Избранные статьи* : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. 479 с.

8. Мамардашвили М. К. *Лекции о Прусте (психологическая топология пути)*. М. : Ad-Marginem. 1995. 545 с.

9. Никулина М. П. *Камень. Пещера. Гора*. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2002. 120 с.

10. Никулина М. П. *Кермек*. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. 110 с.

11. Оден У. Х. *Ромео и Джульетта* // У. Х. Оден. *Лекции о Шекспире*. М. : Издательство Ольги Морозовой. 2008. 576 с.

12. Петрарка Ф. *Моя тайна или книга бесед о презрении к миру* // Петрарка. *Лирика. Авто-биографическая проза*. М. : Правда. 1989. 480 с.

13. Платон Афинский. *Государство* / пер. А.Н. Егунов. М. : Директ-Медиа, 2002. 635 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6933> (дата обращения: 06.04.2021).

14. Платон. *Собрание сочинений* : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 1993. 528 с.

15. Пропп В. Я. *Ритуальный смех в фольклоре* // В. Я. Пропп. *Проблемы комизма и смеха*. М. : Лабиринт, 1999. 288 с.

16. Фрейденоберг О. М. *Поэтика сюжета и жанра*. М. : Лабиринт. 1997. 448 с.

17. Хайдеггер М. *К философии. (О событиях)* / пер. с нем. Э. Сагетдинова. М. : Издательство института Гайдара. 2020. 640 с.

18. Хайдеггер М. *Искусство и пространство* / пер. В. В. Бибикина // *Самосознание европейской культуры XX века*. М. : Издательство политической литературы 1991. С. 95—99.

19. Чернов Л. С. *Живот культуры*. Екатеринбург : УРАГС, 2010. 203 с.

20. Чернов Л. С. *Смех нового человека // Современные реформы в России* : сб. науч.ст. Вып. 2. Екатеринбург : УРАГС, 2010. С. 135—183.

References

1. Agamben D. (2011) *Homosacer. Suverenajavlast' igolajazhizn'*. Moscow, Evropa, 256 p. [in Rus].

2. Bazhov P.P. (1987) *Ural'skie skazy*. Moscow, Sovetskaja Rossija, 352 p. [in Rus].

3. Bazhov P.P. (2017) *Ural'skie skazy: sbornik*. Vol. 1 Moscow, Agentstvo FTM, Ltd, 265 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=460615/> [in Rus].

4. Bazhov P.P. (2017) *Ural'skie skazy: sbornik*. Vol. 2. Moscow, Agentstvo FTM, 287 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=460616/>. [in Rus].

5. Gumilev N. (1988) *Stihi. Pojemy*. Tbilisi, Merani, 494 p. [in Rus].

6. Dante A. (1982) *Bozhestvennaja komedija*. Moscow, Pravda, 640 p. [in Rus].

7. Lotman Ju.M. (1992) *Izbrannye stat'i v treh tomah*. Vol. 1. Tallinn, Aleksandra, 479 p. [in Rus].

8. Mamardashvili M.K. (1995) *Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti)*. Moscow, Ad Marginem, 545 p. [in Rus].

9. Nikulina M.P. (2002) *Kamen'. Peshhera*. Gora. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii, 120 p. [in Rus].

10. Nikulina M.P. (2018) *Kermek* [Kermek]. Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, 110 p. [in Rus].

11. Oden U.H. (2008) *Romeo i Dzhul'etta. Lekcii o Shekspire*. Moscow, Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj, 576 p. [in Rus].

12. Petrarka F. (1989) *Moja tajna ili kniga besed o prezrenii k miru* // Petrarka. *Lirika. Avto-biograficheskaja proza*. Moscow, Pravda, 480 p. [in Rus].

13. Platon Afinskij (2002). *Gosudarstvo*. Moscow, Direkt-Media, 635 p. Available

at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6933> [in Rus].

14. Platon (1993). *Sobranie sochinenij* [Collected works], Vol. 2. Moscow, Mysl'. 528 p. (Filos.nasledie) [in Rus].

15. Propp V.Ja. (1999) *Ritual'nyj smeh v fol'klore // Problemy komizma i smeha*. Moscow, Labirint, 288 p. [in Rus].

16. Frejdenberg O.M. (1997) *Pojetika sjuzheta i zhanra*. Moscow, Labirint, 448 p. [in Rus].

17. Heidegger M. (2020) *K filosofii. (O sobytii)*. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gajdara,

640 p. [in Rus].

18. Heidegger M. (1991) *Iskusstvo i prostanstvo. Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 95—99 [in Rus].

19. Chernov L. S. (2010) *Zhivot kul'tury*. Ekaterinburg, URAGS, 203 p. [in Rus].

20. Chernov L.S. (2010) *Smeh novogo cheloveka // Sovremennye reformy v Rossii. Iss. 2*. Ekaterinburg, URAGS, pp. 135—183 [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E.Yu., Chernov L.S.
Philosophy of mastery (as exemplified
by P.P. Bazhov's legacy //
Socium i vlast'. 2021. № 4 (90). P. 107—119.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-107-119.

UDC 130.2

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-107-119

PHILOSOPHY OF MASTERY (AS EXEMPLIFIED BY P.P. BAZHOV'S LEGACY

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University,
The Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair
of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Yekaterinburg, Russia
E-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University, Associate Professor
of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract

The work is devoted to the philosophy of mastery presented in the tales of the Ural writer Pavel Petrovich Bazhov. The basis of the phenomenon of mastery is the classical philosophy of Plato in its Socratic version. The authors of the article see it as their goal to prove the close relationship between the practical handicraft Ural art, represented in the mythology and literature of P.P. Bazhov,

and the classical metaphysical attitudes of European philosophy. The personality of the master becomes a cementing link between the natural world and the world of culture. Mastery in its philosophical and practical form acts as a support for the natural attitude towards nature, art, and towards man in general. The authors decipher the phenomenon of mastery in the tales of P.P. Bazhov, analyze his modes and the specifics of manifestation. Ural tales of P.P. Bazhov in describing the phenomena of mastery and genuine creative attitude to nature repeat the structure of the classical attitude to the world and logically correspond to the structure of the creative attitude of the master poet to the object he creates. The specificity of the Ural art-craftsmanship lies in the fact that the personality of the master is embodied not in an ideologist, not in a religious preacher, not in an intellectual, but in a master who interacts with the elements of nature as concretely and closely as possible.

The work immerses P.P. Bazhov's legends, written during the Soviet period of Russian history, in the global context of research into the nature of genuine living creativity, and also emphasizes the regional and very special specific aspect in the Ural mastery.

Keywords:

Bazhov's tales,
philosophy of the craft,
nature of the thing,
master,
technical,
talent,
love,
genuine,
The Mistress of the Copper Mountain,
Danilo-the-craftsman

Для цитирования: Богданова В. О.
Методологические основы применения
герменевтического подхода
в преподавании гуманитарных дисциплин.
Часть 1. Основные принципы герменевтики //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 120—127.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-120-127.

УДК 140.8

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-120-127

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПРЕПОДАВАНИИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН. ЧАСТЬ 1. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Богданова Вероника Олеговна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,

² Южно-Уральский государственный
университет,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра
практической и прикладной философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: verovictory@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается проблема соответствия
системы образования требованиям нового вре-
мени, поскольку эта система продолжает

опираться на знаниевую парадигму, игнорируя тот факт, что в перенасыщенной информацией среде знания быстро обесцениваются и становятся неактуальными. Автор приходит к мысли, что человек быстрее адаптируется к новым реалиям, если система образования будет акцентироваться не на получении готовых знаний, а на развитие умения самостоятельно приобретать необходимые знания, критически их оценивать и генерировать на этой основе новые идеи для эффективного решения жизненных проблем. Осуществлению данной цели способствует использование герменевтического подхода в процессе изучения гуманитарных дисциплин. В ходе исследования автор раскрывает образовательный потенциал герменевтики, суть которого заключается в активизации познавательного процесса, развитии навыков продуктивной работы с разными источниками информации. В статье автор описывает основные принципы работы с текстом, позволяющие более глубоко усваивать материал, что открывает перспективы для дальнейшего исследования — разработки и апробации техники понимания, которую можно будет применять для изучения вербальных текстов.

Ключевые слова:

герменевтика,
интерпретация;
вербальный текст,
визуальный текст,
искусство понимание,
принципы герменевтики

Современный человек живет в эпоху массового потребления избыточной информации. Перенасыщенность информационной среды затрудняет мыслительный процесс. Человек не только не успевает перерабатывать информацию, но и, живя в условиях информационной перегрузки, теряет способность к ее критическому анализу и обобщению. Информация как вирус самовоспроизводится на подсознательном уровне, не достигая уровня рефлексии. В итоге человеку сложно ориентироваться в мире, поскольку стираются границы между реальными знаниями и поверхностной информацией. Однако, не только поверхностная информация лишена ценности, но и знания, соответствующие действительности довольно быстро теряют свою актуальность. Это приводит к нарушению равновесия между непрерывно изменяющимся миром и человеком, которому сложно ориентироваться в этих изменениях.

Современный мир диктует свои требования к системе образования. Сегодня уже бессмысленно просто передавать человеку определенные знания. Важнее воспитать индивида, не чувствующего себя потерянным в эпоху перемен, уверенно встречающего ситуацию неопределенности, быстро и гибко на нее реагирующего. Приспособление человека к изменениям предполагает развитие умения самостоятельно приобретать необходимую информацию, критически ее оценивать, генерировать на ее основе новые идеи для эффективного решения проблем. Однако современная система образования не справляется с этой задачей, поскольку продолжает воспроизводить знаниевую парадигму, в которой акцент ставится на усвоение готовых знаний и их воспроизведение. Знаниевая парадигма переоценивает существующее знание и игнорирует новое, поэтому важно научить субъекта образования не «потреблять» знания, а самостоятельно их получать, работая с разными источниками информации, свободная дрейфуя по информационному полю.

Одним из способов достижения адаптивности субъекта образования к требованиям нового времени можно считать применение в обучении герменевтического подхода. Внедренный в учебный процесс он позволит активизировать познавательный процесс, развить необходимые навыки продуктивной работы с разными источниками информации. Эта работа включает в себя умение анализировать и интерпретировать получаемую информацию.

Посредством применения герменевтического подхода в гуманитарном знании происходит приобщение к духовному опыту на рационально-логическом и образно-эмоциональном уровнях. Здесь акцент делается не только на понимании мысли автора, но и на выражении собственных чувств, эмоций, переживаний в ответ на содержание авторского текста. В герменевтическом анализе человек использует все возможности своего воображения, можно сказать, что он становится соавтором.

Получаемые знания становятся личностными, у субъекта складывается понимание применения полученных знаний в своей практической деятельности. Он учится находить смыслы в ситуации неопределенности и первоначального непонимания, делает свой ум более восприимчивым и открытым [7, с. 205].

Применение герменевтического подхода позволяет создать целостную креативную образовательную среду, в которой субъекты готовы к сотворчеству. Между ними возникают отношения партнерства и сотрудничества, не просто усваиваются готовые знания, а запускается процесс мышления, в ходе которого рождается собственный уникальный взгляд на рассматриваемые проблемы.

Данным подходом направлен на развитие навыков самостоятельного мышления, саморефлексии. Его использование создает пространство диалога, где субъекты находятся в позиции вопрошания, учатся задавать вопросы и находить ответы в процессе совместной работы. Посредством герменевтики могут быть обнаружены скрытые и неявные смыслы, дающие целостное понимание текста. Развитие умения задавать вопросы в условиях современного мира очень важно, поскольку для развития мышления важно уметь распознавать проблемные ситуации. Овладение герменевтической техникой откроет пути для решения проблем, поскольку она помогает, во-первых, вообще видеть проблемы, во-вторых, задавать правильные вопросы, и в-третьих, получать «подсказки» для правильных ответов. Являясь диалогическим методом, герменевтика способствует развитию коммуникативности, толерантного отношения к чужому мнению. Она направлена на развитие мышления посредством аргументации, что может подсказать пути решения в любых конфликтных ситуациях.

Герменевтика представляет собой искусство толкования текстов. «Текст» в герменевтике понимается широко — это «человеческий дух», явленный в разных формах,

требующих истолкования. В качестве текста выступает все, что имеет символическую природу. Это может быть вербальный текст и визуальные образы. В современных исследованиях актуальной является проблема понимания визуальных текстов. Это связано с так называемым экранным стилем мышления, который подпитывается визуальными образами. Поскольку техники понимания, используемые в герменевтике, первоначально разрабатывались для истолкования вербальных текстов, то они не всегда способны пониманию смысла визуального текста. Следует их серьезно переработать, поэтому целью нашего исследования является разработка техники понимания визуальных текстов, которая позволила бы герменевтике выйти на новый концептуальный уровень. Реализации этой цели будут посвящены две статьи. Данная статья имеет теоретический характер, в ней будут раскрыты основные принципы герменевтического метода. Вторая статья представляет собой практическую часть, в ней будет показана техника понимания визуального текста на конкретном примере анализа художественного произведения.

Герменевтика и ее основные принципы работы с текстом

Появление герменевтики связано с именем немецкого теолога и философа Ф. Шлейермахера, который рассматривал герменевтику как универсальную теорию понимания, направленную на истолкование текста. Постепенно понятие «герменевтика» приобретает более глубокое значение, так В. Дильтей определяет ее как искусство понимания явлений жизни, достигаемое с помощью самонаблюдения или путем «вчувствования» в бытие другого человека. Понимание есть проникновение в жизнь, сопереживание, вживание в духовный опыт другого человека. Предметом герменевтики является данная во внутреннем опыте реальность самих переживаний. В центре понимания лежит не «*cogito*», а «*sum*», поэтому для того, чтобы понять следует обращаться к фактичности человеческого существования. По мысли Х.-Г. Гадамера, это обращение предполагает понимание того, в рамках какой системы ценностей живет человек и как он эти ценности реализует в своем существовании [1, с. 22]. Таким образом, герменевтика распространяется на жизнь индивида, понимание трактуется как один из «экзистенциалов» подлинного существования человека. М. Хайдеггер отмечает, что

человек изначально находится в ситуации понимания бытия, его задача — дать толкование данной ситуации. Герменевтика служит инструментом толкования, изначально заложенного в человеческом бытии понимания бытия (*Seinsverständnis*) [10, с. 169]. Понимание всегда осуществляется в стихии языка, который является универсальной средой. Язык, по М. Хайдеггеру, отражает в себе весь мир человеческого существования. Это «дом бытия». Бытие говорит с человеком через посредника — через текст. Знакомство с текстом рассматривается как событие, направленное на совместное бытие с Другим. Оно представляет собой разговор между бытием автора, отраженным в тексте, и интерпретатором, погруженным в свое существование. Человек стремится понять мировоззренческую позицию автора, по поводу той или иной проблемы, и определиться с собственным отношением к ней. Через определение собственного отношения он созидает свою личность. Самосозидание происходит в результате построения онтологического проекта человека, который направлен на преобразование собственного существования, в зависимости от выявленных представлений о мире.

На учебных занятиях по гуманитарным дисциплинам постоянно ведется работа с вербальным или визуальным текстом. В процессе работы следует руководствоваться базовым принципам герменевтики, которые подходят как для понимания вербальных, так и визуальных текстов. Прежде всего, необходимо выявить проблемный вопрос, ответом на который является данное произведение. Проблемный вопрос, на который отвечает текст, схватывает его общий смысл. Понимание общего смысла — это и есть основная задача интерпретации. Интерпретация осуществляется согласно принципу герменевтического круга, когда смысл целого понимается через осознание смысла его частей, а смысл частей, исходя из понимания целого [11, с. 67]. В данном случае, текст рассматривается в качестве системы, в которой можно выделить три уровня организации: субстратный, структурный и концептуальный. На субстратном уровне производится описание отдельных смысловых единиц — частей текста. На структурном уровне выявляются взаимосвязи между этими частями. На концептуальном уровне происходит обнаружение или конструирование смысла текста в целом. Разобраться в отдельных смысловых единицах или в грамматических составляющих текста можно только интуитивно поняв целое. В свою

очередь, понимание целого требует осознание каждой его части. Процесс раскрытия смысла целого предполагает постоянное возвращение к ранее понятому для более глубокого осознания с позиции нового знания (понимания). Повторные переходы от части к целому и от целого части приводят к наращиванию смысла. Конечная задача интерпретатора — это понять произведение в полной совокупности его смыслов. Если у интерпретатора вызывает сомнение полученное истолкование текста, то путь понимания воспроизводится вновь. Нельзя экстраполировать выводы относительно одного фрагмента текста на весь текст, поскольку упущенные при таком подходе остальные фрагменты могут содержать смысл, который кардинальным образом изменит понимание целого [3, с. 329].

Еще одним важным принципом искусства понимания является обращение к культурной традиции. Шлейермахер отмечает, что для понимания важно знать в рамках какой культурной традиции создавалось произведение искусства. Без понимания традиции невозможно воссоздать первоначальный смысл. Интерпретатор восстанавливает смысл текста только с учетом культурно-исторических условий его возникновения. Обращаясь к работам писателей, художников прошлых веков, человек осознает возможность живого общения с прошлым. Знакомясь с условиями жизни людей в данный культурно-исторический период, у него формируется чувство сопричастности хронотопу культуры. Чувство сопричастности говорит о соединении времен, которое сопоставимо с «эффектом присутствия вечности» [6].

Однако Гадамер считает, что следование этому принципу может затруднить процесс понимания. Интерпретация не будет объективной, если толкователь сможет полностью погрузиться в дух изучаемой эпохи, сможет мыслить ее понятиями и представлениями. Дистанция во времени между читателем и автором является необходимым условием для продуктивного понимания. Современники автора подходят к толкованию произведения со своими неконтролируемыми предрассудками, которые владеют ими, поскольку они не способны их осознать. Предрассудки не позволяют постичь смысл произведения. Лишь отмирание связи с историческим временем позволяет достичь понимания, которое может претендовать на обязательность и всеобщность. Объективное понимание, пишет Гадамер, возможно, когда есть определенная историческая ди-

станция. Удаленность от события помогает отойти от сиюминутности оценок современности. Гадамер: «Нечто познается объективно в его непреходящем значении, когда оно принадлежит завершенному в себе целому» [2, с. 353]. Только в этом случае можно преодолеть субъективность наблюдателя.

Еще одним важным принципом толкования является погружение в индивидуальный мир конкретного автора. Усилия интерпретатора должны быть направлены на понимание жизни автора и психологических особенностей его личности. Понимание текста должно быть сопряжено с погружением в жизненную историю автора и изучением его отношений с другими людьми, раскрытием скрытых конфликтов и глубинных мотивов. Шлейермахер, считает, что в силах интерпретатора понять текст автора лучше него самого [11, с. 46]. Это возможно за счет обнаружения бессознательных моментов в жизни и творчестве автора. Интерпретатор способен обнаружить движущие интуиции автора, которые руководили им во время написания текста. Он может увидеть смысл текста, который сам автор не способен обнаружить. Ж. Делез связывает обнаружение новых смыслов с техникой деконструкции и использованием художественного приема коллажа, когда разрушаются старые и создаются новые неожиданные смысловые связи между частями текста в результате интерпретационной игры [4].

Ведущим принципом герменевтики является ее диалогичность. Понять текст можно только, если его рассматривать в качестве субъекта, с которым можно вступить в диалог. Продуктивное понимание не является воспроизведением сказанного, а предполагает участие реципиента в конструировании высказанного смысла. Как отмечает Гадамер, смысл текста создается в результате слияния и обогащения субъективных горизонтов понимания: автора и интерпретатора [2, с. 48]. Понимания стирает границы между субъектом и изучаемым объектом, поскольку толкователь интерпретирует выраженную в тексте внутреннюю жизнь автора, обращаясь к собственному опыту. Следует отметить, что герменевтический анализ предполагает объединение двух способов понимания: с одной стороны, выявляются смыслы, заложенные автором, с другой сам интерпретатор привносит собственные смыслы. Истолкование текста можно сравнить с процессом реконструкции авторских смыслов, в которую читатель вносит дополнительные смыслы. П. Рикер отмечает, что в процессе интерпретации

каждый индивид осуществляет присвоение себе произведения, когда он в обнаруженные пустоты текста или непонятные места вкладывает недостающие смыслы. Рикер: «Текст становится произведением только во взаимодействии с получателем» [8, с. 94]. Поскольку каждый индивид является обладателем уникального опыта, соответственно которому проводит интерпретацию, то понимание смысла текста разными людьми могут не совпадать. В этом реализуется принцип множественности интерпретаций, реализация которого часто порождает конфликт. Наличие конфликта не является недостатком, скорее это достоинство. В столкновении и пересечении различных позиций открываются глубокие, а не поверхностные смыслы. Принцип множественности интерпретации показывает, что понятие «правильная интерпретация» для герменевтики лишена смысла. Нельзя рассматривать интерпретацию как способ открыть окончательную истину о мире, ведь сопоставлять утверждение с реальностью — это дело естественных наук. В гуманитарных науках истина имеет конвенциональный характер. Следовательно, правильность интерпретации будет определяться в зависимости от мировоззренческих и психологических установок той или иной социальной группы или тех или иных предпочтений индивида. Как пишет Х.-Г. Гадамер: «Интерпретатор вправе рассматривать тексты независимо от их притязания на истину как чисто выразительные феномены» [2, с. 244]. В таком случае корректно ли использовать словосочетание «правильная интерпретация»? А. И. Макаров считает, что использование словосочетания «правильная интерпретация» возможно, но только если предварительно установлено его значение. «Правильная интерпретация», по мысли Макарова — это та интерпретация, которая выполняется согласно правилам герменевтической процедуры: она релевантна тексту, логически непротиворечива, не противоречит здравому смыслу, проясняет (а не затемняет) смысл частей и целого текста [6, с. 38].

Для многих преподавателей гуманитарных дисциплин характерна установка на «правильность». Вместо того, чтобы развивать навыки интерпретации, они добиваются следования установленному образцу, который считается «правильным», поскольку для того, чтобы следовать ему достаточно ссылки на авторитет. Макаров отмечает, что «правильная интерпретация» — это миф и вера в «правильную интерпретацию» губительна для мышления, поскольку вместо

того, чтобы мыслить свободно и самостоятельно, люди просто воспроизводят шаблоны, что никак не связано с процессом мышления.

На учебных занятиях важно создавать условия для реализации принципа множественности интерпретации. Прежде всего, необходимо объяснять студентам, что конфликт интерпретаций открывает возможность проявить и развить свои мыслительные способности. Конфликт интерпретаций помогает человеку осознать право свободного выбора одного из нескольких толкований и необходимости приводить аргументы для объяснения состоятельности данной интерпретации. Только в таких условиях личность учится самостоятельно мыслить. Наличие установки, что изначально существует некая «правильная интерпретация» приводит к пассивности мышления, в самом деле, зачем прилагать усилия, если достаточно просто найти требуемую информацию. Находясь же в состоянии конфликта интерпретаций, студенты развивают коммуникативные навыки, умение контролировать свои эмоции и отстраненно, по-философски смотреть на проблему с разных сторон. Очень значимо ощутить открытость чужому опыту, уважать взгляды другого человека, которые можно не разделять, но необходимо проявлять терпение «в осмыслении мотивов и опыта, лежащих в основе каждого убеждения и аргумента» [9, с. 11—12].

При интерпретации текста необходимо помнить, что подлинный смысл произведения не может быть раскрыт полностью. Приближение к нему — бесконечный процесс. Интерпретатор в ходе работы ведет борьбу с затемнениями смысла, открывая для себя все новые источники понимания [2, с. 353]. Реципиент должен быть готов к обнаружению новых смыслов в тексте и не создавать препятствий в их проявлении, так реализуется принцип герменевтической открытости. Знакомясь с текстом, интерпретатор делает предварительный набросок смысла, однако он подвергается его постоянному пересмотру. Это процедура способствует его углублению. У. Эко отмечает, что с одной стороны произведение искусства имеет завершенную и замкнутую форму, но с другой, — является открытым, поскольку дает возможность толковать себя на тысячи ладов, не теряя своего неповторимого своеобразия. Открытость заключается в неоднозначности толкования художественного произведения, которое наполнено поэтикой «намек» [12, с. 58—59].

Последний принцип искусства понимания, который нельзя не отметить — это

принцип выявления актуальности текста. Текст служит необходимым условием для осознания экзистенциальных проблем и раскрытия потенциальных возможностей для их решения. Интерпретатор воспринимает текст с позиции собственной экзистенциальной ситуации, которая создает для него индивидуальную перспективу понимания. Текст стимулирует поиск собственного сокровенного ответа на экзистенциальный вопрос, который поставлен толкователем. Через текст осуществляется диалог читателя с автором и с самим собой. Личность читателя раскрывается в общении с текстом, при этом его «Я» выступает не в виде застывшей сущности, а как становящейся в процессе проживания смыслов текста [5, с. 144—145].

Заключение

Описанные принципы герменевтики применимы не только к работе с текстом, некоторые из них могут служить основой для понимания других людей в процессе совместной групповой работы в процессе учебной деятельности. Осознание ценности данных принципов и следование им создает настроенность на рефлексивную открытость чужому опыту, которая необходима для естественного течения диалога между субъектами образования.

При совместной работе необходимо обращать внимание на особенности национальной культуры людей, включенных в интерпретацию. В студенческих группах могут присутствовать представители разных культур. Каждая культура формирует особый, уникальный способ видения мира со своей системой ценностей. Погрузится в индивидуальный мир человека и понять его невозможно, если отсутствует представление о том, что те или иные традиционные ценности являются маркерами повседневной жизни личности, ее непреложными культурными символами. Понимание ценностных основ другого необходимо для осознания его способа интерпретации учебного материала в разрезе его жизненной позиции. Как и при работе с текстом полного понимания позиции другого достичь невозможно. Но при плодотворной коммуникации собеседники будут каждый раз открывать новые смыслы, новые способы видения той или иной проблемы.

Коммуникация с другим не только позволяет познакомиться с его представлениями, но и позволяет увидеть способы выстраивания отношений с внешней действительностью и проанализировать собственные

способы взаимодействия с миром. Здесь сама коммуникация выступает в роли текста для интерпретации. Она позволяет осознать наличие проблем в общении. Как правило проблемы, с которыми сталкиваются студенты во время работы с текстами связаны с отсутствием навыка интерпретации. Им сложно объяснить свои взгляды, сталкиваясь с непониманием они испытывают негативные чувства, которые мешают осуществлять дальнейшее взаимодействие. Страх быть непонятым и неверно истолкованным является существенной преградой для плодотворной коммуникации. Страх приводит к активизации различных форм сопротивления и защиты. Важно обращать внимание студентов на то, что непонимание чаще всего не является показателем враждебного отношения, скорее это результат неудачно подобранных слов для объяснения. В свою очередь, когда собеседник испытывает трудности понимания — это естественная ситуация, которая решается только путем постановки вопросов, направленных на прояснение позиции другого.

Существенно тормозит работу ориентация на представление о «конечном результате» коммуникации. Вместо экзистенциальной открытости к обнаружению новых смыслов собеседники замыкаются в себе. В идеале в сознаниях собеседников не должны присутствовать объективно-фиксированные идеалы, представления, к которым они стремятся свести общение. Как отмечал К. Ясперс в процессе коммуникации бытие другого должно признаваться как собственное. У собеседников не должно быть стремление подладить другого человека под свои идеализированные представления о том, как должно быть [13, с. 64—77]. Присутствие такой губительной для диалога установки говорит не о стремлении прийти к пониманию, а о реализации стремления к власти и желания добиться превосходства, победы над другим. Герменевтическая интерпретация преследует другие цели, она направлена на прояснение текста, которое осуществляется при сохранении индивидуальности каждого интерпретатора. Хороший интерпретатор умеет сохранять дистанцию, способен чувствовать и понимать, ценность другого человека и его образа мыслей.

1. Владыкина Е. Ф. Идеи философской герменевтики // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 19. С. 19—25.

2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

3. Гашкова В. А. Герменевтический метод Шлейермахера в контексте изучения автобиографической прозы // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 328—332.

4. Делез Ж. Критика и клиника. СПб. : Machina, 2002. 240 с.

5. Кривцова Л. А. Герменевтика визуального: к постановке проблемы // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2013. № 4 (2). С. 143—148.

6. Макаров А. И., Ягудина Д. С. Герменевтика в образовании // Учитель наедине с собой. СПб. : Лема, 2014. С. 31—40.

7. Мокиенко О. П. Герменевтический подход в обучении (на примере обучения литературе) // Вектор науки ТГУ. 2011. № 3 (6). С. 204—206.

8. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. 313 с.

9. Тисельтон Э. Герменевтика. Черкассы : Коллоквиум, 2011. 430 с.

10. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический проект, 2005. 526 с.

11. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский Дом, 2004. 242 с.

12. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с.

13. Ясперс К. Философия. Книга 2: Просветление экзистенции. М. : Канон+, РООИ Реабилитация, 2012. 448 с.

References

1. Vladykina E.F. (2007) *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universitete*, no. 19, pp. 19—25 [in Rus].

2. Gadamer H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki*. Moscow, Progress, 704 p. [in Rus].

3. Gashkova V.A. (2020) *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, no. 1 (80), pp. 328—332 [in Rus].

4. Delez Zh. (2002) *Kritika i klinika*. Saint Petersburg, Machina, 240 p. [in Rus].

5. Krivcova L.A. (2013) *Izvestiya vuzov. Seriya «Gumanitarnye nauki»*, no. 4 (2), pp. 143—148 [in Rus].

6. Makarov A. I., Yagudina D. S. (2014) *Germenevtika v obrazovanii. Uchitel' naedine s soboj*. Saint Petersburg, Lema, pp. 31—40 [in Rus].

7. Mokienko O.P. (2011) *Vektor nauki TGU*, no. 3 (6), pp. 204—206 [in Rus].

8. Riker P. (1998) *Vremya i rasskaz. T.1. Intriga i istoricheskij rasskaz*. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga, 313 p. [in Rus].

9. Tisel'ton E. (2011) *Germenevtika. Cherkassy, Kollokvium*, 430 p. [in Rus].

10. Hajdegger M. (2005) *Istok hudozhestvennogo tvoreniya*. Moscow, Akademicheskij projekt, 526 p. [in Rus].

11. Shlejermaher F. (2004) *Germenevtika*. Saint Petersburg, Evropejskij Dom, 242 p. [in Rus].

12. Eko U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoj poetike*. St. Petersburg, Akademicheskij projekt, 384 p. [in Rus].

13. Yaspers K. (2012) *Filosofiya. Kniga 2: Prosvetlenie ekzistencii*. Moscow, Kanon+, Reabilitaciya, 448 p. [in Rus].

For citing: Bogdanova V.O.
Methodological foundations for applying
the hermeneutic approach
in teaching the humanities.
Part 1. Basic principles of hermeneutics //
Socium i vlast'. 2021. № 4 (90). P. 120—127.
DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-120-127.

UDC 140.8

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-120-127

**METHODOLOGICAL
FOUNDATIONS
FOR APPLYING
THE HERMENEUTIC
APPROACH IN TEACHING
THE HUMANITIES.
PART 1. BASIC PRINCIPLES
OF HERMENEUTICS**

Veronika O. Bogdanova^{1, 2}

¹ South Ural State Humanitarian
Pedagogical University,
Associate Professor of the Department Chair
of Philosophy and Cultural Studies,
² South Ural State University, Senior Researcher,
Scientific and Educational Center for Practical
and Applied Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: verovictory@mail.ru

Abstract

The article raises the problem of the compliance of the education system with the requirements of the new time, since this system continues to rely on the knowledge paradigm, ignoring the fact that in an oversaturated information environment, knowledge quickly depreciates and becomes irrelevant. The author comes to the conclusion that a person will quickly adapt to new realities if the education system does not focus on obtaining ready-made knowledge, but on developing the ability to independently acquire the necessary knowledge, critically assess it and generate, on this basis, new ideas for effectively solving life problems. To reach the goal a hermeneutic approach should be used in the process of studying the humanities. In the research, the author reveals the educational potential of hermeneutics, the essence of which is to activate the cognitive process, develop the skills of productive work with different sources of information. In the article, the author describes the basic principles of working with text, which allow a deeper assimilation of the material, which opens up prospects for further research — to develop and test an understanding technique that can be used to study verbal texts.

Keywords:

hermeneutics,
interpretation,
verbal text,
visual text,
art of understanding,
principles of hermeneutics

Для цитирования: Новикова О. Н.
Игроизация пространственно-временного бытия
человека в контексте
виртуальной реальности //
Социум и власть. 2021. № 4 (90). С. 128—137.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-128-137.

УДК 130.2

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-128-137

ИГРОИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Новикова Оксана Николаевна,
Уральский государственный
лесотехнический университет,
заведующий кафедрой
социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены пространственно-временные изменения, проявляемые в виртуальной форме игроизации бытия. Дается собственное определение виртуальной формы игроизации бытия. На основе включенного наблюдения переосмысливается пространственно-временные трансформации социокультурной реальности, а философско-антропологический подход позволяет установить зависимость стратегий личного,

группового поведения человека от включения игровых действий в виртуальное бытие человека. Дан анализ виртуальной формы игроизации бытия как событие и как со-бытие бытия человека. Виртуальная форма игроизации бытия поддерживается искусственно созданными событиями, поданными как серьезные происшествия, замещаемые новыми на завтра. Рассмотрена трансформация структуры свободного времени, позволяющая большую часть бытия современника перенести в досуг. Пространственно-временная модель виртуальной формы игроизации бытия человека визуально и ментально растворяет современника в виртуальной игровой среде. Современник, разыгрывая события, предстает в форме бриколажа, множественных образов, демонстрирующих стратегии как личного, так и группового поведения. В виртуальном интерфейсе время становится человекообразным, позволяя в других увидеть себя. Пространственно-временные границы виртуальной формы игроизации бытия нивелируют подлинность реальной жизни, замещая и вытесняя ее экспериментальной симуляцией, формирующей зависимость.

Ключевые слова:

виртуальная форма игроизации бытия человека, пространство, время, событие, со-бытие

Введение

Значимой особенностью современной культуры является многоплановое и многозадачное проникновение игровых элементов в неигровые виды деятельности, что получило название игроизации бытия человека. Игроизация, реализуемая в многочисленных игровых практиках, позволяет современнику по-своему истолковывать жизненные события, решать авторские новации, создавая жизненные истории, формируя собственное будущее в личной игровой стратегии.

Безусловно, феномен игры интересовал мыслителей с древности, но особое внимание он приобрел в современном философском знании, раскрывающем социокультурные изменения современного бытия человека (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Э. Финк, М. Хайдеггер, Й. Хейзинга и др.). Авторы усматривают в ней, то онтологический стержень (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида), то культурно-сообразную основательность (Э. Финк, Й. Хейзинга), то жизненную необходимость, приводящую к возникновению феномена игроизации (Л. Т. Ретюнских и С. А. Кравченко). Игра меняет свои границы и значения, трансформируя собственные классические характеристики, внося качественные прагматичные изменения во все сферы человеческой деятельности, проявляемые сегодня в виртуальной форме игроизации бытия человека.

Виртуальная форма игроизации бытия человека. Понятие «виртуальный» сегодня раскрывается в проявлении реально несуществующих форм объекта или состояния, возникающих при определенных условиях, в которых человек, действуя, создает новую реальность, «реальность в возможности». «Виртуальное дано субъекту в его восприятии» [4, с. 120]. Виртуальная форма бытия человека становится не просто самоконструированной реальностью, а характеризуется переносом фактически всех образов, объектов и аспектов человеческой деятельности в искусственную средовую субстанцию. Современник становится «виртуальным человеком», представителем триединства «индивида, технически и технологически вписанного в современный информационный социум» [1, с. 87]. Дж. Ланье одним из первых подметил потенциал «электронных устройств, вводящих их пользователя в новое измерение существования, в мир информации, в совершенно непривычную для человека дигитальную и интерактивную среду технологически продуцируемых симу-

лякров всего того, что только может быть ему дано в опыте сенсорного восприятия действительности» [7, с. 34]. А. И. Воронов акцентирует внимание на технических сторонах феномена виртуальности: «Виртуальная реальность понимается как кибернетическое игровое пространство, созданное на базе компьютера, в котором техническими средствами предпринята изоляция от внешнего, реального мира» [3, с. 14]. Виртуальный мир сегодня представлен в многочисленных коммуникативных программах и чатах, эмоциональных смайликах и игровом косплее, комплайн-встречах и интернет-сервисах, онлайн-встречах и виртуальных совещаниях, линденах и биткойнах, ультра реалистичном изображении человека и его материального окружения.

Человеческое тело, являясь маркером реального действия во времени и пространстве, приобретает иное состояние, включаясь в процесс виртуализации, где виртуальные игровые практики становятся технологиями, моделирующими социокультурный опыт человека. Телесно человек обнаруживает дихотомию реального и возможного, включаясь в игровые практики, позволяющие связать воедино процесс постижения чего-либо через подражательный акт, включающий воображение, творческое начало и собственное действие (эксперимент). В результате реальное-телесное замещается воображаемым, мнимым, тем, что отражается в чувствах и ощущениях, конструируемых в виртуальной реальности. Данный феномен во всем многообразии проявляется сегодня в новой виртуальной форме игроизации бытия человека, которая определяется нами как процесс конструирования собственной реальности, отображаемой через символический смысл симуляций и симулякров, проявляемых в разыгрывании личного возможно-желаемого бытия как действительного в публичном пространстве виртуальных миров [10, с. 78—85].

Зависимость современника от цифровой культуры, виртуального цифрового пространства анализируется в многочисленных исследованиях (А. А. Антипов, Л. В. Баева, В. Г. Буданов, Д. В. Галкин, Д. И. Дубровский, Е. Е. Елькина, В. А. Кутырев, Е. В. Масланов, А. В. Политов, Д. Е. Прокудин, Е. Г. Соколов, Н. Л. Соколова, Г. М. Шаповалова и др.), где отмечается эскалация игровой деятельности человека, что связано не только с желанием современника самоутвердиться, но и с возможностями Интернета, который оказывает влияние на правила взаимодействия, ком-

муникацию между людьми, как в позитивном, так и негативном аспектах.

Быстро меняющиеся события реальности не только трансформируют бытие человека, но и изменяют его восприятие и сознание, в собственной рефлексии конструирующего ответственную игровую действительность. Опираясь на философско-антропологическую интерпретацию игроизации бытия человека, проанализируем пространственные и временные изменения бытия современника, проявляемые в виртуальной форме игроизации бытия.

Методология и методика исследования

Использование метода включенного наблюдения позволяет переосмыслить ряд феноменов и явлений современной социокультурной реальности, проявляемых в виртуальной форме игроизации бытия человека. Философско-антропологический подход устанавливает зависимость стратегий личного, группового поведения человека от включения игровых действий в виртуальное бытие человека.

Игроизация как игра со временем

Еще с древности игровые элементы, проникая в серьезные формы деятельности (ритуальные обряды, жертвоприношения), формировали хронотоп своего времени, становясь пространственно-временным ориентиром, придающим смысл и значение событиям и явлениям. Созидая будущее в собственных игровых замыслах, человек не просто связывает бытие и время, а создает со-бытие, как пространственно-временной континуум. В нем, по словам М. Хайдеггера: «поскольку бытие и время имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек, как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так «сбывающийся человек принадлежит к событию» [19, с. 405]. А. Н. Уайтхед интерпретирует событие, как пространственно-временное происшествие [18, с. 35].

Не раз феномен игрового события осмысливался в современных научных работах (Д. И. Козлов, И. С. Петров, И. Е. Самарский, Е. Г. Тяглова, Е. А. Филатова и др.). В игровом событии человек утверждает свое отличие от другого, уподобляясь выбранному персонажу, предмету или роли. Он презентует другого и себя в соподчиненном процессе

со-бытия. Игровая практика — это еще и есть со-бытие бытия, экзистенция осознанного факта, наличествующего в общественной или личной жизни человека, организация или имитация реального происшествия. Ведь в ней человек организует собственное событие, проявляющее сущность человека через событийность со-бытия.

Таким образом, присутствие человека в бытии определяется временем, с одной стороны, обладающим независимостью от чего-либо, но, с другой стороны, служащего его характеристикой. Современные игровые практики способны связывать бытие и время человека, являя собой отсутствие или присутствие в бытии. По этому поводу Ж. Деррида говорит: «Игра всегда есть игра отсутствия и присутствия, но если осмыслить ее радикально, игра должна предварять альтернативу присутствия и отсутствия. Бытие должно быть постигнуто как присутствие или отсутствие на основании возможности игры, а не как-либо иначе» [23, р. 280-281]. Вместе с тем следует сказать, что игровая практика как присутствие человека в бытии, как со-бытие бытия, обладает способностью играть со временем, приобретая черты форсайта и проективности, выражая устремленность человека в будущее. Объединяя бытие и время, виртуальная игровая практика создает пространство с миром возможного, что является форсайтом, броском в будущее. «Будущее не просто результат влияния прошлого, оно зависит от прилагаемых усилий по его проектированию; будущее вариативно и зависит от заинтересованности в будущем состоянии; будущее нельзя предсказать достоверно, но можно спроектировать желаемый вариант и способствовать его приближению. Именно будущее открывает человеку множество возможностей, позволяя выйти за пределы настоящего с его ограниченностью» [9, с. 112—118].

Современные события приобретают реальность и становятся фактом бытия только в виртуальном информационном пространстве, задача которого — заменить ресурс внимания человека на ресурс участия. Сегодня любое происходящее событие искусственно организовывается, создается как феномен, о котором должны говорить, спорить, эмоционально включаться в развитие той или иной ситуации. Достаточно вспомнить о популярности и востребованности TikTok, Instagram, Вконтакте и др. виртуальных площадок, где видеоролики, клипы, скетчи, прямые эфиры в виде коротких развлекательных событий демонстрируют

определенный талант, навык или социальную проблему, предъявляя конкретного человека как бренд. Записывая новый сторис (короткие видео или анимационные истории), длящийся от 15 секунд в Instagram до 1 минуты в Tik Tok, человек привлекает к себе внимание, демонстрирует умение за короткий промежуток времени создавать полномасштабный сценарий события, поддерживаемый интригой, кульминацией и развязкой. Измененные границы времени (их сжатие) расширили пространственные ориентиры предъявления «происшествия», продолжающего существовать в лайках, отзывах, дальнейшем вирусном пространственном распространении. Восприятие себя глазами другого становится «выходом» за пределы самого себя, предъявлением в рефлексии самого себя как другого наличного.

Презентуемая в виртуальном мире личная жизнь как успешная, в виде выставленных картинок, фото, видео зарисовок о проведенном времени, становится челлендж-вызовом другим пользователям как событие, лично разыгранное происшествие, которое необходимо повторить. Поддерживаемый мотивационным форматом личностного роста челлендж выстраивается на простых заданиях-вызовах, институализированных симуляционных практиках, проявленных событийно в реальных социальных следствиях. В нем значим не сам феномен повторения задания-вызова (съесть несъедобный продукт, пообщаться с незнакомым человеком на улице на эдакие темы, спрыгнуть с моста и т. д.), а важен отклик, оценка, определяющая конкуренцию образов-симулякров, разыгрываемых участниками челлендж-игры. Тематические каналы челленджей — «заставь себя», «отпуск на районе», «марафон чемпионов», «идеальная суббота» и другие — служат типичными симулякрами повседневной жизнедеятельности, где виртуальные игровые практики создают новые пространственные и временные последствия. Разыгранный виртуальный спектакль становится формой предъявления нереализованных, но желано возможных запретов, где перфоманс и хеппенинг наделяют авторским правом каждого.

Основным стимулом для участия в челлендже является не самореклама и самомотивация, а желание широкого признания массовой аудиторией, получение фиктивной власти над виртуальным сообществом. Возможность манипулировать как личным, так и сознанием других людей через способность навязывать собственное

видение мира на ту или иную сотворенную проблему, примитивное событие, поданное как серьезное происшествие, замещающее завтра другим искусственно разыгранным событием, поддерживает виртуальный мир, делая его реальным. Виртуальные игровые практики, регламентированные правилами реальных действий, воспринимаются как нечто легкомысленное, иллюзорное, способное в содержательно-развлекательном контексте приобрести эмоциональную ценность. «Виртуальный мир может быть виртуальным до тех пор, пока он может контрастировать с реальным. Виртуальные миры могут в таком случае создавать ауру воображаемой реальности, множественность, которая будет скорее игровой, чем безумной. Виртуальный мир должен быть не вполне реальным, иначе он перестанет будить воображение» [20]. Поддерживаемый чертами реального мира виртуальный мир задает иную свободу действий, направленную на сознательное изменение информационных потоков, их комбинирование и регенерацию.

Виртуальная форма игроизации бытия и трансформация структуры свободного времени

Внедрение новых технологий и технических достижений изменило временную структуру занятости человека, позволяя большую часть своей жизни перенести в досуг. Ведь еще в 1980 г. Э. Тоффлер предсказал, что технические новинки позволят «большому числу людей работать дома», что будет способствовать «более теплой атмосфере в семье и более тесной однородной жизни общины» [17, с. 572].

Мобильные гаджеты, домашние технические помощники не просто делают бытие человека проще и адаптивнее, а доставляют ему чувства удовольствия от обладания и возможности действия с данными игровыми машинами. Возвращая взрослого человека в мир детства, современные игровые практики характеризуют любое действие в виртуальном мире как особое достижение, где практическая, содержательная сторона деятельности не имеет значения, главное, как это воспринимается, символически обозначается и разыгрывается. «Главным становится видимость, которая в силу своей природы легко превращает человека в объект манипуляции. Жизнь, подчиненная получению «лайков», перемещает человека в воображаемую

реальность, функционирующую по собственным законам» [13, с. 191].

Используя все органы чувств человека, виртуальный мир моделирует как возможную любую невозможную ситуацию в реальном мире. Мгновенный доступ к любой области виртуального пространства (без дополнительных физических, экономических и психологических затрат) пробуждает чувственное переживание, переводящее из пассивного наблюдения в активное участие. Базируясь на воображении, виртуальный мир стимулирует скрытые таланты человека, позволяя в игровом эксперименте достигнуть на образно-эмоциональном уровне заветного-желаемого. Расширяя границы действий человека, виртуальный мир манипулирует его сознанием, подстраивая под сконструированные шаблоны, образы и ситуации, проецируя его будущие изменения. Ориентируясь на штампы, современный в виртуальной форме игроизации бытия через копирование социальных образов (демонстрации своей еды, одежды, рум-тур по квартире, друзей, хобби, специфики работы и т. д.) меняет не только пространство, но и себя. Ведь еще в 1958 г. Г. Башляр отметил, что «изменяя пространство, покидая пространство нашего обычного восприятия, мы начинаем общаться с пространством таким способом, который физически невозможен... Ибо мы изменяем не пространство, а себя» [21].

Виртуальная форма игроизации бытия человека позволила виртуальный мир сделать реальным через возможность всеохватного действия. Мир уже рассматривается не как представление чего-либо (точное копирование вещей, образов, шаблонов, обстановки и т. д.), а требует соучастия, личного креативного сотворения, привнесения собственной истории, личностной трактовки в нарратив канвы события, разыгрываемого происшествия другими. Tik Tok, Likee, Vigo Vide, Pinterest и др. становятся игровыми площадками, где пользователи не просто делают клипы, слайд-шоу, а в рейтинге и конкурсном соревновании презентуют и самоидентифицируют в человеке то, что он не может проявить в реальной жизни. Большой выбор масок, технических и технологических фильтров позволяет документировать бытие человека в приукрашенном виде. Стремясь к расширению своего жизненного пространства, современный большую часть своей реальной жизни переносит в его виртуальную форму, планируя и фиксируя документально каждую минуту своей жизни (селфи, рассказ о предпочтени-

ях в еде, спорте, увлечениях, особенностях трудовой деятельности и досуге), вычленяя в обыденных каждодневных мелочах уникальность и самобытность. Темпоральные параметры виртуальной жизни не просто задаются организатором конкретного контента или сообщения, а интерактивно перерабатываются другими, вовлеченными участниками, независимо от места и времени присутствия в виртуальном игровом пространстве.

Игроизация и пространственно-временная модель вещи и телесности

Современник создает новое виртуальное пространство посредством демонстрации вещей из реального мира, выступающих условием связи с реальностью. Вещь приносит смысл, наделяя мнимое пространство функциональностью и практичностью не только через демонстрацию доступных игровых возможностей (выступая помощником или препятствием), но также визуально и ментально растворяя современника в виртуальной игровой среде.

Каждый тип культуры располагает собственной пространственно-временной моделью восприятия, формирующей чувства и переживания человека. Однолинейность и одномерность традиционных видов искусства замещается пространственно-временной разорванностью с развитием фото и кинематографа. А дальнейшее информационно-техническое изобилие делает пространство и время иммерсивным и интерактивным. Современные виртуальные игровые практики адаптируют чужие истории, образы и события, вовлекая человека не только эмоционально, но и телесно. «Сам мир здесь уже не продолжение чужого взгляда, но продолжение нашего тела» [11, с.30]. Входя в любую виртуально-игровую среду, современник не просто собирает вещи, проходит препятствия, создает дом или свой гардероб, он перерождается в медийного персонажа. Иммерсивная интерактивность дает человеку иное тело, эмоциональные переживания, а главное жизненный тонус — «прожитый» игровой опыт.

В виртуальной среде человек создает фантом своей жизни, способный передать другим людям новые ощущения и чувства. Технические возможности виртуального информационного мира создают симулякр другого по версии человека — идеального мира, нивелирующего метрические данные (линейность, перспективность, параметры),

акцентируя внимание не на внешних сторонах объекта, а на смысловых и ценностных значениях. Через внешнюю демонстрацию образа человек фиксирует личное понимание жизни, он наделяет виртуальное бытие собственным языком и смыслом. Современник через внешнюю атрибутивность убеждает другого пользователя в том, что счастлив и благополучен. Документируя в виртуальном пространстве бытовые особенности, человек публично конвертирует свой социальный статус. Он приобретает известность, медийность с помощью подписок и лайков, становится современным социальным героем, за которым следят, подражают и изучают, подписываясь на его канал или страницу. В простых и понятных высказываниях, бытовых видеозарисовках визуализируется и проецируется персональная наррация, делая более зримым собственное присутствие в виртуальной сети современника, которое «узаконивает публичный дискурс о частных вещах» [14, с. 134].

Частное пространство становится общественным, создавая новые образы и модели поведения. Достаточно вспомнить о непредсказуемой популярности в информационном пространстве You Tube видеоблогеров Ивангай (число подписчиков 11,6 млн. чел.), Макс +100 500 (8,2 млн чел.), Катя Клэп (1,6 млн подписчиков), Саша Спилберг (4,9 млн чел.) и др. Современный виртуальный герой не оценивается этически или морально, он чаще всего привлекает гламуром и хайпом, нестандартным подходом и умением в обыденных вещах и повседневных действиях создавать иную реальность, разыгрывать новую картину мира. Сетевая популярность сегодня становится видом успеха современника, привнося в его реальное пространство материальные дивиденды, максимальное внимание, почет и уважение.

Игроизация бытия человека проявляется в коммерциализации известности в виртуальной среде, возможности получения материальной прибыли, в расширенной манипуляции, привлечении внимания круга подписчиков к своему чату, блогу яркими и необычными образами, интересными высказываниями, нестандартным предъяснением материала. Так проявляется феномен виртуальной формы игроизации бытия современника, устанавливающий новый социокультурный порядок, «гибридный тип рациональности», обеспечивающий, по словам С.А. Кравченко, «адекватное понимание индивидуальных действий людей, постоянно взаимодействующих в контексте типичных игровых практик, следующих определенным

алгоритмам поведения, что создает основания для коллективной рационализации общественной жизни» [5, с. 273.].

Дискуссия

Игроизация бытия человека в виртуальной форме меняет ориентир не только в пространстве человека, но и во временных границах. Являясь эмоционально-темпоральной моделью действительности, она уплотняет и насыщает время игровыми событиями, благодаря чему время изменяет свои свойства. Традиционная игровая практика была ограничена временными и пространственными границами. R. Caillois отмечает, что «игра по сути является отдельным занятием, тщательно изолированным от остальной жизни.... доменом игры является ограниченная, закрытая, защищенная вселенная: чистое пространство» [22, р. 6—7.]. Технологический процесс ускорил и одновременно нивелировал временные и ценностные рамки передачи информации, постоянно замещая и растворяя современника в новом бесконечном водовороте сменяющих друг друга игровых событий. Человек перестал подразделять собственную жизнь на реальную и игровую. Мотивированный потребностями получать удовольствие от любого момента своей жизни, он стремится утвердить «свое ничем не примечательное бытие как «бытие для других» [8, с. 31.], используя цифровые технологии. Современник документирует многие моменты своей жизни в Instagram, YouTube, Tik Tok, виртуально подтверждая статус своего реального существования. Он поднимает собственную самооценку виртуальным напоминанием о собственном присутствии в реальном мире, закрепленным в видео и фото презентациях в цифровой игровой среде.

Перерабатывая физический и биологический статус своего бытия, человек в виртуальном пространстве воспринимает временные рамки как чуждую реальность, в которой событийная нарративность создает эффект опереживающего присутствия. Но в этом присутствии современник предстает в формате бриколажа, калейдоскопа «комбинируемых элементов, найденных в другом месте» [15, с. 129]. Современник предъясняет себя не через образы объективного мира, а в компиляции множественных образов разыгрывает события, демонстрирующие, по его мнению, личностное индивидуальное начало. Как подметила Л. А. Бурняшева: «сегодня большая часть наших образов извлекается из искусственных сообщений,

а не из личных наблюдений...»[2]. Человек самоутверждается в поиске поддержки сетевого игрового сообщества, идентифицирующего смысловое пространство лайками, сообщениями и хештегом. Он становится ведомым чужим мнением, воспринимая и представляя собственное бытие в формате рамок монитора.

Компьютерные игры, виртуальные миры делают время человекообразным, позволяя в других увидеть себя. Они открывают современнику возможности экзистенции, самопознания, освобождения от стереотипов, устаревших идеалов, норм и правил, и, как подметила О. В. Пащенко, «экзистенциальное время — это пространство свободы, в котором человек волен выбирать себе дорогу» [12, с. 13].

Сознательное сближение мира повседневности с игровой средой приводит к изменениям самой структуры игровой деятельности. Оно теряет свои основные черты, такие как свободная деятельность, практическая бесполезность, изолированность, порядок или соблюдение правил, наличие тайны или маскировки. Возможность повторения и управления любой реальной ситуацией действительности в виртуальной игровой форме, с одной стороны, дает человеку чувство безграничной свободы, но, с другой стороны, сковывает осознанием симуляции, анонимности, беспорядка и обмана, характеризуемого интернет-мошенничеством. В. А. Ладов подчеркивает: «чем более привлекательным оказывается виртуальный мир, тем сложнее человеку вернуться обратно и снова выполнять привычные действия в наскучившем ему реальном мире» [6, с. 23].

Традиционные игровые правила трансформируются виртуальным интерфейсом, задающим параметры дальнейшего взаимодействия. Меню игры с одной стороны уже описывает правила, приемы и технологии коммуникации данной игровой площадки, определяя пространственно-временные ориентиры, а с другой обладает персональной корректировкой игрового контента, позволяя подстраивать под себя как игрового персонажа, так и параметры временных и пространственных действий. Интерфейс предлагает игроку самостоятельно из отдельных частей, фрагментов, шаблонов и схем создать свою компилятивную реальность. С одной стороны, так современник реализует свое авторское право, креативное начало, но с другой стороны он ограничен техническим и технологическим потенциалом.

Игровое виртуальное пространство обезличено, оно приобретает смысл и контекст, наполняясь межпредметными связями, установленными игроком самостоятельно между персонажами и вещественным миром. Интерактивность игровой среды обеспечивается включенной казуальностью или хардкорностью последней. Казуальные игры, как игровые практики с объяснением, определяют и контролируют все этапы игрового взаимодействия, подсказывая, куда и как идти, как избежать неприятностей, где взять резерв и т. д. В хардкорных игровых мирах карта подсказки отсутствует, и участник полностью самостоятелен в развитии игровой ситуации. Благодаря интерактивности игровой мир получает безграничную иммерсивность как во временном, так и пространственном проявлении.

Современные герои виртуальных игр не только имеют визуальный образ, но и психологически и физиологически продуманы. Обладая не только внешними характеристиками, выбранные персонажи, выступая от первого или второстепенного лица, загружают человека полностью или частично, что подчас размывает границы реального и игрового бытия. А безграничные возможности конструирования несуществующих миров нивелирует подлинность реальной жизни, замещая и вытесняя её экспериментальной симуляцией, что вызывает зависимость.

Стертость временных и пространственных границ уже присутствует в реальной жизни, достаточно вспомнить о количестве времени проводимом современником в цифровой виртуальной среде. Человек живет онлайн практически все свое время, одновременно присутствуя на нескольких виртуальных площадках и технических устройствах. Наша жизнь контролируется и координируется умными часами, социальный статус подтверждается присутствием на многих виртуальных площадках, имеющих уже не только развлекательный, но социально-правовой статус. Сайт «Госуслуги» не только в содержательной стороне справочной информации организует нашу жизнь, но постепенно персонифицирует виртуально документальный статус человека.

Игроизация бытия человека принципиально отлична от игры своей прагматической направленностью (достаточно вспомнить о заработках в сети, марафонах, геймерских соревнованиях и др.), целесообразностью в любом игровом моменте, мотивацией на пользу и выгоду, готовностью человека быстро менять и корректировать

правила своего бытия, что свидетельствует о тотальном распространении виртуальной формы игроизации бытия.

Заключение

Виртуальная форма игроизация бытия человека:

- становится субстанционным основанием организации со-бытия бытия, проявляемой в чередовании игровых событий, выступающих средством самопрезентации, межличностной коммуникации и мировоззрения;
- проявление сущности человека через событийность со-бытия виртуальных игровых практик устанавливает зависимость стратегий личного и группового поведения человека;
- изменяет временную структуру занятости человека, позволяя большую часть своей жизни перенести в досуг.

Пространственно-временная модель виртуальной формы игроизации бытия:

- визуально и ментально растворяет современника в виртуальной игровой среде;
- нивелирует разделение собственной жизни человека на реальную и игровую;
- представляет человека в форме бриколажа, «комбинируемых элементов», множественных образов, разыгрываемых событий, демонстрирующих стратегии как личного, так группового поведения;
- делает время человекоразмерным, позволяя в других увидеть себя, проявляясь в виртуальном интерфейсе, задающим параметры дальнейшего взаимодействия.

Пространственно-временные границы виртуальной формы игроизации бытия нивелируют подлинность реальной жизни, замещая и вытесняя ее экспериментальной симуляцией, позволяющей быстро менять и корректировать правила своего бытия.

1. Бурнаева Е. М. «Человек виртуальный» в пространстве информационной культуры: дис. канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2012. 164 с.

2. Бурняшева Л. А. Феномены виртуализации сознания и трансформации ментальной модели человека // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 5. С. 20—23.

3. Воронов А. И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: автореф. дисс. канд. филос. наук. СПб., 1999. 22 с.

4. Кирик Т. А. Онтологическая специфика виртуальной реальности // Вестник кур-

ганского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2012. № 4 (26). С. 120—123.

5. Кравченко С. А. Игроизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей — победителей конкурса РФФИ 2007 года. Вып. 11 / под ред. члена-корреспондента РАН В. И. Конова. М.: Октопус Природа, 2008. С. 270-276.

6. Ладов В. А. Феноменология виртуальной реальности // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. Пятигорск, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-virtualnoy-realnosti> (дата обращения: 23.09.2021).

7. Лопатинская Т. Д. Виртуализация современной культуры и ее феноменов // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. URL: <https://www.elibrary.ru/download/elibrary/21404971/25596139> (дата обращения: 23.09.2021).

8. Надолинская И. В., Петкова С. М. «Человек скучающий»: самопрезентация в мире виртуальной реальности // Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (28). С. 30—32.

9. Новикова О. Н., Беляева Л. А. Игра как форсайт-технология и ее значение для бытия человека в культуре постмодерна // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 112—118.

10. Новикова О. Н. Игроизация бытия человека в контексте цифровой культуры // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 78—85.

11. Очеретяный К. А., Колесникова Д. А. Эпистемологические функции компьютерных игр // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 2. С. 27—38.

12. Пащенко О. В. Будущее как модус антропологического времени в контексте современной культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры. 2016. 22 с.

13. Петренко М. С. Видео челлендж и видеоблоги как инструменты манипуляции // Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития. 2017. С. 189—194.

14. Савчук В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 350 с.

15. Салтанович И. П. «Геймификация» социума как игровой континуум // Вестник МГЛУ. Сер. 3. История, философия, социология, экономика, культурология, политология. 2020. № 19. С. 75—81.

16. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ Москва, 2009. 654 с.

17. Тоффлер Э. Третья волна / науч. ред. и авт. предисл. П. С. Гуревич. М.: АСТ, 2004.

781 с.

18. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.

19. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.

20. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности: от наивного реализма к ирреализму. URL: <https://taudok.mirtesen.ru/blog/43203730946/METAFIZIKA-VIRTUALNOY-REALNOSTI> (дата обращения: 22.09. 2021).

21. Bachelard G. La Poétique de l'espace. P. : PUF, 1958. 266 p.

22. Caillois R. Man, Play, and Games. University of Illinois Press, 2001. 208 p.

23. Derrida J. Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. Chicago : University of Chicago Press, 1966. P. 280—281.

References

1. Burnaeva E. M. (2012) «Chelovek virtualnyi» v prostranstve informatcionnoi kulturyo Thesis. Komsomolsk-na-Amure. 164 p. [in Rus].

2. Burniasheva L.A. (2010) *Gumanitarnye i sotcialno-ekonomicheskie nauki*, no. 5, pp. 20—23 [in Rus].

3. Voronov A.I. (1999) *Filosofskii analiz poniatia «virtualnaia realnost»*. Abstract of thesis. SPb., 22 p. [in Rus].

4. Kirik T.A. (2012) *Vestnik kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: gumanitarnye nauki*, no. 4 (26), pp. 120—123 [in Rus].

5. Kravchenko S.A. (2008) *Igraizatciia obshchestva: blaga i problem. Sbornik nauchno-populiarnykh statei — pobeditelei konkursa RFFI 2007 goda*. Iss. 11. Moscow, Oktopus — Priroda, pp. 270—276 [in Rus].

6. Ladov V.A. (2011) *Fenomenologiiia virtualnoi realnosti. Filosofskie problemy informatcionnykh tekhnologii i kiberprostranstva*. Piatigorsk. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-virtualnoy-realnosti>, accessed 23.09.2021 [in Rus].

7. Lopatinskaia T.D. (2014) *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 4. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21404971_25596139, accessed 23.09. 2021 [in Rus].

8. Nadolinskaia I. V., Petkova S. M. (2020) *Gumanitarnye issledovaniia*, no. 3 (28), pp. 30—

32 [in Rus].

9. Novikova O.N, Beliaeva L.A. (2018) *Sotsium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 112—118 [in Rus].

10. Novikova O.N. (2020) *Sotsium i vlast'*, no. 5 (85), pp. 78—85 [in Rus].

11. Ocheretiani K.A., Kolesnikova D.A. (2018) *Vestnik PNIPU. Kultura. Istoriia. Filosofiia. Pravo*, no. 2, pp. 27—38 [in Rus].

12. Pashchenko O.V. (2016) *Budushchee kak modus antropologicheskogo vremeni v kontekste sovremennoi kultury*. Abstract of thesis. Cheliabinsk, FGBOU VO Cheliabinskii gosudarstvennyi institut kultury, 22 p. [in Rus].

13. Petrenko M. S. (2017) *Sovremennoe kommunikacionnoe prostranstvo: analiz sostoiianiia i tendentsii razvitiia*, pp. 189—194 [in Rus].

14. Savchuk V. (2014) *Mediafilosofiia. Pristup realnosti*. St. Petersburg, Izdatelstvo RKhGA, 350 p. [in Rus].

15. Saltanovich I.P. (2020) *Vestnik MGLU. Ser. 3. Istoriia, filosofiia, sotciologiiia, ekonomika, kulturalogiiia, politologiiia*, no. 19, pp. 75—81 [in Rus].

16. Sartr Zh.-P. (2009) *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii*. Moscow, AST Moskva, 654 p. [in Rus]

17. Toffler E. (2004) *Tretia volna*. Moscow, AST, 781 p. [in Rus].

18. Uaitkhed A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii*. Moscow, Progress, 720 p. [in Rus].

19. Khaidegger M. (1997) *Bytie i vremia*. Moscow, Ad Marginem, 451 p. [in Rus].

20. Khaim M. *Metafizika virtualnoi realnosti: ot naivnogo realizma k irrealizmu*. Available at: <https://taudok.mirtesen.ru/blog/43203730946/METAFIZIKA-VIRTUALNOY-REALNOST>, accessed 22.09.2021 [in Rus].

21. Bachelard G. (1958) *La Poétique de l'espace*. P. : PUF, 266 p. [in Eng].

22. Caillois R. (2001) *Man, Play, and Games*. University of Illinois Press, 208 p. [in Eng].

23. Derrida J. (1966) *Structure, sign and play in the discourse of the human sciences*. P. 280—281 [in Eng].

For citing: Novikova O.N. Gamification of a person's spatial and temporal existence in the context of virtual reality // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 128—137. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-128-137.

UDC 130.2

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-128-137

GAMIFICATION OF A PERSON'S SPATIAL AND TEMPORAL EXISTENCE IN THE CONTEXT OF VIRTUAL REALITY

Oksana N. Novikova,

the Ural State Forest Engineering University
Head of the Department Chair
of Socio-Humanitarian Disciplines,
Cand.Sc. (Education), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia
E-mail: oksnovi@mail.ru

Abstract

The article considers the spatial and temporal changes manifested in the virtual form of gamification of existence. The definition of the virtual form of gamification of existence is given. On the basis of included observation, the spatial and temporal transformations of socio-cultural reality are rethought, and the philosophical-anthropological approach makes it possible to establish the dependence of the strategies of individual and group

behaviour on the inclusion of game actions in the virtual existence. The analysis of the virtual form of gamification of existence as an event and as a co-being is given. The virtual form of gamification of existence is supported by artificially created events, presented as serious incidents, replaced by new ones for tomorrow. The transformation of the structure of free time is considered, which allows transferring most of the life of a contemporary into leisure. The spatial and temporal model of the virtual form of gamification of human existence visually and mentally dissolves the contemporary in the virtual gaming environment. A contemporary, acting out the events, appears in the form of bricolage, multiple images demonstrating strategies of both personal and group behavior. In the virtual interface, time becomes human-sized, allowing in others to see themselves. The space-time boundaries of the virtual form of gamification of existence negate the authenticity of real life, replacing and displacing it with experimental simulation that forms dependence.

Keywords:

virtual form of human existence,
gamification,
space,
time,
event,
co-existence

Для цитирования: Маркварт Э., Нечаева С. В. Управление устойчивым развитием регионов России в условиях новой реальности: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2021 года, Челябинск, Российская Федерация) // Социум и власть. 2021. № 4 (90). С.138—143. DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-138-143.

УДК 334.021.1

DOI 10.22394/1996-0522-2021-4-138-143.

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (26 октября 2021 года, Челябинск, Российская Федерация)

Маркварт Эмиль^{1, 2}

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт управления и регионального развития, профессор кафедры территориального развития им. В. Л. Глазычева,

² Европейский клуб экспертов местного самоуправления, президент, доктор экономических наук. Москва, Россия.

E-mail: postkasten2006@yandex.ru

Нечаева Светлана Владимировна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора, доцент кафедры политологии, истории и философии, кандидат исторических наук, доцент. Челябинск, Россия.

E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору и анализу итогов Всероссийской научно-практической конференции «Управление устойчивым развитием регионов России в условиях новой реальности», состоявшейся в г. Челябинске 26 октября 2021 г., и представляет собой дайджест основных мероприятий конференции.

Ключевые слова:
конференция,
устойчивое развитие,
бережливые управленческие технологии,
развитие территорий

26 октября 2021 года на площадке Челябинского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Управление устойчивым развитием регионов России в условиях новой реальности».

Соорганизаторами и партнерами конференции выступили: Правительство Челябинской области, Госкорпорация «Росатом», Общественная палата Челябинской области и структурные подразделения РАНХиГС (г. Москва): Институт управления и регионального развития и кафедры территориального развития им. В. Л. Глазычева Института общественных наук.

Целью конференции в 2021 г. стало: обсуждение научно-методических подходов и лучших практик, показавших свою эффективность в решении региональных социально-экономических проблем в современных условиях, а также поиск «бережливых» управленческих решений.

Конференция была организована в смешанном формате, что позволило принять в ней участие как в очном, так и в онлайн-форматах представителям органов государственной власти и местного самоуправления, научного сообщества и бизнес-структур из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Белгорода, Рязани, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Смоленска, Саратова, Твери, а также муниципальных образований Челябинской области.

В рамках конференции в 2021 году обсуждались две основные темы: бережливые технологии в государственном управлении, а также современные технологии и компетенции в управлении развитием территорий и городской среды.

Модератором первой экспертной дискуссии «Бережливые технологии в государственном управлении: от задач к результатам» выступила первый заместитель министра образования и науки Челябинской области Елена Коузова, которая организовала профессиональное обсуждение экспертами таких важных акцентов внедрения бережливых технологий в систему управления, как вовлеченность руководителей и специалистов, эффективная командная работа, обучение лидеров изменений, четкий анализ процессов и учет всех эффектов от оптимизации процессов, а также фиксация достигнутых изменений в ходе реализации «бережливых проектов» в нормативно-пра-

новой базе¹.

Среди заявленных целей экспертной дискуссии, о которых рассказала заместитель руководителя Аппарата Губернатора и Правительства Челябинской области — начальник Управления государственной службы Правительства Челябинской области Татьяна Язовских, были не только презентация системы бережливого управления в Челябинской области, достигнутых результатов и дальнейших перспективных точек развития, но и развитие горизонтальных связей с другими регионами — лидерами в области бережливого управления, знакомство с их лучшими практиками и эффективным алгоритмом выстраивания системы бережливого управления. В связи с чем по приглашению правительства Челябинской области в экспертной дискуссии приняли участие представители Белгородской, Нижегородской и Рязанской областей.

Начальник управления по организационной работе и сопровождению проектов аппарата Белгородской областной Думы Ирина Кирилова отметила, что Белгородская область — это единственный регион в России, где понятия «бережливое управление» и «бережливый проект» закреплены законом, где разработано «коробочное решение» успешного выстраивания системы бережливого управления, которое могут использовать все субъекты Российской Федерации. Опытном внедрения бережливых технологий поделились представитель департамента государственного управления и государственной службы Нижегородской области Александра Бутусова, а также заместитель председателя правительства Рязанской области Роман Петряев. Коллеги отметили формулы успеха своих регионов, в частности, в Нижегородской области это внедрение системы мотивации сотрудников и рейтингования проектов, развития сети «фабрик процессов» в органах власти, а в Рязанской области продвижение на пути внедрения инструментов бережливого производства в промышленной и социальной сферах связано в первую очередь с утвержденной стратегией «Бережливый регион — 2024».

Свое мнение по вопросам формирования «бережливых ведомств» высказали и представители государственных структур Челябинской области. В частности, заместитель министра социальных отношений Челябинской области Любовь Истомина от-

метила, что только благодаря проявленной личной вовлеченности министра Ирины Буториной удалось сформировать культуру бережливого управления в ведомстве и выстроить систему подачи и поддержки инициатив сотрудников.

В ходе дискуссии руководитель проекта ПСР Госкорпорации «Росатом», доктор экономических наук Надежда Давыдова, рассказала не только об опыте бережливых технологий в сфере образования различных российских регионов, но и о новых технологиях организации и проведения конференций. Тему бережливых технологий в образовании продолжил ректор ГБУ ДПО «Челябинский институт развития профессионального образования» Евгений Сичинский, который рассказал о проекте «Бережливое образование», его целях, задачах и первых шагах на пути к их решению, а также высказал убежденность, что сегодня нужна своего рода новая образовательная система по формированию «бережливого мышления» для последующей успешной профессиональной деятельности в современных экономических условиях. Своим мнением по вопросу бережливых технологий в образовании также поделился Директор Челябинского филиала РАНХиГС Евгений Алдошенко, который рассказал, что кроме реализации пяти бережливых проектов в управленческие процессы вуза в образовательные программы высшего образования бакалавров по таким направлениям подготовки как «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и «Управление персоналом» добавлены дисциплины по теоретической и практической подготовке обучающихся бережливым технологиям управления».

Подводя итоги экспертной дискуссии, Татьяна Язовских отметила: «Оптимизация процессов, внедрение бережливых технологий в органах власти — это вызов старым привычным способам работы и управления. Изменения такого масштаба требуют высокой вовлеченности сотрудников. Надеемся, наши усилия приведут к формированию культуры бережливого управления и совершенствованию своей работы». Экспертная дискуссия «Бережливые технологии в государственном управлении: от задач к результатам», вызвала неподдельный интерес и собрала порядка 200 участников от органов власти и местного самоуправления региона, ученых, экспертов из других регионов, которые заинтересованы осуществлять изменения, направленные на постоянное

¹ По материалам с официального сайта Правительства Челябинской области <https://pravmin.gov74.ru/prav/news/view.htm?id=10562428@egNews>.

повышение эффективности деятельности региональных и муниципальных органов власти.

В рамках второй сессии участники конференции анализировали современные технологии и компетенции в управлении развитием территорий и городской среды.

Вопросы пространственного и территориального развития в последнее время всё чаще становятся предметом пристального внимания не только ученых и экспертов, но и органов государственного и муниципального управления, профессионального сообщества и широкой общественности. Так, в России об этом свидетельствуют и неоднократные выступления ведущих федеральных политиков в средствах массовой информации, и разработка проекта Федерального закона «О городских агломерациях»¹, и новая правительственная инициатива «Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения»², и сформированный Минсельхозом России в развитие данной инициативы перечень опорных населенных пунктов, и ряд других решений³.

Чем же отвечают наука и образование на повышенный интерес к этой проблематике? Новые знания и идеи в этой сфере формируют и быстрыми темпами развивают основу для становления относительно новой области науки, которую часто называют урбанистикой (с оговоркой о том, что сфера территориального развития, безусловно, не ограничивается исключительно урбанизированными, городскими территориями). Пространственное и территориальное развитие теснейшим образом связано с демографическими, социальными, экономическими процессами в обществе, градостроительными, планировочными, земельными и некоторыми иными аспектами. Сама комплексность территориального развития требует междисциплинарного подхода и владения самыми различными компетенциями. Постепенное и глубокое осознание того, что пространственное развитие не сводится ни исключительно к территориальному развитию, и тем более к градорегулированию (территориальному планированию), ни к социально-экономическому развитию, — лежит в основе современной урбанистики.

Челябинский филиал РАНХиГС в течение нескольких последних лет «погружается» в проблемы пространственного развития ре-

гиона, пытаясь находить прикладные решения как для региона в целом, так и для муниципальных образований. Эта проблематика стояла на повестке дня ряда предыдущих научно-практических конференций, организованных филиалом⁴. С этой точки зрения логичным представляется включение филиала в пилотный проект создания (меж)региональных центров компетенций в сфере пространственного развития. Проект инициирован кафедрой территориального развития им. В.Л. Глазычева Института общественных наук РАНХиГС и поддержан Фондом ДОМ.РФ. Примечательно, что основатель кафедры В. Л. Глазычев не только неоднократно бывал как в Челябинске, так и в других муниципалитетах области, но и активно участвовал в свое время в формировании основ одного из первых в России проектов пространственного развития, получившего широкую известность — проекта управления Челябинской агломерацией⁵.

Одна из прошедших в рамках конференции сессий была посвящена обсуждению современных технологий управления территориальным развитием и компетенций, необходимых специалистам в этой области. Такая постановка темы связана, в частности, и с созданием упомянутых центров компетенций. Концепция создания сети региональных центров компетенций в сфере территориального развития представила заведующая кафедрой им. В. Л. Глазычева ИОН РАНХиГС, кандидат культурологии Елена Зеленцова. Кафедра, являющаяся одним из значимых образовательных и исследовательских центров в области пространственного и территориального развития, выступила с инициативой трансляции в регионы накопленного и накапливаемого опыта и подходов к реализации образовательных программ, исследовательской и проектной деятельности, сотрудничества с регионами в

⁴Зырянов С. Г., Гордеев С. С., Нечаева С. В. Институциональное обеспечение пространственного развития территорий Российской Федерации в условиях становления цифровой экономики: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26 октября 2018 года, Челябинск, Российская Федерация) // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 110—116; Маркварт Э., Нечаева С. В. Региональное пространственное развитие: неравномерность vs устойчивость: итоги Всероссийской научно-практической конференции (28—29 ноября 2019 года, Челябинск, Российская Федерация) // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 135—139.

⁵Подходы, использованные в рамках проекта, нашли свое отражение в книге Глазычев В., Стародубровская И. и др. Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск, 2008. 278 с.

¹ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199079#jH5bpgSTKTZemQJ6>

² <http://government.ru/news/42853/>

³ <https://docs.cntd.ru/document/420251273>

данной сфере. С этой целью были отобраны три региона, в каждом из которых на базе действующих филиалов РАНХиГС планируется создание (меж)регионального центра. Одним из трех регионов стала Челябинская область.

Важное значение для реализации проекта имеет его поддержка со стороны Фонда ДОМ.РФ, который на уровне Российской Федерации осуществляет институциональное сопровождение различных проектов развития городской среды и территориального развития. О деятельности ДОМ.РФ в ходе конференции рассказал заместитель генерального директора фонда Антон Финогенов, остановившийся в том числе и на планах ДОМ.РФ по реализации проектов в Челябинской области. Фонд рассчитывает на тесное сотрудничество с создаваемым в регионе центром компетенций. Следует отметить, что организация прилагает значительные усилия для внедрения современных подходов в области градорегулирования, развития городской среды и территориального развития в широком смысле.

О планах Челябинского (меж)регионального центра компетенций в сфере территориального развития рассказала заместитель директора Челябинского филиала РАНХиГС, кандидат исторических наук Светлана Нечаева. Целью деятельности Центра является создание открытой площадки эффективного взаимодействия власти, бизнеса, ученых и общественности по вопросам развития территорий Уральского региона. Поскольку такое взаимодействие будет многоаспектным (что связано в т. ч. и со сложностью и многогранностью самого предмета взаимодействия — пространственного и территориального развития), совершенно очевидно, что в орбиту деятельности Центра будут вовлечены специалисты различных направлений, представители ключевых органов власти и управления, институтов гражданского общества, деловые, научные и экспертные круги.

В планах Центра на 2021—2022 гг. формирование партнерской сети в области территориального развития, организация экспертно-дискуссионной площадки по актуальным вопросам пространственного развития в Челябинской области, формирование и развитие необходимых компетенций у заинтересованных акторов. В частности, в образовательную линейку Центра на первом этапе включены две программы повышения квалификации: «Городские проекты» и «Вовлечение горожан в программы

развития городской среды». Обе программы несколько лет назад были сформированы кафедрой им. В. Л. Глазычева, неоднократно реализованы в Москве и имеют очень хорошие отзывы участников — специалистов из самых различных регионов России. Эти программы, в реализации которых будут участвовать опытные преподаватели и эксперты как из Москвы, так и из региона, позволят участникам разработать реальные проекты развития территорий, которые в дальнейшем могут быть реализованы в регионе.

Создаваемый Центр планирует тесно взаимодействовать с двумя существующими в филиале профильными научно-исследовательскими лабораториями: моделей пространственного развития (руководитель — кандидат экономических наук Сергей Гордеев) и прикладной политологии и социологии (руководитель — Дарья Аверьянова), а также с центром дополнительного профессионального образования (руководитель — кандидат экономических наук Светлана Абрамкина). В работу нового Центра будут вовлечены представители названных лабораторий, а также заместитель директора по научной работе Института экономики Уральского отделения РАН, кандидат экономических наук Арина Суворова, представители органов региональной и муниципальной власти субъекта РФ, эксперты — специалисты в области пространственного и территориального развития и планирования.

В настоящий момент Челябинский центр компетенций совместно с экспертами кафедры им. В. Л. Глазычева формирует не только образовательную линейку, но и примерную программу исследовательской деятельности. Среди ключевых тем с точки зрения сегодняшнего видения выделяются вопросы управления городскими агломерациями и их развития, механизмы управления сжимающимися территориями, соотношения стратегического и территориального планирования, генеральных планов, схем территориального планирования и мастер-планов. Центр планирует активно взаимодействовать с субъектом РФ, муниципальными образованиями по подготовке документов стратегического и территориального планирования, формированию механизмов межведомственного и межтерриториального взаимодействия. Представляется, что возможность использовать ресурсный потенциал головного вуза в лице кафедры им. В. Л. Глазычева является

не только преимуществом для (меж)регионального Центра, но и для всего региона в целом.

В вопросах пространственного развития чрезвычайно важно обеспечить дифференцированный подход к каждому муниципальному образованию, каждому населенному пункту. По мнению принявшего участие в конференции профессора кафедры им. В. Л. Глазычева ИОН РАНХиГС, президента Европейского клуба экспертов местного самоуправления, доктора экономических наук Эмиля Маркварта, применение различных инструментов управления как различными, так и сжимающимися территориями может быть эффективным только при условии их адаптации к конкретному населенному пункту. Это, безусловно, не исключает необходимость выработки более общих инструментов и механизмов (групп инструментов) управления¹. Они, однако, выступают, скорее, ориентиром, направлением, «рамкой», внутри которой должны вырабатываться индивидуальные решения. При этом немаловажными представляются изучение и анализ опыта других территорий — как в глобальном масштабе (зарубежный опыт), так и в масштабе страны, макрорегиона, субъекта РФ и отдельных муниципальных образований. С этой точки зрения интерес вызвали и сравнительный анализ пространственного развития крупнейших городов России, представленный в рамках конференции Ариной Суворовой, и результаты исследования пространственного распределения победителей конкурсов Минстроя России лучших проектов создания комфортной городской среды, о которых рассказал директор программ кафедры им. В. Л. Глазычева, кандидат политических наук Дмитрий Соснин, неоднократно участвовавший в жюри конкурса. Результаты анализа конкурса Минстроя в рамках конференции были дополнены взглядом со стороны успешного участника данного конкурса, который изложил глава Кременкульского сельского поселения Сосновского района Челябинской области Александр Глинкин, рассказавший в т. ч. о результатах внедрения изменений в сельском поселении.

Резюмируя итоги данной сессии, следует подчеркнуть не только актуальность и значимость, многоаспектный, комплекс-

¹ См. например: Н. Киселева, Э. Маркварт, И. Стародубровская. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях. М., Дело, 2018. 282 с.

ный характер темы пространственного и территориального развития, но и постепенное формирование определенной научно-теоретической, исследовательской базы, накапливаемого практического опыта, образовательных программ, позволяющих транслировать соответствующие знания. В этом смысле взаимодействие одной из ведущих российских школ по данному направлению — кафедры территориального развития им. В. Л. Глазычева ИОН РАНХиГС, и Челябинского филиала РАНХиГС, последовательно работающего в течение последних лет над некоторыми ключевыми аспектами пространственного развития на региональном уровне — позволит обеспечить соответствующие процессы на Южном Урале качественной научной и педагогической базой.

В завершение конференции состоялся круглый стол, инициированный Общественной палатой Челябинской области, в рамках которого свои проектные идеи по актуальным вопросам регионального социально-экономического развития презентовали молодые ученые и студенты вузов.

В частности, зав. лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС Дарья Аверьянова презентовала научно-популярное издание «Челябинск — город мнений», которое было подготовлено совместно с доктором политических наук, профессором Сергеем Зыряновым на основе проводившихся в период с 2014 по 2019 годы инициативных опросов по изучению общественного мнения жителей города Челябинска.

Издание содержит несколько разделов, в которых представлены результаты исследований, отражающих различные аспекты развития городского социума, а также динамику восприятия общественно-политической и социально-экономической ситуации в столице Челябинской области. Дарья Валерьевна привела наиболее яркие примеры из книги, которые наглядно показали, что общественное мнение — это индикатор эффективности регионального управления.

Также в рамках круглого стола были подведены итоги Межрегионального внутрикорпоративного конкурса грантов на проведение инициативных научных исследований студентов Челябинского и Курганского филиалов РАНХиГС и грантополучатели презентовали свои проектные идеи. Из наиболее интересных можно отметить следующие темы заявленных грантов: «Разработка информационно-аналитического

интернет-ресурса «Публичный бюджет Челябинска», «Играют дети»: проблемы формирования социально — активной личности детей, оставшихся без попечения родителей, посредством театральной деятельности», «Разработка механизма реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования». Результаты исследований будут презентованы на апрельской студенческой конференции в 2022 году.

В завершении участники Всероссийской научно-практической конференции высказали мнение, что организованный форум позволил ученым и практикам сверить векторы развития и дал почву для новых идей управления устойчивым развитием регионов России в условиях новой реальности.

Организационный комитет благодарит всех, кто присоединился к работе конференции! С материалами конференции можно будет ознакомиться в РИНЦ и на сайте Челябинского филиала РАНХиГС <https://chel.ranepa.ru>.

For citing: Markvart E., Nechaeva S.V. Managing sustainable development of Russian regions in the new reality: results of the all-Russian scientific and practical conference (October 26, 2021, Chelyabinsk, Russian Federation // *Socium i vlast'*. 2021. № 4 (90). P. 138—143. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-138-143.

UDC 334.021.1

DOI: 10.22394/1996-0522-2021-4-138-143.

MANAGING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS IN THE NEW REALITY: RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE (OCTOBER 26, 2021, CHELYABINSK, RUSSIAN FEDERATION)

Emil Markvart^{1, 2},

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Management and Regional Development, Professor of the Department Chair of Territorial Development named after V.L. Glazychev

² President of the European Club of Local Government Experts, Doctor of Economics. Moscow, Russia. E-mail: postkasten2006@yandex.ru

Svetlana V. Nechaeva,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Deputy Director, Associate Professor of the Department Chair of Political Science, History and Philosophy, Cand. Sc. (History), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Abstract

The article is focused on reviewing and analyzing the results of the All-Russian scientific and practical conference "Managing sustainable development of Russian regions in the new reality" held in Chelyabinsk on October 26, 2021, and it is a digest of the main conference events.

Keywords:

conference, sustainable development, lean management technologies, development of territories

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельный файл в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru